

2025

Volume 11

No 1 (41)

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

2025

Том 11

№ 1 (41)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 31978. Формат 240×170. Объем 112 с. Тираж 28 экз. Свободная цена. Дата выхода в свет 31.03.2025. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация. Типография и ее адрес: ИД «Канцлер»; Полушкина роща, д. 16, стр. 66-а, Ярославль, 150064, Российская Федерация. Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – The Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, RAS (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Anna A. Talitskaya – Yaroslavl State University (Russia)

Lidiya N. Timofeeva – RANEPА (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Larisa V. Ukhova – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- С. В. Алоэ** – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)
Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)
Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)
Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)
И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СИ РАН (Санкт-Петербург, РФ)
Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)
В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)
И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)
Т. К. Ростовская – д-р социол. наук, профессор, ФНИСЦ РАН (Москва, РФ)
И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)
А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)
А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)
Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. В. Ухова – д-р филол. наук, доцент, ЯГПУ (Ярославль, РФ)
Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)
М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Ignatjeva O. A., Shchelkanov A. A.**

Features of GR activities on the BRICS+ fields 6

Kudryavtsev S. A.

Features of India's democratic transit: prerequisites, trajectory, prospects 20

Savelchev L. A.

Features of parliamentary paradiplomacy: a case-study of the Legislative Assembly of St. Petersburg 36

Shevchenko E. S.

Political Features Of The Formation Of Public Opinion In The United States Against The Background Of The 2024 Presidential Election..... 46

SOCIOLOGY**Gerasina A. A.**

Cohabitation in the marriage strategies of modern youth 58

Kiselev I. Y., Mikhailova E. V., Smirnova A. G.

The experience of preparation for retirement in the modern pensioners' attitudes 74

PHILOLOGY**Beglova E. I.**

The role of paremia in literary texts of different historical periods..... 88

Petrova E. A.

Analysis of the Cognitive Potential of Idiomatic Expressions 102

ПОЛИТОЛОГИЯ**Игнатъева О. А., Щелканов А. А.**

Особенности GR-деятельности на полях БРИКС+ 6

Кудрявцев С. А.

Особенности демократического транзита Индии: предпосылки, траектория, перспективы 20

Савельчев Л. А.

Особенности парламентской парадипломатии: кейс Законодательного Собрания Санкт-Петербурга 36

Шевченко Е. С.

Политические особенности формирования общественного мнения в США на фоне президентских выборов 2024 года 46

СОЦИОЛОГИЯ**Герасина А. А.**

Сожительства в брачных стратегиях современной молодёжи 58

Киселев И. Ю., Михайлова Е. В., Смирнова А. Г.

Опыт подготовки к выходу на пенсию в установках современных пенсионеров 74

ФИЛОЛОГИЯ**Беглова Е. И.**

Роль паремии в художественных текстах разных исторических периодов 88

Петрова Е. А.

Анализ когнитивного потенциала идиоматических выражений 102

Features of GR activities on the BRICS+ fields

O. A. Ignatjeva¹, A. A. Shchelkanov¹

¹Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-6-19

Research article
Full text in Russian

Activities to protect the interests of business in relations with government authorities have a history of more than a century and a half in American political thought and practice. It was the United States that became the founders in the systematic study of lobbying. This is how this type of activity is designated in Western science. In Russia, the protection and promotion of the interests of economic agents in relations with government authorities is designated by the term GR (government relations) in order to reduce the negative component associated with the suppression of competition and the possibility of corruption. Analysis of the theoretical and methodological foundations allows us to conclude that this type of activity has been thoroughly studied in the Western neo-institutional paradigm and is associated with the names of such scientists as M. Olson, D. North, etc. GR as a Russian version of activities to promote the interests of national business does not have such solid theoretical and methodological foundations, but work in this area is underway. Here you can name the names of such domestic researchers as L. V. Smorgunov, P. A. Tolstykh, A. A. Degtyarev. GR is going through a phase of rapid development; its strategies are now in demand not only to protect the interests of business in domestic markets, but it is used more and more often on international platforms. For example, such international associations as the EAEU and BRICS+ are relevant for Russia today. The purpose of this article is to analyze the features of GR activities in the context of its demand on the platforms of the most promising international association for Russia, BRICS+.

Keywords: GR activities; lobbying; business associations; state corporations; BRICS+; GR strategies; business ambassadors

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ignatjeva, Olga A. | E-mail: olga7919@mail.ru
Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor

Shchelkanov, Alexander A. | E-mail: aa.shchelkanov@mail.ru
Cand. Sc. (Economics)

For citation: Ignatjeva O. A., Shchelkanov A. A. Features of GR activities on the BRICS+ fields // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2025. Vol. 11, No. 1. P. 6-19. (in Russ.)

Особенности GR-деятельности на полях БРИКС+

О. А. Игнатьева¹, А. А. Щелканов¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-6-19
УДК 321.022

Научная статья
Полный текст на русском языке

Деятельность по защите интересов бизнеса в отношениях с органами государственной власти насчитывает более чем полуторазековую историю в американской политической мысли и практике. Именно США стали основоположниками в систематическом изучении лоббизма. Так этот вид деятельности обозначен в западной науке. В России защита и продвижение интересов экономических агентов в отношениях с органами государственной власти обозначается термином GR (government relations) в целях уменьшения негативной составляющей, связанной с подавлением конкуренции и возможностью коррупции. Анализ теоретико-методологических оснований позволяет сделать вывод, что данный вид деятельности имеет тщательную проработку в западной неоинституциональной парадигме и связан с именами таких ученых, как М. Олсон, Д. Норт и т. д. GR как российский вариант деятельности по продвижению интересов национального бизнеса не имеет таких основательных теоретико-методологических оснований, но работы в этой области ведутся. Здесь можно назвать имена таких отечественных исследователей, как Л. В. Сморгун, П. А. Толстых, А. А. Дегтярёв. GR переживает этап бурного развития, его стратегии теперь востребованы для защиты интересов бизнеса не только на внутренних рынках, но и все чаще и чаще на международных площадках. Например, для России сегодня актуальны такие международные объединения, как ЕАЭС и БРИКС+. Целью данной статьи является анализ особенностей GR-деятельности в контексте ее востребованности на площадках наиболее перспективного для России международного объединения БРИКС+.

Ключевые слова: GR-деятельность; лоббизм; деловые ассоциации; госкорпорации; БРИКС+; GR-стратегии; бизнес-послы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Игнатьева, Ольга Анатольевна | E-mail: olga7919@mail.ru
Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры
политического управления

Щелканов, Александр Александрович | E-mail: aa.shchelkanov@mail.ru
Кандидат экономических наук, доцент кафедры
политического управления

Для цитирования: Игнатьева О. А., Щелканов А. А. Особенности GR-деятельности на полях БРИКС+ // Социальные и гуманитарные знания. 2025. Том 11, № 1. С. 6-19.

Введение

Деятельность в области защиты интересов бизнеса в западной традиции известна как лоббизм, в российской политической науке и практике – как GR (government relations). Однако в России данный вид деятельности только развивается, его институционализация и профессионализация началась в нулевые годы XXI века, в то время как на Западе он существует уже с конца XIX века, имея правовую основу. Несмотря на то, что в России GR еще законодательно не урегулирован, он последовательно проходит разные этапы развития: от «теневого» лоббизма в 1990-ые годы до этапа равноудаленности с опосредованным взаимодействием власти и бизнеса через законодательные органы и деловые ассоциации, далее до партнерских отношений, начиная с периода мирового финансового кризиса 2008 года. Бурный период формирования GR-стратегий и освоения новых площадок для российских компаний приходится на период 2000-х и 2010-х годов, когда для российских предпринимателей открылись новые горизонты сотрудничества на зарубежных рынках. Крупные российские корпорации стали полноценными игроками на международных площадках. Они начали предлагать свои разработки и услуги по всему миру, однако для получения тендеров на строительство новых объектов за рубежом стала возрастать потребность в особом роде профессионалах – GR-специалистах, обладающих знаниями в области права и выстраивания отношений в странах-реципиентах. В 2020-ые в связи с неблагоприятной конъюнктурой, связанной с трехлетней пандемией COVID-19 и началом СВО, интересы российского бизнеса сместились с выстраивания отношений с западными странами на более узкий фокус: освоение рынков ЕАЭС и дружественных стран БРИКС, который приобрел в 2023 году новый формат БРИКС+ в связи с вхождением в него новых участников. Таким образом, целью данной статьи является анализ особенностей GR-деятельности в контексте ее востребованности на площадках наиболее перспективного для России международного объединения БРИКС+.

Government relations (GR): сущность и предпосылки формирования

Понятие GR (government relations) прочно вошло в российский политологический тезаурус, вытеснив из обращения понятие лоббизм. GR принято считать более мягкой формой защиты интересов бизнеса в отношении с властными структурами с меньшими негативными последствиями для общества. «GR представляет собой деятельность по выстраиванию отношений между различными общественными группами (бизнес-структурами, профессиональными союзами, добровольческими организациями) и государственной властью, включающую в себя сбор и обработку информации о деятельности правительства, подготовку и распространение информации о позициях представляемых групп, влияние на процессы принятия политических и административных решений» [1, с. 362–363]. Считается, что GR используется не в интересах одного лица, а в интересах целой отрасли. Так, например, обращение бизнеса в деловые ассоциации позволяет последним сформулировать общие проблемы компаний, представляющих данную сферу, и представить экспертную оценку и возможные варианты решения в ответственные органы государственной власти.

Необходимо развести понятия «GR» и «лоббизм». Так, одни российские авторы считают эти понятия идентичными, другие авторы полагают, что понятие «GR» более широкое, чем лоббизм [2, с. 14]. Третьи полагают, что лоббизм является определенной технологией, ставшей действенным средством системы GR [3, с. 12]. В. А. Ачкасова и О. Г. Филатова полагают, что GR – это система отношений социальных субъектов с органами власти, а лоббизм – это решения, принимаемые в отношениях групп интересов на основе знания юридических и этических процедур [2, с. 14–15].

Д. Г. Камнев выделяет три этапа в развитии отношений между бизнесом и властью в России в период с 1990-ых годов по 2014 год [4, с. 72]. Первый этап (1990-ые годы) характеризуется «теневым лоббизмом», когда представители бизнеса предпочитали решать возникшие вопросы через заинтересованных людей во властных структурах посредством «покупки решений», а следовательно, пренебрежением частными интересами. На втором этапе (2000-ые годы) бизнес занят согласованием своих интересов с интересами общества. К решению проблем бизнеса привлекаются деловые ассоциации и законодательные органы. Третий этап, согласно работе Д. Г. Камнева, начинается в 2008 году и заканчивается в 2014 году (год публикации статьи). Для него характерно стремление представителей власти и бизнеса к сотрудничеству в приоритетных отраслях экономики с обязательной социальной корпоративной ответственностью.

Так, в 1990-ые эффективные GR-стратегии еще не были созданы. Слабое государство, отсутствие законодательного регулирования лоббизма – все это могло быть использовано только для продвижения частных интересов и завоевания монопольного положения на рынке. В этот период в России доминировала олигархия, связанная со срастанием политической и экономической власти [5, с. 112]. Представители крупного бизнеса совмещали свои должности с государственной службой. Например, В. О. Потанин (президент холдинговой компании ИНТЕРРОС) являлся первым заместителем председателя Правительства Российской Федерации. Поскольку коммуникация была налажена на неформальном уровне, то не было необходимости создания легальной системы лоббирования, а это существенно расширяло возможности крупного бизнеса в защите и продвижении частных интересов.

В 1990-ые годы государство не могло быть лидером в отношении с бизнесом, инициатива в этой области была у экономических агентов. В обществе сформировался запрос на увеличение реальных доходов граждан. С приходом к власти В. В. Путина начинает меняться формат взаимодействия власти и коммерческих структур. Новый характер власти и бизнеса взаимоотношений был обозначен как равноудаленный, так как на смену неформальным отношениям пришло взаимодействие через законодательные органы и деловые ассоциации [6, с. 5]. Основной особенностью данного периода стал переход лидерских позиций от бизнеса к государству.

Особенность сформировавшегося после финансового кризиса 2008 года периода заключалась в стремлении политических и экономических акторов создать благоприятные условия для развития экономики, позволяющие полноценно функционировать не только отечественному, но и зарубежному бизнесу. Для создания благоприятной среды государство установило низкий подоходный налог. Новая установка в области GR была связана с необходимостью создания условий

для постоянного диалога между властью и бизнесом. Д. С. Белов отмечает следующие функции появившихся внутри компаний структур: выявление возможных рисков; оценка потенциальных угроз и степени влияния на осуществляемую деятельность; формирование представлений об источниках рисков; составление стратегии для принятия правильного управленческого решения; в случае наступления неблагоприятных последствий минимизация получаемого ущерба [7, с. 43].

Таким образом, произошел переход «теневого» лоббизма к равноудаленности, а затем партнерству во взаимоотношениях государства и бизнеса в России. Лидирующие роли в отстаивании интересов бизнеса постепенно перешли от экономических агентов к государству. Часть крупных предприятий была национализирована, а наиболее одиозные представители крупного бизнеса потеряли свои позиции. С 2008 г. государство и бизнес начинают усиленное формирование эффективных каналов коммуникации в сфере GR, ставятся вопросы о правовом регулировании данной деятельности. В середине 2000-ых годов GR в России выходит на новый уровень: в сферу его интересов попадают международные площадки. Так, например, в 2005 г. Росатом начинает лоббировать право на достройку АЭС «Белене» в Болгарии, и, хотя этот проект не увенчался успехом, в России начала формироваться плеяда GR-специалистов, способных защищать интересы российского бизнеса на зарубежных площадках. Для защиты интересов Газпрома в Брюсселе было открыто представительство данной госкорпорации, где активную роль играют российские GR-специалисты [8]. Деятельность в области GR становится все более и более востребованной. Сегодня российские специалисты в области GR действуют и на площадках международных объединений, таких как ЕАЭС и БРИКС+. Особенности лоббирования интересов российского в рамках БРИКС+ будут рассмотрены в третьем и четвертом разделе данной статьи.

Отличительные особенности GR и лоббизма в неинституциональной теории

Феномен лоббизма детально разработан в парадигме неинституционализма и связан с именами таких выдающихся западных мыслителей, как М. Олсон и Д. Норт. GR является российским вариантом обозначения лоббистской деятельности с целью уменьшения негативной окраски лоббизма как явления, связанного с коррупционной составляющей. Теоретическое обоснование GR в российской науке не имеет столь тщательной проработки, как феномен лоббизма в западной традиции. Но поскольку эти два понятия касаются так или иначе исследования одного феномена, обозначающего защиту интересов бизнеса в отношениях с властью, то обратимся в неинституционализму, а следовательно, к анализу лоббизма для понимания сущности представленного феномена.

Обращение западных исследователей к тематике лоббизма датируется концом XIX века. А. Бентли был одним из первых ученых, обратившихся к изучению данного явления. В своих работах он придавал большое значение группам интересов в политическом процессе [9, р. 42]. Д. Трумэн [10] сформулировал понятие «группы интересов» и «группы давления». При этом политический процесс в концепции автора был представлен как всеобъемлющая конкуренция за власть, в рамках которой общество делилось на группы. Д. Трумэн также ввел тезис о связи меж-

ду размером группы интересов и ее влиянием. М. Олсон доказывает, что небольшие группы могут иметь гораздо большее влияние на власть [11, с. 165]. Дело в том, что они требуют меньших денежных затрат для поддержания своего существования, а также могут включать влиятельных членов, что намного важнее, чем количество. Также М. Олсон одним из первых представителей неоинституционализма поднимает проблему рентоориентированного поведения как одного из аспектов лоббистской деятельности [12].

Еще один выдающийся представитель неоинституционализма – Д. Норт – также развивал концепцию лоббизма, доказывая возможность влияния групп интересов на создание представительства и принятие политических решений. По его мнению, институты устанавливают правила игры, или, другими словами, ограничительные рамки, в границах которых формируются взаимоотношения между людьми [13]. Концепция Д. Нортона учитывает социокультурный контекст и психологические особенности участников политического процесса, которые оказывают влияние на институциональную культуру лоббизма. Существует несколько моделей лоббизма. Так, в обществах, в которых отсутствует законодательное регулирование данного феномена, складывается модель корпоративного лоббизма. В либеральных демократиях складывается плюралистическая модель. Плюралистический подход создает полную свободу для групп интересов. Данные объединения формируются бесконтрольно, конкурируют друг с другом и оказывают давление на принятие политических, социальных и экономических решений в стране.

По мнению Д. Нортона, можно выделить несколько видов ограничений, накладываемых на институты, формирующие «правила игры». Это формальные ограничения, выраженные в законах и нормативных актах; неформальные правила, создаваемые культурным контекстом, этикой и историей; а также отклонения от принятых в Западном мире правил, за которые устанавливают санкции [14].

Представители старого институционализма рассматривали структуру политического процесса и взаимодействия институтов с точки зрения формального права. Новый институционализм позволил оценить лоббизм с точки зрения использования неформальных практик и институтов, что стало значительным шагом в понимании данного феномена. На современном этапе важный вклад в развитие понимания феномена по защите и продвижению интересов бизнеса в государственных структурах сделал П. Сабатье [15]. Используя концепцию коалиций по защите интересов (ACF), он объяснил особую роль групп интересов в принятии важных политических решений.

Таким образом, с одной стороны, лоббизм является институтом, который позволяет снизить транзакционные издержки [14] в процессе его формализации, становясь важным инструментом давления на государство, которое уже не может более игнорировать проблемы и нужды национального бизнеса. С другой стороны, лоббизм может иметь и негативные последствия для общества в случае рентоориентированного поведения экономических и политических агентов [12], когда бизнес заинтересован в получении преференций для одной компании за счет ущемления интересов остальных налогоплательщиков, а также ограничения конкуренции.

БРИКС+ как площадка по защите интересов бизнеса

С момента создания БРИКС (условно с начала 2000-х) и до сегодняшнего дня очертания международного политического пространства четко сформировались, и БРИКС является центром экономического развития развивающихся экономик. Россия с 1 января 2024 г. стала страной-председателем БРИКС. Сейчас объединение включает 10 государств – с 2024 года к нему присоединяются Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия и Эфиопия, по оценкам мировых лидеров, список стран участников может быть доведен до 30 в обозримом будущем. Присоединение Объединенных Арабских Эмиратов, а также Египта, Эфиопии, Ирана и Саудовской Аравии к БРИКС, по мнению аналитиков, увеличит долю альянса в мировом экономическом производстве до 30 % (вместо нынешних 26 %). Совокупная доля шести новых членов БРИКС в мировом экономическом производстве в настоящее время составляет 4 %.

Расширение БРИКС+, по мнению некоторых экспертов, ознаменует конец господства G7, а вместе с ним и послевоенного мирового порядка, где теперь уже объединение смело выступает альтернативой доминированию Запада не только с программой экономического сотрудничества, но и с концепцией политических решений для развивающихся стран, а соответственно, становится площадкой по защите интересов бизнеса этих стран, что непременно будет способствовать дальнейшему разрушению глобализации.

Однако способность БРИКС+ предложить альтернативное видение и предпринять конкретные шаги, чтобы конкурировать с G7, вероятно, останется ограниченной (неприсоединившиеся страны, напряженность в отношениях между Китаем и Индией). Амбиции Китая объединить страны путем принятия в блок для противостояния G7 продиктованы в первую очередь растущими трениями между Пекином и Вашингтоном.

Сегодня у стран блока есть все шансы создать новый мировой порядок, который будет содействовать укреплению международного мира и безопасности, а также развитию собственных экономик:

- цепочки поставок претерпели трансформацию, одна из задач российского правительства в 2024 году – избавиться от зависимости от западных стран в экономике и цепочках поставок, что, в свою очередь, открывает новые направления GR для российских компаний в сфере ВЭД, с одной стороны, создаются условия для стимулирования экспорта, с другой – повышается роль государства в закупочной (импортной) сфере по критически важным позициям в сфере импортозамещения;

- отдельная тема для российского бизнеса – укрепление финансовой сферы и торговли внутри стран блока, в том числе создание единой валюты для расчетов. Данная задача является приоритетной в ответ на санкционную политику США и ЕС и направлена на осуществление расчетов с «дружественными» странами в обход расчетов в долларах и евро, что позволяет другим странам нивелировать риски попадания под санкции США и ЕС. По данным ЦБ РФ, по состоянию на январь 2024 г. Центробанк подключил к российскому аналогу системы международных расчетов SWIFT 159 иностранных участников из 20 стран мира, т. о., система передачи финансовых сообщений (СПФС), созданная в 2014 году, заинтересовала многие госу-

дарства, активно ведутся переговоры с членами БРИКС об интеграции платежных инфраструктур, наравне с этим прорабатывается вопрос о взаимных расчетах в национальных валютах стран БРИКС. По данным ЦБ РФ, доля расчетов в национальных валютах между Россией и странами БРИКС выросла в 2022–2023 годах более чем в три раза и достигла 85 %.

GR-деятельность по защите интересов российского бизнеса в БРИКС

С момента обострения и начала санкционного давления на российский бизнес, начиная с 2014 г., выработалась десятилетняя практика протекционистской политики со стороны российского правительства в отношении российского бизнеса как за рубежом, так и на внутреннем рынке. Более того, роль государства в российской экономике планомерно укреплялась и восстанавливалась, начиная с 2000-х годов, в части повышения прозрачности бизнеса, а также введения большого количество нормативных и законодательных актов, направленных на различные отрасли экономики с целью стимулирования не только повышения фискальной нагрузки (налоги, таможенное регулирование и др.), но и в части определения векторов социальной нагрузки для предприятий относительно региональной принадлежности.

Рисунок 1. Факторы, влияющие на выбор GR-стратегии, определяемые качеством корпоративного управления (составлено автором на основе методологии присвоения ESG-рейтингов НРА).

В российской экономике все большую роль играют проекты ГЧП, где «бизнес-компании, организации и структуры государственной и муниципальной власти выстраивают взаимодействие в системе ГЧП, основываясь на теориях либерализма, корпоративизма, политических сетей, политической модернизации и социального действия. Деятельность центров по развитию ГЧП, GR-структур, экспертных и кон-

сультативных советов свидетельствует об изменении роли бизнеса во взаимоотношениях с государством. Бизнес становится более активным субъектом так называемого «координируемого», а не только корпоративного капитализма. Включенность частного сектора в занятия публичными делами позволяет повышать эффективность деятельности органов власти, госуправления, снимать многие барьеры, препятствующие инновационному развитию, и обеспечивать более полное удовлетворение потребностей населения» [3, с. 96].

В российской бизнес-практике GR-стратегии сильно зависят от качества корпоративного управления, размера компании, отраслевой принадлежности, деловой репутации, открытости менеджмента и др.

GR-стратегии можно формально разделить на составляющие:

- **по отстаиванию интересов:** представляет собой определенный процесс выстраивания коммуникации с органами государственной власти с целью достижения преференции в виде государственной поддержки, а также наличия возможности напрямую или косвенно продвигать свои запросы, отстаивая юридически обоснованное право на обращение в институты власти.

- **ГЧП, госзакупки, гранты, субсидии и др.** (синергетический эффект взаимодействия государства и бизнеса в направлениях государственной политики).

- **Повестка устойчивого развития** (управления экологическими, социальными и корпоративными рисками – позиционирование деятельности компании как социально ответственного бизнеса, экологически «чистого» предприятия, с передовыми практиками корпоративного управления и нивелирования рисков в работе со стейкхолдерами от процесса закупки и до отгрузки конечного продукта потребителям, укрепление HR-бренда, а также взаимодействие с государственным регулятором и общественностью).

- **Экспертное сообщество** (экспертное воздействие через совещательные органы в ИОГВ, а также через общественные объединения, СМИ, научное сообщество и посредством предоставления экспертных заключений при подготовке законопроектов и управленческих решений).

- **PR-стратегия и маркетинг.** Плотное взаимодействие со СМИ и их представителями для создания медиа-листа (журналистского пула, с которым компания планирует работать), необходимо выстраивать личные контакты с представителями СМИ. Информационные поводы – основа плодотворной работы, когда регулярное общение с представителями СМИ проводится по различным направлениям (пресс-конференции, пресс-туры, круглые столы, выставки и др.).

- **IR-стратегия** – подразумевает общение с инвесторами и акционерами (Investment Relations). Направление объединяет в себе финансы, маркетинг и право. Составление плана взаимодействия компании с инвесторами, кредиторами, банками (включает анализ конкурентоспособности, подготовку к сделкам слияния и поглощения, определение преимуществ выпускаемой продукции, изучение финансового рынка и возможностей фондирования, проработку материалов, в том числе зарубежных источников, аналитиков и СМИ, анализ финансового положения компании и др.).

Принятая GR-стратегия реализуется в рамках корпоративного управления и решений взаимодействовать или минимизировать взаимодействие с государ-

ством-регулятором, на практике зачастую принимается в тех отраслях и секторах экономики, где регуляторная среда «слабая», т. е. где законодательные ограничения на ведение профессиональной деятельности минимальны (подробно в табл. 1).

Таблица 1

Матрица «Отношение к государству - роли государства - типы проектов/программ» для формулирования GR-стратегий (составлено на основе данных GRT Consulting 2023)

Отношение к государству	Роли государства	Проекты/программы с явным общественным интересом	Проекты/программы с косвенным общественным интересом
Осознанное сближение	Клиент	Госзаказ и муниципальный заказ	Госзаказ и муниципальный заказ
	Партнер	ГЧП/концессия	нет
	Конкурент	Субсидии, гранты, специальные налоговые режимы (СПИК, СЗПК и др. формы), льготные кредиты	нет
	Антикризисный менеджер	Прямая финансовая поддержка, механизм прямого коммерческого заказа	нет
Осознанное уклонение	Клиент	Госзаказ и муниципальный заказ	Госзаказ и муниципальный заказ
	Антикризисный менеджер	Косвенное субсидирование, льготные займы и кредиты	нет

В отношении БРИКС+, на наш взгляд, на макроуровне предстоит планомерная интеграция в части создания тех или иных надгосударственных органов, которые должны выработать нормативно-правовую базу, отслеживать влияние изменений на бизнес-процессы всех стран-участниц. Сейчас мы видим прообраз экономической интеграции – процесс сближения, взаимоприспособления и сращивания национальных хозяйственных систем, обладающих способностью саморегулирования и саморазвития на основе согласованной межгосударственной экономики и политики. Примером процесса гармонизации законодательства может служить ЕАЭС (Евразийский экономический союз), созданный в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов.

В части основных задач для российского бизнеса, работающего или планирующего начать работу на рынках БРИКС+, являются сферы ВЭД, в части экспортно/

импортных операций, выстраивание логистических цепочек и маршрутов, а также участие в ГЧП-проектах либо защита прямых инвестиций в различных отраслях. Основные регуляторные проблемы, которые, на наш взгляд, должны быть решены для защиты российского бизнеса в странах БРИКС+:

1. Валютный контроль.
2. Экспортный контроль.
3. Таможенная процедура переработки на таможенной территории.
4. Обременение экспортируемых товаров требованиями, установленными для внутреннего оборота.
5. Расширение перечня случаев применения ставки НДС 0 %.

Соответственно, задачи по международной деятельности в компаниях касательно экспорта могут быть представлены в формате ниже, где функции GR плотно совмещены с другими отделами развития компании (рис. 2).

1. Выбор рынка. Поиск покупателя	Исследование ЦПЭ РЭЦ ТП	Выставки / ярмарки ЦПЭ РЭЦ ФОИВ	Поиск покупателя ЦПЭ РЭЦ ЭКА	ЦПЭ – Региональные центры поддержки экспорта МСП
2. Подготовка к требованиям рынка	Сертификация ЦПЭ РЭЦ ФОИВ	Защита прав ИС ЦПЭ РЭЦ	Разрешительные документы ТП	ФОИВ – Федеральные органы исполнительной власти ТП – Торговые представительства РФ в иностранных государствах
3. Переговоры	Организация переговоров ЦПЭ РЭЦ ТП	Контракт и экспертиза ЦПЭ РЭЦ ТП	Перевод на иностранный язык ЦПЭ	РЭЦ – АО «Российский экспортный центр» Росэксимбанк – Государственный специализированный российский экспортно-импортный банк
4. Производство	Обучение экспорту ЦПЭ РЭЦ	Предэкспортное финансирование РЭЦ Росэксимбанк ЭКСАР КБ ЭКА		ЭКСАР – АО «Экспортное страховое агентство России»
5. Подготовка к экспорту. Доставка	Консультирование по логистике РЭЦ	Консультирование по таможенной и разрешительной документации ЦПЭ РЭЦ ТП		ЭКА – Экспортно-кредитные страховые агентства (Atadius, Euler Hermes, Coface, Credenfo и др.) КБ – Коммерческие банки
6. Валютные Платежи, риски	Кредит покупателю Росэксимбанк КБ	Страхование от неплатежей РЭЦ ЭКСАР ЭКА		

Рисунок 2. Общая схема государственной поддержки в сфере российского экспорта (составлено автором на основе данных ЭКСАР).

Если говорить о защите интересов российского бизнеса, то необходимо касаться таможенно-тарифной государственной политики в части работы с компаниями из стран БРИКС+, а также с возможностью захода иностранных инвесторов на смену компаниям из «недружественных стран». За последние годы на правительственном уровне выстроена система индикации в работе с российским бизнесом через общественные организации (большая четверка деловых объединений): РСПП (консолидация преимущественно крупного бизнеса), ТПП (сохранена функция международного сотрудничества по образу других стран), Деловая Россия (концентрация МСП), Опора России (концентрация МСП), а также отраслевые и другие ассоциации и объединения. Отдельно функция защиты российского бизнеса возложена на уполномоченного по защите прав предпринимателей как на федеральном, так и на региональном уровнях. В части законодательных инициатив успешно работают совещательные органы при Государственной Думе РФ (экспертные советы

из числа предпринимателей), Законодательном собрании РФ, а также Общественная палата, советы, АСИ, платформа Забизнес и др. В части работы с деловыми СМИ вопросы поднимаются в таких изданиях, как Ведомости, РБК, КоммерсантЪ, Эксперт и др.

В качестве примера защиты интересов российского бизнеса может выступать площадка общественной организации (рис. 3), где GR-стратегия направлена на формирование экспертных позиций по вопросам развития экспорта и международной кооперации, презентация бизнес-проектов главам министерств, послам, торговым представителям зарубежных государств, работа на крупнейших федеральных форумах: ПМЭФ, ВЭФ, ИННОПРОМ и др. Немаловажным является содействие в рамках международного проектного финансирования, продвижение внешнеэкономических интересов через развитую сеть иностранных партнерских бизнес-объединений, институт бизнес-послов, информационно-консультационная и аналитическая поддержка по ВЭД. Отдельным видом поддержки является организация участия в бизнес-миссиях, мероприятиях за рубежом, встречах с иностранными партнерами, содействие во взаимодействии с институтами поддержки ВЭД, а также возможность интеграции в работу межправительственных комиссий, деловых советов. Также необходимо решение вопросов визовой поддержки иностранных партнеров для въезда на территорию РФ, содействие в получении карты для деловых поездок в страны АТЭС, позиционирование на крупных международных площадках: АТЭС, БРИКС, ШОС, АСЕАН, ОЭСР, В20, СВМДА, ОЧЭС и т. д.

Рисунок 3. Общая схема работы в части международного сотрудничества Общероссийской Общественной Организации «Деловая Россия» (составлено автором на основе данных «Деловая Россия»).

Подводя итоги реализации GR-стратегии по защите российского бизнеса на пространстве БРИКС+, в первую очередь предприниматели должны ответить на вопросы ниже:

- стимулирование притока иностранных инвестиций в Россию из стран БРИКС+;
- лучшие мировые практики работы инвестиционных агентств;
- формирование благоприятного инвестиционного имиджа в регионах: консолидация усилий и обмен опытом в привлечении иностранных инвестиций;
- международная кооперация промышленных предприятий со странами БРИКС+;
- необходимость государственной поддержки международной кооперации;
- практические бизнес-кейсы промышленных предприятий по выходу на новые рынки.

Заключение

Таким образом, GR-деятельность становится все более и более востребованной профессиональной сферой. Международный формат реализации позволяет расширить ассортимент GR-стратегий, которые применяются для защиты интересов национального бизнеса. В данной статье представлен кейс БРИКС+ в качестве примера площадки, на которой происходит защита интересов российских компаний и продвижение их товаров и услуг на рынки дружественных стран. В статье проанализированы теоретико-методологические основания GR и лоббизма, этапы становления GR в России с момента распада СССР и до настоящего времени, а также сформулированы основные виды стратегий GR в разрезе международного формата на примере БРИКС+. К этим стратегиям относятся GR-стратегии по отстаиванию интересов, ГЧП, закупки, субсидии, повестка устойчивого развития, экспертное сообщество, PR-стратегии и маркетинг, а также IR-стратегии. Очевидно, что БРИКС+ является важной и перспективной площадкой для развития международной составляющей российского бизнеса с дружественными странами в условиях неблагоприятной геополитической обстановки и напряженности в отношениях со странами «золотого миллиарда», поэтому исследования разных аспектов функционирования данного объединения являются важным вкладом в развитие российской политической теории и практики.

Ссылки

1. Самое главное в PR / У. Аги, Г. Кэмерон, Ф. Олт, Д. Уилкоккс. СПб.: Питер, 2004. 558 с.
2. GR и лоббизм: теория и технологии / Под ред. В. А. Ачкасовой, И. Е. Минтусова, О. Г. Филатовой. М.: Юрайт, 2016. 315 с.
3. GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством / Под ред. Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 407 с.
4. Камнев Д. Г. Взаимодействие власти и бизнеса по проблемам развития российской экономики: перспективы создания института лоббизма в современной России // Politbook. 2014. № 4. С. 70–77. EDN QBLFVZ.

5. Певцова Е. А., Арзамасов Ю. Г. А.П. Любимов. ИСТОРИЯ ЛОББИЗМА В РОССИИ // Государство и право. 2008. № 9. С. 110-111. EDN JKCUMB.
6. Толстых П. А. Экономическая теория лоббизма: оценка экономической эффективности // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 1. С. 1-34.
7. Белов Д. С. Роль GR-подразделений в управлении регулятивными рисками в период кризиса // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 5. С. 41-46. EDN KZIQEB.
8. Руденкова Д. Лоббизм в институтах Европейского союза // Международные процессы. 2015. Том 13. № 1. С. 68-80. DOI 10.17994/IT.2015.13.40.5.
9. Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. М.: Перо, 2012. 408 с.
10. Truman D. The Governmental Process: political interests and public opinion. N.Y.: Knopf, 1951. 544 p.
11. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995. 174 с.
12. Олсон М. Власть и процветание: перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012. 212 с.
13. North D. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5. № 1. P. 97-112.
14. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.
15. Sabatier P. The advocacy coalition framework: revisions and relevance for Europe // Journal of European Public Policy. 1998. Vol. 5. № 1. P. 98-130. DOI 10.1080/13501768880000051.

Features of India's democratic transit: prerequisites, trajectory, prospects

S. A. Kudryavtsev¹

¹Federal research sociological center of the Russian academy of sciences, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-20-35

Research article
Full text in Russian

The status of Russian-Indian relations has been officially defined as a «especially privileged strategic partnership» since 2010. Our countries cooperate in many areas, and mutual trade is growing rapidly. India is the largest country in the world in terms of population, the third largest in terms of GDP, demonstrates one of the highest economic growth rates, is a nuclear and space power. Therefore, in order to maintain mutual understanding between our peoples, as well as interstate interaction, researches on the domestic political trends of the partner state are of particular relevance. We have taken the democratic transit of India as the object of our research, and its prerequisites, trajectory and probable prospects as the subject. The article presents the results of a study of the main characteristics of the political process of India's democratic transit from the second half of the 19th century to the present. The study was carried out using a secondary analysis of scientific publications, as well as reports from socio-political research centers. To analyze the latest trends in democratic transit, we have performed a content analysis of the Indian media. Conclusions are drawn about the predetermination of the formation of India's democratic transit, its national-specific character, expressed in duration, relative consistency, based on the demands of a multi-component society and the peculiarities of its cultural code. Indians' interest in democracy is growing, and the national Government faces difficult challenges in the context of growing domestic political expectations and external geopolitical challenges.

Keywords: democracy; democratic transit; state; India; political system; political parties; media

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kudryavtsev, Sergey A. | E-mail: ks-yar@inbox.ru
Postgraduate

For citation: Kudryavtsev S. A. Features of India's democratic transit: prerequisites, trajectory, prospects // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2025. Vol. 11, No. 1. P. 20-35. (in Russ.)

Особенности демократического транзита Индии: предпосылки, траектория, перспективы

С. А. Кудрявцев¹

¹Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-20-35
УДК 321.7

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статус российско-индийских отношений с 2010 г. официально определён как «особо привилегированное стратегическое партнёрство». Наши страны сотрудничают во множестве сфер, высокими темпами растёт взаимный товарооборот. Индия является крупнейшей страной в мире по численности населения, третьей – по объёму ВВП, демонстрирует одни из самых высоких темпов роста экономики, является ядерной и космической державой. Именно поэтому для поддержания взаимопонимания между нашими народами, а также межгосударственного взаимодействия особую актуальность получают исследования внутривнутриполитических тенденций государства-партнёра. В качестве объекта исследования нами взят демократический транзит Индии, а в качестве предмета – его предпосылки, траектория и вероятные перспективы. В статье представлены результаты исследования основных характеристик политического процесса демократического транзита Индии со второй половины XIX в. до настоящего времени. Исследование выполнено с применением вторичного анализа научных публикаций, а также отчётов социально-политических исследовательских центров. Для анализа последних тенденций демократического транзита нами выполнен контент-анализ СМИ Индии. Сделаны выводы о предопределённости становления демократического транзита Индии, его национально-специфическом характере, выражающемся в длительности, относительной последовательности, основанности на запросах сложносоставного народа и особенностях его культурного кода. Интерес индийцев к демократии возрастает, и перед национальным Правительством стоят сложные задачи в контексте растущих внутривнутриполитических ожиданий и внешних геополитических вызовов.

Ключевые слова: демократия; демократический транзит; государство; Индия; политическая система; политические партии; СМИ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кудрявцев, Сергей Алексеевич | E-mail: ks-yar@inbox.ru
Аспирант

Для цитирования: Кудрявцев С. А. Особенности демократического транзита Индии: предпосылки, траектория, перспективы // Социальные и гуманитарные знания. 2025. Том 11, № 1. С. 20-35.

Введение

Исследование динамики процессов демократизации сохраняет актуальность в социально-политических науках, т. к. с состоянием политической системы связаны риски и возможности для общественного благополучия и индивидуального качества жизни граждан. Проблематика демократии как общественно-политического строя предметно обсуждается со времён античности. Объектом более пристального внимания исследователей демократия стала только с XVIII в., когда в Европе и Северной Америке начали декларироваться и постепенно воплощаться либеральные политико-правовые идеи, выработанные в эпоху Просвещения. С ходом истории концепт демократии претерпел множество модификаций, был выработан целый ряд теорий демократии, выделены различные её формы [1]. В разное время в разных государствах проявили себя специфические разновидности демократии, которые в целом «объединяют общие критерии демократии, проявляющиеся в большей или меньшей степени: разделение властей, функционирование партийной и избирательной систем, свобода СМИ, развитое местное самоуправление, законодательные гарантии и соблюдение базовых прав и свобод человека, сформулированных во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г.» [2, с. 41]. Таким образом, концепт демократии является весьма сложносоставным.

Глобальная популярность идей демократии обеспечивается тем, что в основу структуры этого концепта заложено соблюдение естественных прав человека, и исторический опыт вызывает ассоциации демократии с модернизацией и экономическими успехами государств. Однако траектории процессов демократизации государств различаются. Демократический транзит всегда будет объектом исследований в силу многообразия его промежуточных форм и результатов, потенциально создающих политическую неопределённость режима как класс рисков. Таким образом, анализ демократических транзитов актуален как для рядовых граждан и политиков, так и для особых экономических агентов (например, долгосрочных инвесторов).

Для лучшего понимания политических процессов демократических транзитов целесообразно вначале определить их структурные и акторные предпосылки, послужившие основаниями, стимулами и триггерами, побудившими граждан к инициации перемен социально-политической системы их страны.

Модель демократического транзита государства складывается в зависимости от сочетаний структурных факторов (ценностных, культурных, социологических, исторических, экономических) и действий элит и иных акторов по созданию и обеспечению функционирования процедур и институтов. В целом динамика и продолжительность демократических транзитов в государствах различаются в зависимости от результирующей силы внешних и внутренних факторов, как действующих временно, так и присущих имманентно конкретным государствам. Именно поэтому можно говорить о национально-специфическом характере демократических транзитов.

В отечественной и зарубежной политической науке достаточно подробно исследованы многие аспекты демократических транзитов как таковых. Однако ряд вопросов остаётся открытым и неполностью проработанным. В частности, не находит достаточного отражения анализ моделей демократического транзита отдель-

ных государств, особенно являющихся перспективными политико-экономическими партнёрами России.

Так, Индия – один из ключевых партнёров России, в том числе, в рамках перспективного формата БРИКС, часто рассматриваемого как политический и экономический противовес Западу. Индия выступает за демократизацию международного порядка и одновременно может стать одним из столпов формирующегося многополярного мира. Исследования отдельных аспектов трансформаций политической системы Индии выполнили российские учёные А. Г. Володин [3], А. А. Диких [4], Н. Н. Емельянова [5], А. И. Захаров [6; 7], С. Г. Зырянов [8], Н. В. Палишева [9], А. З. Хуснитдинов [10; 11], М. А. Штатаина [12], Ф. Н. Юрлов [13]. Мы предприняли попытку обобщить их результаты по теме настоящей работы, а также дополнить собственным эмпирическим исследованием.

Методы

С целью выявления предпосылок демократизации политической системы Индии нами проведён исторический анализ на основе вторичного анализа научных публикаций. Траектория демократического транзита Индии определена на основе вторичного анализа отчётов социально-политических исследовательских центров, а также научных статей, монографий и диссертаций квалифицированных политологов, материалов российских и индийских СМИ. Нами были проанализированы все доступные российские научные публикации за последние 20 лет на тему трансформаций политической системы Индии. Также был применён метод анализа документов – нормативно-правовых актов Индии. Для уточнения траектории и перспектив демократического транзита проведено собственное авторское исследование с применением метода количественно-качественного контент-анализа СМИ Индии за последние 10 лет с элементами дискурс-анализа.

Предпосылки и первый этап демократизации Индии

Экономическая эксплуатация материальных и человеческих ресурсов Индии со стороны британской колониальной власти в течение без малого двухсот лет вызвала к концу XIX в. закономерную реакцию в виде роста социальной напряжённости, возникновения националистических движений индийцев, дискретных восстаний коренного населения.

В качестве попытки примирения народов Индии и Великобритании в конце XIX в. британскими колонизаторами было введено западное образование, которое по иронии судьбы повлияло на индийское общество противоположным образом: «теории таких философов, как Дж. Локк, Дж. Бентам, А. Смит и Вольтер, вложили в индийские умы идеи о свободе, равенстве и демократии» [4, с. 25]. А распространение единого английского языка в Индии, где существуют сотни языков и тысячи диалектов, способствовало единению и популяризации националистических движений.

В 1877 г. из региональных политических организаций сложилась партия, которая в 1985 г. получила наименование ИНК (Индийский национальный конгресс), – старейшая политическая организация Индии, которая вначале не была настроена явно против британского правления и даже пользовалась поддержкой со стороны колониальной администрации как своего рода «предохранительный клапан» про-

тив растущего общественного недовольства [4, с. 25–26]. Однако в течение нескольких десятилетий партия ИНК всё более аккумулировала недовольное британской эксплуатацией население Индии и возглавила национально-освободительное движение. Став площадкой дискуссий для наиболее пассионарных индийцев, ИНК начал заявлять умеренные требования всеобщего равноправия, проведения конституционной, экономической, административной реформ, защиты гражданских прав согласно социальным запросам; уже в то время в среде индийцев закладывалась культура парламентаризма. Не получая удовлетворительного отклика со стороны колониальной власти, руководители ИНК многократно подвергались арестам и тюремным заключениям из-за участия в массовых протестных акциях.

С 1919 г. Махатма Ганди несколько видоизменил практиковавшиеся индийцами практики сопротивления и начал распространять в Индии философию несотрудничества и гражданского неповиновения колонизаторам в сочетании с принципиальными моральными установками (сатьяграха), которые получили широкий отклик. В 1921 г. Ганди был назначен руководителем ИНК. Протесты индийцев стали носить менее экстремистский и революционный характер. Джавахарлал Неру – близкий соратник Ганди, в 1927 г. возглавивший ИНК, а в 1947–1964 гг. работавший на посту первого премьер-министра Индии, – в своей книге писал, что М. Ганди «превратил Конгресс в демократическую и массовую организацию. Конгресс и прежде был демократической организацией, но его состав был ограничен представителями высших классов. Теперь в него устремились крестьяне, и в своем новом виде он стал приобретать характер широкой крестьянской организации с большой прослойкой представителей средних классов» [14, с. 117]. Благодаря влиянию Ганди партия ИНК по результатам выборов в 1934 г. получила почти половину мест в парламенте Индии.

Индия обрела государственный суверенитет в результате принятия британским парламентом Закона о независимости Индии в 1947 г. К этому времени страна уже имела в определённой степени подготовленность к демократизации как в структурном, так и в процедурно-бюрократическом плане. Возросшее национальное самосознание индийцев было результатом «длительного просвещения народа, его культурной социализации, вовлечения в ненасильственные общендийские политические акции» [3, с. 141]; политическая культура граждан развивалась.

Государство унаследовало от колониального прошлого административно-правовые институты, внедрённые по британскому образцу. Унаследованные элементы английского права были наложенными на древнюю варно-кастовую систему Индии. Устранение барьеров и классовой структуры общества станет одним из важнейших направлений внутренней политики Д. Неру. Широкое использование унаследованного от британского владычества английского языка в Индии будет способствовать интеграционным процессам с экономически развитыми странами и переходу к рыночной экономике; но во времена Неру Индия в значительной части была аграрной, и перед страной в качестве первостепенных стояли более базовые задачи: его план национального развития был нацелен на то, чтобы «покончить с нищетой, массовой безработицей, деградацией и угнетением индийского народа» [13, с. 81].

Юридическое основание демократического транзита – демократическая Конституция – выработывалась в Индии в течение почти трёх лет путём обсуждения с широкой общественностью и в Учредительном собрании статьи за статьёй и была

введена в действие в 1950 г. [Там же. С. 86]. В связи с этим можно утверждать, что основной закон государства Индии имеет твёрдую опору на народные запросы, фокусируется на защите прав граждан, в том числе самых обездоленных. Конституцией была установлена федеративная парламентская форма правления. В преамбуле Конституции Индия самоопределилась как суверенная демократическая республика. В 1951 г. были проведены всеобщие выборы в парламент.

Таким образом, предпосылками национального демократического транзита послужили обострившиеся внутри государства противоречия, рост социальной напряжённости, необходимость срочного решения назревших в течение множества десятилетий противоречий между правящей бюрократией и коренным населением в вопросах обеспечения прав человека и качества жизни. Можно говорить об обусловленности, вынужденности таких перемен и, соответственно, об их логичной и объективной предопределённости [9, с. 93].

Особенности процесса демократического транзита Индии

Индия объединяет на полуострове Индостан множество этносов различных религий и культур. Вместе с тем Индию в качестве древней локальной цивилизации выделяли как отечественные исследователи Н. Я. Данилевский, В. Л. Цымбурский, А. С. Панарин (он выделял индо-буддийскую цивилизацию), так и западные исследователи О. Шпенглер, А. Тойнби (выделял индскую цивилизацию), С. Хантингтон (выделял индуистскую цивилизацию). Анализируя политические системы через парадигму цивилизационных теорий, исследователи исходят из особой социокультурной идентичности людей, которая принципиальна для их коллективного самоопределения и внешнеполитического мышления. Более того, цивилизационные характеристики влияют на скорость и линейность процессов преобразования внутриполитической системы, в частности процессов демократизации.

Для Индии XX век стал временем существенных трансформаций. Реформаторы исходили из особенностей национального характера, элементы традиционной культуры интегрировались с демократическими институтами. «Живая демократия» Индии была основана на поддержании традиций плюрализма и применении «метода управления через консенсус и согласование» [12, с. 166, 171]. Так, «становление индийского государственного аппарата после обретения независимости проходило реформаторским, а не революционным путём» [Там же. С. 173].

Демократический транзит Индии примерно укладывается в динамическую модель перехода к демократии, предложенную Д. Растоу, включающую четыре фазы: формирование чувства национального единства, развитие укоренившегося конфликта, сознательное принятие демократического правления, привыкание лидеров и электората к демократическим нормам [9, с. 92; 14, с. 407].

В 1956 г. Неру по результатам работы специальной комиссии провёл поправку к Конституции, относящуюся к реорганизации штатов с приоритетной целью балансировки отношений между этносами и укрепления единства страны. Вообще, «за чрезвычайно короткий исторический период было немало сделано для консолидации нации и демократизации общественной жизни» [13, с. 89]. Вслед за решением базовых внутриполитических проблем Правительство Неру стало уделять больше внимания экономическим вопросам и массовому образованию, продвигаясь от политической демократии к экономической демократии [Там же. С. 92]. Вместе

с тем Неру придерживался социалистических взглядов, применялись 5-летние государственные планы экономического развития. Явный переход Индии к реформам экономической либерализации и открытости рынку начнётся только с начала 1990-х гг. [12, с. 177–182]. Внешняя политика Неру вначале предполагала сосредоточенность Индии на себе, стратегическую автономию как от западного, так и от восточного блоков.

Административные реформы Индии были проведены в три этапа: 1) формирование национального государственного аппарата после освобождения от колониальной зависимости; 2) государственно-интервенционистское развитие публичной администрации; 3) либерализация и информатизация публичного управления [Там же. С. 169].

В стране развивалась многопартийная система. С конца 1960-х гг. правящая партия ИНК начала испытывать конкуренцию, потому что в регионах стало возникать критическое отношение граждан к административным чиновникам, в руководство ряда штатов пришли представители других политических партий. Единая ИНК начала терять всеиндийскую власть и претерпела раскол. Немалую роль в компрометации ИНК сыграли скандалы с подкупами. Открытые дебаты в парламенте, мирная сменяемость правящих политических партий в соответствии с концепцией «политического маятника», начиная с последней трети XX в., по результатам прямого, всеобщего и тайного голосования свидетельствуют о достигнутом высоком уровне демократичности политической системы Индии. Причём чередование партий у власти в Индии не создаёт существенных угроз её демократической системе.

Особо кризисными для ИНК оказались 1990-е годы. В 1996–1998 гг. Правительство Индии последовательно возглавляли премьер-министры от партии «Джаната дал». В 1998–2004 гг. премьер-министром был избран один из основателей партии «Бхаратия джаната парти» (БДП) А. Б. Ваджапаи.

В 2004–2014 гг. Правительство возглавлял Манмохан Сингх от ИНК, этот период отметился развитием внешнеполитических отношений как с развитыми, так и с развивающимися странами. Однако социальная привлекательность ИНК снова упала из-за коррупционных скандалов, инфляции и замедления экономического роста [4, с. 35].

В 2014 г. на выборах в Лок Сабха (нижнюю палату парламента) преимущество получил главный конкурент ИНК – партия БДП (относящаяся к правой части политического спектра и характеризующаяся как националистическая), премьер-министром был избран её харизматичный лидер Нарендра Моди. Несмотря на то, что ИНК сделала выводы из прошедших выборов и скорректировала направления своих интересов, БДП продолжает оставаться лидирующей.

Особенностью развития индийской партийно-политической системы явился постепенный переход от монопольного доминирования ИНК к современной двухполюсной системе многопартийных коалиций, тяготеющих к одной из двух ведущих общенациональных партий [10; 11].

Широкие массы электората, в том числе периферийные группы, приобщаются к общественно-политической деятельности. Были улучшены права женщин и их участие в управлении. Установлено резервирование мест в парламенте и региональных законодательных собраниях под представителей различных катего-

рий избирателей пропорционально их доле в электорате соответствующего штата. Установлено ограничение на максимальную стоимость избирательных кампаний.

В 1976 г. исполнявшая обязанности премьер-министра во время чрезвычайного положения Индира Ганди провела 42-ю поправку в Конституцию, прописав в ней социалистический и светский характер государственного устройства, чтобы подчеркнуть внимание к бедным слоям населения и приверженность ИНК идеалам справедливости и равенства. Таким образом, и в настоящее время Индия определена в Конституции как «суверенная социалистическая светская демократическая республика» [16]. Конституция Индии – самая часто изменяемая в мире; это чрезвычайно объёмный документ, поправки в который вносятся практически каждый год (внесено уже 106 поправок) в целях её актуализации.

В конце XX в. в рамках экономической либерализации активнее проводилась децентрализация федерализма Индии, поправки в Конституцию 1992 г. закрепили самостоятельный статус и полномочия органов местного самоуправления. Структура госаппарата Индии, выстроенная с учётом национальных особенностей, имеет названия и функции, которые отличаются от насаждавшихся глобализацией. Так, в 2004 г. было создано Министерство Панчаяти Радж, специализирующееся на делах местного самоуправления Индии [5] с учётом того, что 2/3 населения страны проживает в сельской местности. Функционирование панчаятов – один из эффективных каналов коммуникации и взаимодействия «власть – общество – власть», обеспечивающих демократичность системы экономического планирования.

В 2005 г. был принят Закон о праве на информацию. СМИ сыграли заметную роль в становлении гражданского общества Индии [8, с. 318]. В 2015 г. при Правительстве был основан Национальный институт трансформации Индии, в котором были разработаны программы по десяткам направлений госуправления, в том числе по проблеме социальных меньшинств. Среди приоритетных направлений развития остаётся образование [17].

С начала XXI в. индийские лидеры, в том числе Н. Моди, начали использовать демократию как один из центральных элементов международного образа Индии, подчёркивая глобальную значимость индийской демократии, но не навязывая своё участие другим государствам [7, с. 31]. Критику Индией состояния демократии других государств ограничивает среди прочего её заинтересованность в развитии экономических отношений с соседями в контексте конкуренции с Китаем [Там же. С. 32].

Конституция 1950 г. сразу запретила дискриминацию по варно-кастовому признаку, но на деле значительные элементы такой дифференциации сохраняются до сих пор. Её устойчивость обусловлена более чем 3000-летней историей, однако индийцы стали всё больше заявлять о своих гражданских правах, представители каст встраиваются в капиталистическую систему, осваивают новые профессии, меняют место жительства. До сих пор сохраняется практика списков зарегистрированных каст и племён, члены которых могут рассчитывать на определенные квоты, но эту практику можно отнести к государственной политике по социальной поддержке. В конце XX – начале XXI вв. пост президента Индии дважды занимали представители касты далитов (неприкасаемых). Однако всё же до сих пор нередки случаи неравного положения «низших каст» на рынке труда [17].

Современное состояние политической системы Индии

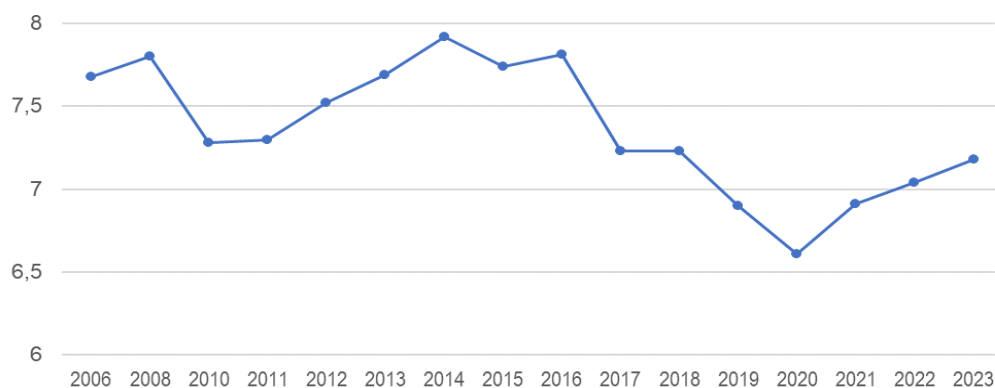
Широко известные исследовательские центры Economist (Великобритания), Freedom House (США), V-Dem при Гетеборгском университете (Швеция) изучают и обобщают практический опыт и результаты деятельности государственных лидеров и органов власти, социально-политические процессы в целом; ими разработаны методики с соответствующими критериями и индикаторами, индексы и рейтинги, представляются отчёты по их мониторингу. Представим данные из последних отчётов этих исследовательских центров в отношении политической системы Индии (табл. 1 и рис. 1).

Таблица 1

Современное состояние политической системы Индии согласно последним отчётам указанных исследовательских центров в 2023 г.¹

Политический режим (Economist [19, с. 47])	Несовершенная демократия
Место государства в мировом рейтинге демократии (Economist [19, с. 47])	41
Интегрированная оценка состояния политических прав и гражданских свобод, а также характеристика государства (Freedom House [20, с. 23; 21])	66 (частично свободное)
Политическая система (V-Dem [22, с. 60])	Электоральная автократия

Согласно периодическим отчётам Economist, у Индии «индекс демократии» (т. е. общий балл по пяти критериям, характеризующий состояние политической системы) весьма волатилен – визуализация показана на рис. 1. В целом за последние 17 лет видно некоторое его снижение. Вместе с тем в последние 3 года «индекс демократии» имеет позитивный тренд.

Рисунок 1. Динамика «индекса демократии» Индии согласно Economist за 2006–2023 гг.²

¹ Составлено автором по материалам отчётов Economist [19], Freedom House [20; 21], V-Dem [22] от 2024 г.

² Составлено автором по табличным данным отчёта Economist [19, с. 19]

Сделаем оговорку, что непредвзятость выводов исследовательских центров Economist, Freedom House³, V-Dem дискуссионна. В основном критика относится к прозрачности хода исследований, к объективности и отсутствию политической ангажированности экспертов в контексте усилившейся геополитической конкуренции стран Запада и Востока. Кроме того, мы видим, что они разнятся в оценках формы политической системы Индии (см. табл. 1).

С учётом первого места в мире по численности населения в настоящее время Индию называют крупнейшей демократией мира. Государственная экономика демонстрирует стабильный рост и снижение бедности. Однако, по данным онлайн-инструмента World Poverty Clock, более 16 миллионов граждан Индии [23] живёт всё ещё в состоянии «крайней бедности», поэтому Индию вместе с тем именуют «демократией бедности» [24, с. 90, 106]. Научно-технический и экономический потенциал Индии существенно возрос, увеличивается объём среднего класса (позитивный фактор для демократии), но аналитики разошлись в оценках рекордности экономических перспектив Индии [25; 26]. Также утверждается, что проблема бедности присуща индийскому обществу во все исторические периоды и «во многом обусловлена культурными, религиозными, этнопсихологическими и даже цивилизационными факторами, следовательно, потенциально не может быть разрешена исключительно с помощью какой-либо формы правления» [9, с. 94].

Тенденции демократического транзита Индии

Свободные средства массовой информации (СМИ) являются одним из институтов демократии и отражают состояние политической системы государства и её трансформации. СМИ репрезентируют образ демократии для своей аудитории, и со временем этот образ может меняться. Мы посчитали актуальным изучить, как индийские СМИ репрезентируют образ демократии в последние десять лет. Для рассмотрения мы взяли одну из наиболее тиражных негосударственных ежедневных общественно-политических газет, издаваемых в Индии на английском языке, – «Hindustan Times». История этой газеты уходит своими корнями к индийскому национально-освободительному движению, сегодня она занимает скорее центристскую позицию.

Для анализа мы взяли промежуток 2013–2023 гг., т. к. к концу 2013 г. в общественном мнении Индии завершала своё оформление установка на смену правящей политической партии ИНК на БДП, которая подтвердилась по результатам парламентских выборов весной 2014 г.; после этого «индекс демократии» Индии начал снижаться (рис. 1).

По экспертным оценкам, объём выборки, чтобы сделать статистические выводы, в нашем случае не должен быть меньше, чем примерно 100 релевантных статей. В связи с этим мы приняли шаг выборки в 5 лет и в рассмотрение взяли статьи за март и сентябрь – месяцы типичной активизации электоральной активности. В табл. 2 представлены количественные результаты поиска статей, в которых хотя бы один раз упоминается слово с корнем «democrat» в течение рассмотренных нами периодов, а также принятый нами шаг выборки.

Далее мы проанализировали эмоциональный тон упоминания слов с корнем «democrat», определяемый на основании лексических и семантических единиц, ко-

³ Генпрокуратура в 2024 г. признала Freedom House нежелательной в России организацией.

торами характеризуется демократия в статье. Для минимизации такого недостатка метода контент-анализа, как возможная субъективация исследователя, мы в ходе анализа фиксировали оценочный контекст, в котором объект исследования предстаёт на страницах газет, приводя цитаты. Получившиеся количественные результаты в их динамике представлены на рис. 2. Виден явный рост количества статей, что свидетельствует о росте интереса к тематике демократии в обществе и информационном пространстве Индии. Одновременно виден и переменчивый характер эмоционального тона упоминания слов с корнем «democrat», что в условиях плюрализма может свидетельствовать о дебатах относительно состояния политической системы.

Таблица 2

Количество статей, включающих поисковое слово с корнем «democrat» в исследуемых периодах, и дальнейший шаг выборки

Рассмотренный период (месяц года)	Количество статей, включающих слово с корнем «democrat»	Количество проанализированных статей
Сентябрь 2013	92	13 (каждая 7-я статья)
Март 2018	399	28 (каждая 14-я статья)
Сентябрь 2018	312	22 (каждая 14-я статья)
Март 2023	711	50 (каждая 14-я статья)
Итого:	1514	113

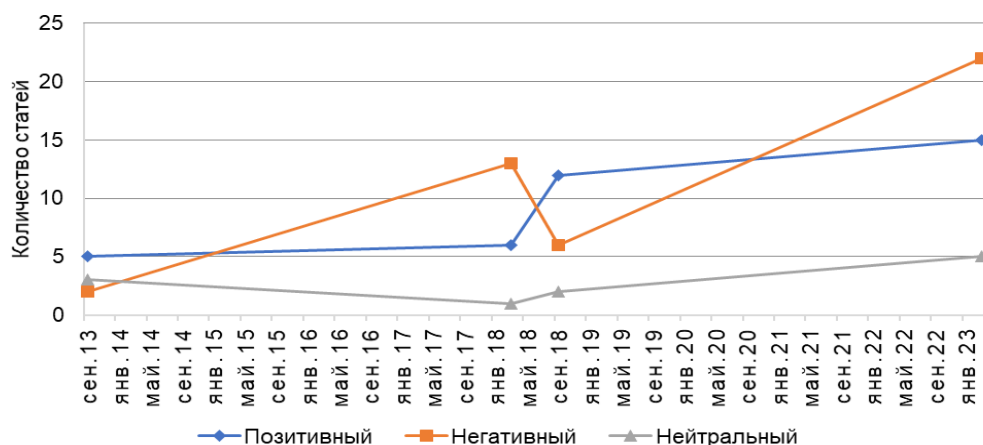

Рисунок 2. Количественная динамика статей и характер изменения эмоционального тона упоминания слова с корнем «democrat»

Мы проанализировали каждую статью с заполнением разработанного нами бланка контент-анализа, фиксируя тематику статьи, передаваемые в тексте мысли о демократических процедурах, метафоры, формируемый образ демократии и другое. После этого мы распределили статьи по группам в зависимости от основных направлений дискурса, с помощью которых СМИ формировали мнение читателей о демократии и о политическом процессе демократизации. Группы дискурсов, по сути, представляют собой тематические кластеры (табл. 3). Одна и та же статья может относиться одновременно к одному и более тематическим кластерам, если в ней затрагиваются два или более разнородных дискурсов.

Таблица 3

Тематические кластеры и количество статей, относящихся к ним

Тематические кластеры (и соответствующие им дискурсы)	Количество статей
Социально-политическая устойчивость (стабильность политической системы, безопасность для общества, межрелигиозное согласие)	35
Голосование (выборы, референдум)	13
Правовые гарантии (равенство и равноправие, право на конфиденциальность, соблюдение законности, отсутствие дискриминации, отсутствие монополии на принятие важнейших вопросов, доступность членства в партии)	30
Свобода выражения взглядов (свобода слова и выражения мнения, независимые СМИ, доступность информации, манипулирование общественным мнением)	18
Межпартийная конкуренция	8
Социальное благополучие (социальная справедливость, честность чиновников, успехи экономики и благосостояние, доступность цен, доступность образования, экология)	34
Развитие местного самоуправления (взросление общества, развитие и распространение знаний)	3

На рис. 3 представлены результаты подсчёта количества статей в соответствии с эмоциональным тоном упоминания в них слов с корнем «democrat» в выделенных нами тематических кластерах.

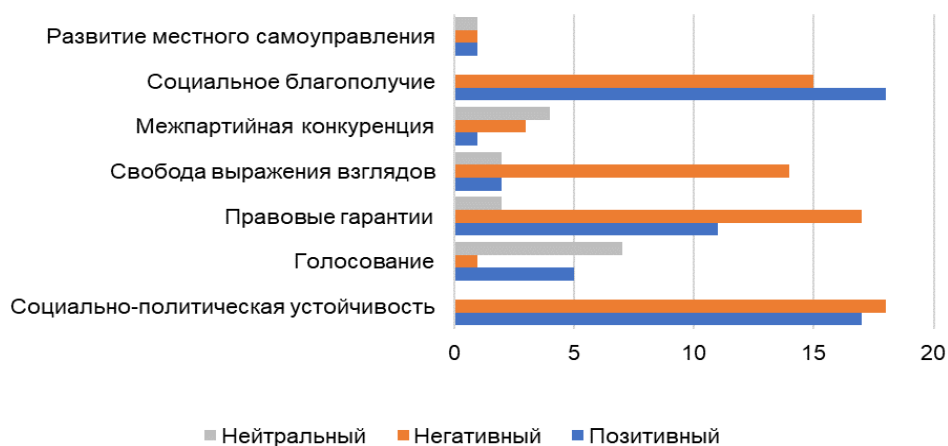

Рисунок 3. Эмоциональный тон в тематических кластерах статей

Из этих данных можно сделать промежуточный вывод, что основными составляющими репрезентируемого образа демократии в Индии являются социальное благополучие, правовые гарантии, социально-политическая устойчивость, свобода выражения взглядов, т. к. именно по этим четырём кластерам насчитывается наибольшее количество публикаций с яркой эмоциональной окраской. Однако поскольку нас больше интересует не усреднённый результат за 10 лет, а *динамика изменения репрезентируемого образа демократии*, то далее мы в более узких временных периодах определили преобладающие тематические кластеры (в зависимости от количества относящихся к ним статей) с преобладающим характером эмоционального тона (табл. 4).

Таблица 4

Преобладающие тематические кластеры по годам и характер коннотаций по ним

Год	Преобладающие тематические кластеры (и количество статей)	Характер коннотаций
2013	Социально-политическая устойчивость (4) Голосование (3)	Позитивная Нейтральная
2018	<i>Социально-политическая устойчивость (5)</i> <i>Социально-политическая устойчивость (5)</i> Голосование (5) <i>Правовые гарантии (6)</i> <i>Правовые гарантии (8)</i> Свобода выражения взглядов (4) Социальное благополучие (13) Социальное благополучие (13)	<i>Позитивная</i> <i>Негативная</i> Позитивная <i>Позитивная</i> <i>Негативная</i> Негативная Позитивная Негативная
2023	<i>Социально-политическая устойчивость (8)</i> Социально-политическая устойчивость (11) Правовые гарантии (9) Свобода выражения взглядов (10)	<i>Позитивная</i> Негативная Негативная Негативная

Таким образом, при рассмотрении процесса изменения образа демократии, репрезентируемого СМИ, выявлена такая последовательность:

- в начале исследуемого периода (в 2013 г.) преобладал тематический кластер «социально-политическая устойчивость» в позитивных коннотациях;
- в середине исследуемого периода (в 2018 г.) кластер «социально-политическая устойчивость» сохранил свою актуальность, и к нему добавился кластер «правовые гарантии», однако в качестве ведущего ярко выделился кластер «социальное благополучие». Причём все три кластера примерно поровну как в позитивных, так и в негативных коннотациях;
- в конце исследуемого периода (в 2023 г.) на первый план вышли в негативных коннотациях тематические кластеры «социально-политическая устойчивость», «свобода выражения взглядов», «правовые гарантии».

Обсуждение результатов и перспектив

Исследования подтверждают, что демократический транзит Индии характеризуется длительностью и относительной последовательностью: сменяющие друг друга премьер-министры придерживаются демократических взглядов и приоритетности социально-экономического развития.

История показывает, что процессы демократического транзита государств не всегда развиваются линейно-поступательно. С. Хантингтон констатировал откат процесса демократизации Индии после второй глобальной волны демократизации в 1970-х гг. и произошедшее скорое встраивание её в третью волну [6; 27, с. 24–25]. Западные исследовательские центры в настоящее время констатируют происходящий глобальный спад третьей волны демократизации. На графике рис. 1 виден некоторый спад демократии в Индии, но вместе с тем демократия уже прочно закрепилась в государственных институтах Индии, сохраняется политический плюрализм, и активность дискуссий в обществе о качестве функционирования демократии в последние годы возрастает – отсюда и выявленный нами переменный характер коннотаций о демократии. В основе индийской демократии неизменно преобладают народные запросы на обеспечение социально-политической устойчивости и соблюдение законных прав. Востребованность демократии в Индии и растущий интерес к ней мы считаем доказанными.

Демократия явилась удачным решением для сплочения сложносоставного общества Индии в рамках единой федеративной парламентской республики, в которой Правительство на деле доказывает своё стремление услышать голос каждого гражданина. Индия, разумеется, ориентировалась на западные образцы демократизации, но технологически и институционально модернизация и демократизация Индии происходят не по популярной на Западе либеральной модели, а по национально-специфической, исходя из цивилизационного своеобразия. Ряд исследователей (Н. Глейзер, А. Лейпхарт [28, с. 427–428], А. И. Захаров и Е. С. Косарева [6]) полагают, что консоциальная (сообщественная) модель демократического устройства наилучшим образом подходит для воспроизводства в такого рода обществах.

Заключение

Парламентские выборы 2024 г. Н. Моди выиграл только в составе правоцентристской коалиции «Национальный демократический альянс», его правящая пар-

тия БДП потеряла абсолютное большинство в Лок Сабха и была вынуждена войти в состав коалиционного правительства. Конкурент Нарендры Моди «Индийский национальный инклюзивный альянс развития» удвоил свои силы по сравнению с прошлыми выборами. Таким способом граждане Индии усилили внимание Правительства на своих ожиданиях.

Для поддержки консолидации демократического транзита Индии целесообразно сохранять подотчётность власти (в том числе финансовую) и вовлечённость широких масс в госуправление, экономический рост и расширение среднего класса, избегать внешнеполитических конфликтов, националистических вспышек, межклассовых противоречий, межконфессиональных неурядиц, диспаритетов развития регионов, усиления социального неравенства.

Помимо изучения отдельных аспектов демократического транзита, а также проведения комплексных оценок уровня и прогресса демократизации государства, для лучшего понимания происходящих социально-политических процессов и для поиска лучших практик целесообразно проведение компаративистских исследований политических систем государств-партнёров.

Ссылки

1. Селезнев П. С. К вопросу о видах демократии // Власть. 2018. № 8. С. 183–190. DOI 10.31171/vlast.v26i8.6064.
2. Кудрявцев С. А. Основные интерпретации процессов демократизации в современной политической науке // Наука. Культура. Общество. 2023. Том 29. № 4. С. 40–53.
3. Володин А. Г. Становление гражданского общества и партийно-политической системы: опыт Индии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 3. С. 137–151.
4. Диких А. А. Генезис и эволюция партии Индийский национальный конгресс // Политика и общество. 2017. № 9. С. 23–41.
5. Емельянова Н. Н. Индия на пути к демократии участия. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. 196 с.
6. Захаров А. И., Косарева Е. С. Индийская модель демократии: между Западом и Востоком // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2022. № 6. С. 148–159.
7. Захаров А. И. Фактор демократии во внешней политике Н. Моди // Гуманитарный акцент. 2017. № 2. С. 30–33.
8. Зырянов С. Г. Становление демократии в Индии – уроки для России // Дискурс-Пи. 2010. № 1-2. С. 317–324.
9. Палишева Н. В. Некоторые аспекты перехода к демократии в Индии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 4. С. 90–94.
10. Хуснитдинов А. З. Основные характеристики партийно-политической системы Индии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2011. № 4. С. 89. EDN 00UIKD. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-harakteristiki-partiynopoliticheskoy-sistemy-indii> (дата обращения: 10.10.2024).
11. Хуснитдинов А. З. Особенности развития партийно-политической системы Индии и электоральных процессов на рубеже XX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Хуснитдинов Алексей Зуфарович. М., 2013. 20 с.

12. Штатаина М. А. Административные реформы в Индии // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Том 14. № 1. С. 166–190.
13. Юрлов Ф. Н. Конституция – правовая, политическая и социальная основа современной Индии. От теории к практике // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 24. С. 77–94.
14. Неру Д. Открытие Индии. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 908 с.
15. Кудрявцев С. А., Великая Н. М. Особенности демократического транзита в России, Индии, ЮАР // Семьдесят седьмая всероссийская научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов с международным участием. 17–18 апреля 2024 г., Ярославль: сб. материалов конф. в 3 ч. Ч. 3. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2024. С. 404–409.
16. The Constitution of India [As on May, 2022] // National Portal of India: сайт. [2024]. URL: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s380537a945c7aaa788ccfcdf1b99b5d8f/uploads/2023/05/2023050195.pdf> (дата обращения: 11.10.2024).
17. Giridhar Rao A. Linguistic diversity, education, and democracy in India: prospects and challenges // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. № 9 (455). Philological sciences. Issue. 126. P. 135–141.
18. Кастовая система: как устроено современное общество в Индии // РБК Тренды: сайт. 03.09.2024 [1995]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/62b42dee9a794705b611c5e5?utm_source=amp_trends_full-link (дата обращения: 05.10.2024).
19. Democracy Index 2023 // Economist Intelligence: сайт. [2024]. URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2023/> (дата обращения: 02.10.2024).
20. Freedom in the World 2024 // Freedom House: сайт. [2024]. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2024-02/FIW_2024_DigitalBooklet.pdf (дата обращения: 03.10.2024).
21. Global Freedom Status // Freedom House: сайт. [2024]. URL: <https://freedomhouse.org/explore-the-map?type=fiw&year=2024> (дата обращения: 11.10.2024).
22. Democracy Report 2024. Democracy Winning and Losing at the Ballot // V-Dem Institute at the University of Gothenburg: сайт. [2023]. URL: https://v-dem.net/documents/44/v-dem_dr2024_highres.pdf (дата обращения: 03.10.2024).
23. World Poverty Clock: сайт. [2024]. URL: <https://worldpoverty.io/> (дата обращения: 02.10.2024).
24. Жданов А. И. Моделирование демократического транзита: агентно-ориентированный подход к изучению траекторий режимных трансформаций // PolitBook. 2022. № 1. С. 90–116.
25. Аналитики предсказали смену крупнейшей экономики мира // РБК: сайт. 26.12.2023 [1995]. URL: https://www.rbc.ru/economics/26/12/2023/658ac9e39a7947cc3f8ab52d?from=from_main_8 (дата обращения: 26.12.2023).
26. «Антикитай». Почему у Индии не получится экономического чуда // РБК: сайт. 26.02.2024 [1995]. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/6538b9889a794768afea5df5?ysclid=lqjmj6qc8nn546992532> (дата обращения: 26.12.2023).
27. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 368 с.
28. Сейдуманов А. С. Особенности казахстанской модели демократического транзита: концептуально-методологический анализ // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9. № 4. С. 423–436. DOI 10.24975/2313-8920-2022-9-4-423-436.

Features of parliamentary paradiplomacy: a case-study of the Legislative Assembly of St. Petersburg

L. A. Savelchev¹

¹Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D. F. Ustinov, St. Petersburg, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-36-45

Research article
Full text in Russian

The aim of the article is to identify the features of international activities of sub-state parliaments in the case of the Legislative Assembly of St. Petersburg. The research is based on qualitative methodology applying institutional and neo-institutional approaches to the study of political institutions. As a result of the research, the author proposes an institutional design (theoretical model) of parliamentary paradiplomacy of St. Petersburg in the context of paradiplomacy, soft power, public diplomacy and humanitarian cooperation. On the one hand, the capabilities of regional legislation allow the St. Petersburg Parliament to exercise its potential in the sphere of international relations through specific agreements and informal arrangements, hosting delegations, participation in cross-border trips and inter-parliamentary institutions, which provides grounds to classify the Legislative Assembly as one of the most active actors of paradiplomatic activity in St. Petersburg. On the other hand, the specifics of the federal system of Russia and the delimitation of powers of public authorities in St. Petersburg limit the role and clout of the Legislative Assembly in international relations. The case of St. Petersburg shows that parliamentary paradiplomacy is more complementary and is implemented in accordance with the directions of Russia's foreign policy and federal legislation. The Parliament of St. Petersburg acts mainly in tandem with the executive power of St. Petersburg and the federal authorities of Russia, playing the role of supportive leverage.

Keywords: parliamentary diplomacy; international parliamentary activities; regional parliament; parliamentary paradiplomacy; Legislative Assembly of St Petersburg; soft power

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Savelchev, Leonid A.	E-mail: leosavelchev@gmail.com
	ORCID iD: 0009-0001-4154-5985
	Postgraduate

For citation: Savelchev L. A. Features of parliamentary paradiplomacy: a case-study of the Legislative Assembly of St. Petersburg // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2025. Vol. 11, No. 1. P. 36-45. (in Russ.)

Особенности парламентской парадипломатии: кейс Законодательного Собрания Санкт-Петербурга

Л. А. Савельчев¹

¹Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-36-45
УДК 327, 328

Научная статья
Полный текст на русском языке

Целью статьи является выявление особенностей международной деятельности субгосударственных парламентов на примере Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. В основе исследования лежит качественная методология с использованием институциональных и неинституциональных подходов к изучению политических институтов. По результатам исследования автором предложен институциональный дизайн (теоретическая модель) парламентской парадипломатии Санкт-Петербурга в контексте таких теоретических рамок, как парадипломатия, «мягкая сила», публичная дипломатия и гуманитарное сотрудничество. С одной стороны, возможности регионального законодательства позволяют парламенту Санкт-Петербурга реализовывать свой потенциал в сфере международных отношений посредством специфических соглашений и неформальных договоренностей, приема делегаций, участия в перекрестных зарубежных поездках и межпарламентских институтах, что дает основание отнести Законодательное Собрание к одному из активнейших акторов парадипломатической деятельности. С другой стороны, специфика федеративной системы России и особенности разграничения полномочий публичной власти в Санкт-Петербурге ограничивают роль и вес Законодательного Собрания в сфере международных отношений. Кейс Санкт-Петербурга показывает, что парламентская парадипломатия в большей степени комплементарна и реализуется в соответствии с направлениями внешней политики России и федерального законодательства. Парламент Санкт-Петербурга действует преимущественно в тандеме с исполнительной властью Санкт-Петербурга и федеральными органами власти России, играя роль инструмента вспомогательного влияния.

Ключевые слова: парламентская дипломатия; международная деятельность парламента; региональный парламент; парламентская парадипломатия; Законодательное Собрание Санкт-Петербурга; мягкая сила

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Савельчев, Леонид Александрович

E-mail: leosavelchev@gmail.com

ORCID iD: 0009-0001-4154-5985

Аспирант факультета международного промышленного менеджмента и коммуникации

Для цитирования: Савельчев Л. А. Особенности парламентской парадипломатии: кейс Законодательного Собрания Санкт-Петербурга // Социальные и гуманитарные знания. 2025. Том 11, № 1. С. 36-45.

Введение

Исключительное право на ведение международных отношений долгое время было отнесено к компетенции государств: таков порядок был непоколебим на протяжении столетий с момента установления Вестфальского мира 1648 г.

© ЯРГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

и вплоть до второй половины XX в., когда на мировую шахматную доску начали выходить негосударственные акторы, в особенности субгосударственные регионы и отдельные акторы в их составе [1; 2].

Исследованиям международной деятельности регионов посвящен значительный раздел в теории международных отношений с 1980-х гг., получивший название «парадипломатия» (дипломатия регионов) [3; 4]. В таких исследованиях делается акцент на регионе как едином целом, акцентируется внимание на федеративных отношениях и вкладе преимущественно органов исполнительной власти [5; 6]. В то время как роль региональных органов законодательной (представительной) власти в области парадипломатии опускается, что является удивительным в условиях полиакторности международных отношений, а также принципа сдержек и противовесов, предусматривающего баланс полномочий между парламентом и правительством, в том числе в сфере международных отношений. Как метко подмечает Марк Браун в контексте Канады, «нет никаких причин, по которым законодательные органы ... не должны играть вспомогательную роль в достижении парадипломатических целей своих провинций. Такая поддержка может быть оказана без ущерба для беспартийного характера законодательного органа» [7, p. 11].

Немногочисленные исследования, посвященные международной деятельности органов законодательной власти, нашли отражение в понятии «парламентская дипломатия» [1; 2] или «парламентская парадипломатия» – в случае с регионами [8]. На сегодняшний день нет общепринятого определения того, что понимать под парламентской дипломатией. В широком смысле под данным концептом понимается специфическая деятельность (или бездействие [10]) органов законодательной (представительной) ветви власти (надгосударственного, государственного, субгосударственного уровней) в области международных отношений, направленная на поддержание мира и развитие представительной демократии, обмен знаниями и опытом, совершенствование законодательных практик и повышение контроля за правительством [11] в условиях конкретной политико-правовой среды [12]. Вполне вероятно, что такого рода амбициозные цели в совокупности с недостатком эмпирических исследований сподвигли ряд авторов в принципе сомневаться в необходимости и значимости межпарламентского диалога и, в частности, парламентской парадипломатии [8, p. 614].

Учитывая вышесказанное, автор ставит своей целью критически осмыслить международную деятельность субгосударственного парламента на примере Законодательного Собрания Санкт-Петербурга в контексте парадипломатии (взаимодействия с правительством Санкт-Петербурга), «мягкой силы», публичной дипломатии и гуманитарного сотрудничества.

Выбор кейса обусловлен активной вовлеченностью Санкт-Петербурга в парадипломатическую деятельность, что подтверждается рейтингом публичной дипломатии российских регионов, в котором Санкт-Петербург в период с 2017 по 2021 гг. занимал 1-е место¹.

Методы

В основе методологии исследования лежат институциональные и неинституциональные подходы к изучению политических институтов. В рамках институционального подхода были использованы формально-юридический и описатель-

¹ Итоговый рейтинг публичной дипломатии регионов России (2017-2021) // АНО Центр «Креативная дипломатия». URL: http://picreadi.tilda.ws/final_rating2017-2021 (дата обращения: 26.10.2024).

но-индуктивный методы, которые позволили проанализировать особенности парламентской парадипломатии Законодательного Собрания Санкт-Петербурга исходя из официальных полномочий и организационной структуры парламента. В свою очередь, неинституциональный подход был использован при анализе неформальных правил и процедур взаимодействия парламента с иностранными акторами и представителями публичной сферы. Результатом использованной методологии стал институциональный дизайн парламентской парадипломатии Санкт-Петербурга (см. табл. 1), на основе которого построена логика автора при рассмотрении проблемы в основной части работы.

Таблица 1

Институциональный дизайн парламентской дипломатии Санкт-Петербурга

Ключевые организационные институты и степень их формализации	Председатель Собрания Профильные комитеты и комиссии Полномочные представитель Советник Аппарат (Управление внешних связей)
Уровень парламентской дипломатии	Субгосударственный
Формат взаимодействия	Двухсторонний и многосторонний
Формы взаимодействия (инструменты)	Переговоры, приемы делегаций, выездные делегации, коллаборация «Смольный-Мариинский» и «Мариинский-Федеральное Собрание»
Измерение	Субгосударственные парламенты Исполнительная власть (консулы, послы) Представители неполитической сферы
Институционализация отношений	Членство/участие в международных организациях, квази-соглашения

Результаты исследования и обсуждение

Ключевую роль в международной деятельности парламента Санкт-Петербурга занимает его Председатель, который наделен исключительным правом представлять Законодательное Собрание при взаимодействии с иностранными акторами (странами, регионами, международными организациями и представителями неполитической сферы)². Например, В. С. Макаров, возглавлявший парламента Санкт-Петербурга с 2011 по 2021 гг., принял за это время более 69 консулов, 12 послов, 103 двухсторонние делегации и более 7 многосторонних делегаций из международных организаций³.

В период существования Ленсовета с 1990 по 1993 гг. вопросами международной деятельности занимался Комитет по международным и внешнеэкономическим связям, состоящий из депутатов. С упразднением Ленсовета в 1993 г. и созданием Законодательного Собрания в 1994 г. формальные депутатские объединения в струк-

² Устав Санкт-Петербурга (Принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 14 января 1998 г.; с изменениями на 22 февраля 2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=131010259> (дата обращения: 14.10.2023).

³ По данным анализа информационной повестки официального сайта Законодательного Собрания Санкт-Петербурга.

туре парламента, занимающиеся международной деятельностью, были упразднены⁴. Вполне вероятно, что реорганизация структуры парламента была связана с целями экономии, поскольку ресурсы (трудовые, финансовые) Санкт-Петербургского парламента гораздо более скромны по сравнению разветвлённой системой исполнительных органов власти Санкт-Петербурга, вовлеченной в парадипломатическую деятельность.

Тем не менее расширение полномочий регионов в период президентства Б. Н. Ельцина, переход на рыночную экономику и интеграция России и ее регионов в мировую капиталистическую систему не могли не отразиться на вовлеченности парламента Санкт-Петербурга в международную деятельность и, соответственно, предопределили создание ряда специфических внутренних подразделений. В 2001 г. появился Аппарат Законодательного Собрания – внутрикorporативный институт, отвечающий за бесперебойное обеспечение деятельности парламента⁵ и состоящий не из депутатов, а из государственных гражданских служащих⁶. В структуре Аппарата осуществляет свою деятельность Управление внешних связей, которое включает секторы межпарламентского и межрегионального сотрудничества⁷. Кроме того, в Законодательном Собрании появились должности полномочного представителя и советника спикера/его заместителей по международным отношениям. Полномочный представитель – официальная позиция, которую занимает один из депутатов, а должность советника может занимать кто угодно по решению спикера парламента, поскольку она осуществляется на общественных началах⁸. На сегодняшний день в связи со спадом международной активности актуальность данных институтов значительно снизилась.

Взаимодействие с политическими институтами происходит в основном по парламентской линии с иностранными легислатурами [13, с. 20]. С 1994 г. парламент Санкт-Петербурга принял более 400 зарубежных парламентских делегаций из 110 стран мира [Там же. С. 13]. Нередко бывают встречи и с представителями государственных (национальных) парламентов: например, в июне 2014 г. спикер Законодательного Собрания принимал делегацию Сената Уругвая, возглавляемую Пред-

⁴ Постановление Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 14 апреля 1999 г. № 78 «О структуре Законодательного Собрания Санкт-Петербурга» (с изменениями на 25 февраля 2023 г.) // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. URL: <http://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/9110775> (дата обращения: 14.10.2023).

⁵ Постановление Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 10 января 2001 г. № 29 «О структуре Аппарата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга» (утратило силу) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/8346761> (дата обращения: 23.02.2024).

⁶ Закон Санкт-Петербурга от 15 июня 2005 г. № 302-34 «О Реестре государственных должностей Санкт-Петербурга и Реестре должностей государственной гражданской службы Санкт-Петербурга» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=131025817&page=1&rdk=24&link_id=0#10 (дата обращения: 23.02.2024).

⁷ Постановление Собрания Санкт-Петербурга от 15 декабря 2021 г. № 606 «Об утверждении Положения об Аппарате Законодательного Собрания Санкт-Петербурга» (с изменениями на 15 февраля 2023 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/727586596> (дата обращения: 14.10.2023).

⁸ Решение Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 26 декабря 2001 г. № Р-913 «О советниках председателя (заместителя) председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, работающих на общественных началах» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/8357339> (дата обращения: 23.02.2024).

седателем Сената Д. Астори⁹. Благодаря тесному взаимодействию с Федеральным Собранием РФ, депутаты Санкт-Петербургского парламента по приглашению федеральных палат России включаются в совместные делегации [14, с. 443]. Данный факт указывает на неформальные отношения регионального парламента и федеральных органов законодательной власти России. Как отмечает В. С. Ягья, такое сотрудничество региональных представителей с федеральной властью производит у иностранных коллег впечатление значимости регионального парламентаризма в России [Там же. С. 443–444].

Законодательное Собрание ведет тесную работу и по линии сотрудничества с органами исполнительной власти. Здесь можно выделить взаимодействие с органами исполнительной власти Санкт-Петербурга в рамках внутренней политической системы и взаимодействие с представителями иностранных исполнительных органов власти. Внутреннее взаимодействие между законодательной и исполнительной властью Санкт-Петербурга касается в основном координации совместной парадипломатической деятельности. Парламент и Правительство Санкт-Петербурга участвуют в совместных приемах делегаций, выездных командировках, а также могут вырабатывать проекты региональных соглашений о международном сотрудничестве. К примеру, в начале 2024 г. Законодательное Собрание одобрило законопроект губернатора, согласно которому процедура заключения международных соглашений станет проще путем использования предварительного визирования документов (парафирования), т. е. возможности начинать исполнять соглашения до согласования с федеральной властью¹⁰.

Взаимодействие с иностранными исполнительными органами власти происходит в основном по линии 3 посольских и 26 консульских учреждений, располагающихся на территории Санкт-Петербурга¹¹. Как правило, такие встречи проходят один раз в период назначения послов/консулов. Как отмечает В. С. Ягья, практика приемов дипломатических делегаций началась с В. С. Макарова в 2011 г. [14, с. 440–441]. Одна из крупных встреч проходила в декабре 2012 г. с консулами из 40 представительств, располагавшихся в городе на Неве¹². Бывают также встречи парламентариев с главами государств, но они проводятся в тесном контакте с исполнительными органами Санкт-Петербурга и федеральной властью (в особенности с представительством МИД РФ в Санкт-Петербурге)¹³.

Развитие гуманитарных связей между регионами невозможно только посредством политического диалога. Это подтверждает наличие представителей гражданского сообщества в выездных делегациях города. Например, в рамках официального

⁹ Вячеслав Макаров встретился с делегацией Сената Генеральной Ассамблеи Уругвая. 07.06.2014 // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. URL: <https://www.assembly.spb.ru/article/771/42702/Vyacheslav-Makarov-vstretilsya-s-delegaciy-Senata-Generalnoy-Assamblei-Urugvaya> (дата обращения: 23.02.2024).

¹⁰ Отчёт пресс-службы о заседании Законодательного Собрания СПб. 31.01.2024 // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. URL: <https://www.assembly.spb.ru/article/633200002/167906/Otchet-press-sluzhby-o-zasedanii-Zakonodatel'nogo-Sobraniya-SPb-31-yanvarya-2024-goda> (дата обращения: 13.03.2024).

¹¹ Консульский корпус, аккредитованный в Санкт-Петербурге // Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга. URL: <https://kvs.gov.spb.ru/konsulskij-korpus-akkreditovannyj-v-sankt-peterburge/> (дата обращения: 23.02.2024).

¹² По данным анализа информационной повестки официального сайта Законодательного Собрания Санкт-Петербурга.

¹³ Члены официальной делегации Санкт-Петербурга встретились с Президентом Кипра. 25.10.2016 // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. URL: <http://www.assembly.spb.ru/article/633200002/78527/Chleny-oficialnoy-delegacii-Sankt-Peterburga-vstretilis-s-Prezidentom-Kipra> (дата обращения: 23.02.2024).

визита в Уругвай в 2013 г. в делегации от Санкт-Петербурга были петербургские бизнесмены, которые смогли достигнуть определенных деловых соглашений по поставке сельскохозяйственных пород скота на предприятия Санкт-Петербурга [Там же. С. 442]. Множество встреч Санкт-петербургских парламентариев проходит с иностранными представителями на базе Мариинского дворца (место расположения парламента). Например, в августе 2023 г. в Мариинском дворце состоялось заседание кинематографистов стран-членов СНГ¹⁴, а в сентябре того же года проходил Международный религиозный форум, в котором приняли участие представители 70 государств¹⁵.

Институционализация парламентской дипломатии Законодательного Собрания проявляется в двух основных формах: различного рода соглашениях, членстве и сотрудничестве с международными организациями. С 1994 по 2021 гг. у Законодательного Собрания было порядка десятка соглашений с региональными парламентами иностранных регионов¹⁶. После февраля 2022 г. их количество значительно сократилось – остались в основном регионы стран СНГ¹⁷. Несмотря на различные названия соглашений (о сотрудничестве; о дружественном сотрудничестве; протокол о сотрудничестве/о намереньях; меморандум о взаимопонимании или декларация о намереньях), все они имеют неопределенный юридический характер, поскольку ни одно не зарегистрировано в Минюсте России¹⁸, а содержащиеся положения носят декларативный характер, что не влечет за собой каких-либо юридических последствий.

Как отмечает А. В. Зотова, международные соглашения парламента служат формированием юридической основы для развития парламентского диалога и способствуют сотрудничеству в других сферах общественной деятельности города [13, с. 26]. Например, в 2014 г. в Санкт-Петербург впервые прибыла кипрская делегация с главой муниципального совета, мэром города Лимассол. Спустя год депутаты Законодательного Собрания и муниципального совета Лимассола подписали Меморандум о взаимопонимании. Еще через год губернатор и спикер Санкт-Петербурга отправились с визитом на Кипр. Также были подписаны дорожная карта сотрудничества между регионами и соглашение в сфере ЖКХ¹⁹. Этот кейс показывает, что сотрудничество на уровне парламентариев переросло в более формальный диалог на уровне исполнительной власти и способствовало развитию отношений в гуманитарной отрасли.

Помимо официальных соглашений, закрепленных на бумаге, у парламента Санкт-Петербурга есть негласные соглашения, которые В. С. Ягья называл «джентль-

¹⁴ В Мариинском дворце встретились кинематографисты стран СНГ. 29.08.2023 // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. URL: <http://www.assembly.spb.ru/article/633200002/162671/V-Mariinskoy-dvorce-vstretilis-kinematografisty-stran-SNG> (дата обращения: 20.02.2024).

¹⁵ В Петербурге открылся Международный религиозный форум. 13.09.2023 // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. URL: <https://www.assembly.spb.ru/article/633200002/163282/V-Peterburge-otkrylsya-Mezhdunarodnyy-religioznyy-forum> (дата обращения: 20.02.2024).

¹⁶ Соглашения о сотрудничестве, подписанные ЗС СПб с парламентами зарубежных стран // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. URL: <http://zaks.kodeks.net/article/960/65252/Soglasheniya-o-sotrudnichestve-podpisannye-ZS-SPb-s-parlamentami-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 20.02.2024).

¹⁷ Международная деятельность Законодательного Собрания // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. URL: <https://www.assembly.spb.ru/activity/international/> (дата обращения: 12.05.2024).

¹⁸ Нормативно-правовые акты в Российской Федерации // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://pravo-search.minjust.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 23.02.2024).

¹⁹ Лимассол и Петербург – важная встреча на Кипре. 28.10.2016 // Вестник Кипра. URL: <https://vkcyprus.com/articles/3161-limassol-peterburg/> (дата обращения: 23.02.2024).

менскими» [14, с. 437]. К одному из таких он относил сотрудничество с Сенатом штата Калифорния – единственный парламент США, с которым Законодательное Собрание смогло наладить парламентский диалог, хотя и неформальный [Там же. С. 438]. В общем и целом за почти 30 лет пересечения с legislатурами американских штатов (когда те приезжали с официальными визитами в Санкт-Петербург) Законодательному Собранию не удалось наладить какое-либо сотрудничество. По мнению В. С. Ягья, причиной этому была «самонадеянность», «самодовольство» и «чувство превосходства» американских парламентариев [Там же. С. 438]. Вероятно, самым успешным достижением санкт-петербургских парламентариев во взаимоотношениях с legislатурами США было выступление В. С. Макарова в Сенате штата Калифорния в 2013 г.²⁰

Кроме того, парламент Санкт-Петербурга был вовлечен в деятельность некоторых международных организаций, среди которых можно выделить, например, членство в Парламентской конференции Балтийского моря (ПКБМ) (1999–2022) и сотрудничество с Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы (до 2022 г.). Особую роль В. С. Ягья и А. В. Зотова отводят деятельности ПКБМ, которая была не только инструментом политического давления на правительственные органы и местом обмена мнениями, но и моральной трибуной, на которой лоббировались интересы и отстаивалась позиция России и Санкт-Петербурга [13, с. 47; 14, с. 434–435]. В настоящее время парламент Санкт-Петербурга не состоит ни в одной международной организации. Правда на фоне стремительного развития БРИКС в 2024 г. появилась перспектива создания межпарламентской ассоциации (или организации) на базе Муниципального форума стран БРИКС.

Немаловажным будет также отметить и потенциал санкт-петербургского парламента в качестве инструмента урегулирования конфликтов. В 1999 г., когда началось военное вторжение НАТО на территорию Югославии, Законодательное Собрание единогласно осудило действия Североатлантического альянса и призвало города-побратимы повлиять на свои страны-члены военного блока. [14, с. 434]. Другой пример показывает смещение признаков моральной трибуны и посредничества в урегулировании конфликта: в 2009 г., когда сомалийские пираты захватили судно «Фаина», санкт-петербургские парламентарии выступили с активными действиями [15, с. 50]: обратились к Правительству России, чтобы те взяли под контроль ситуацию с судном, и отправились в Одессу для встречи с руководством судовой компании²¹.

Хотя приведенные ранее примеры показывают, что зеркальные обмены делегациями депутатов и неформальные соглашения между парламентами могут способствовать налаживанию отношений в области гуманитарного сотрудничества, остается под вопросом, насколько эти же механизмы эффективны для согласованности и понимания в вопросах внешней политики, т. е. в качестве «мягкой силы». В частности, в 1996 г. Законодательное собрание и Городское собрание Таллина подписали соглашение о сотрудничестве. Оба парламента неоднократно принимали делегации друг друга и заявляли о достигнутом высоком уровне сотрудничества. В 2014 г. депутаты Таллинна подчеркивали рост спроса на русский язык, обе стороны уверяли друг друга в значимости совместных мероприятий, таких как, например, «Петер-

²⁰ С 11 по 19 мая состоялся визит официальной делегации Законодательного Собрания Санкт-Петербурга в штат Калифорния (США). 22.05.2013 // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. URL: <https://www.assembly.spb.ru/article/633200002/22901/S-11-po-19-maya-sostoyalsya-vizit-ofitsialnoy-delegacii-Zakonodatelnogo-Sobraniya-Sankt-Peterburga-v-shtat-Kaliforniya-SShA> (дата обращения: 23.02.2024).

²¹ Хроника захвата пиратами судна «Фаина». Справка. 05.02.2009 // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20090205/161025540.html> (дата обращения: 26.01.2025).

бургские встречи» и «Дни Таллина», которые были призваны способствовать формированию у обоих народов принадлежности к единой цивилизации и понимания роли в становлении нового мирового порядка [14, с. 445–446]. После были и другие встречи и приемы.

Однако в марте 2022 г. Совет Таллинна заявил, что прекращает какое-либо сотрудничество с парламентом Санкт-Петербурга²². Ситуация с соглашениями других европейских legislatures (Германии, Польши, Финляндии) схожая. Можно предположить, что низкая результативность парламентской дипломатии как инструмента «мягкой силы» связана с глубинными культурными различиями, касающимися политических ценностей и внешнеполитических приоритетов. Как отмечал Дж. Най, особое значение при развертывании «мягкой силы» приобретает культурный фильтр, контекст и информационное сопровождение политического дискурса. Этот дискурс в совокупности с упомянутыми условиями может либо конвертироваться в лояльное отношение (понимающее/разделяющее) к политике государства, либо исказиться и восприниматься как малопривлекательный [16, р. 107–113]. Это, в частности, могло бы объяснить результаты межпарламентского диалога по линии с западноевропейскими странами спустя десятки лет сотрудничества, в особенности практически безрезультативного в случае с США.

Подводя итог, парламентская дипломатия Санкт-Петербурга представляет собой целостную модель с активными внутрикорпоративными институтами и набором инструментов, позволяющих реализовывать международный потенциал парламента. С одной стороны, возможности регионального законодательства позволяют парламенту Санкт-Петербурга реализовывать свой потенциал в сфере международных отношений посредством специфических соглашений и неформальных договоренностей, приема делегаций, участия в перекрестных зарубежных поездках и межпарламентских институтах, что дает основание отнести Законодательное Собрание к одному из активнейших акторов парадипломатической деятельности Санкт-Петербурга. С другой стороны, специфика федеративной системы России и особенности разграничения полномочий публичной власти в Санкт-Петербурге ограничивают роль и вес Законодательного Собрания в сфере международных отношений.

Кейс Санкт-Петербурга показывает, что парламентская парадипломатия в большей степени комплементарна и реализуется в соответствии с направлениями внешней политики России и федерального законодательства. Парламент Санкт-Петербурга действует преимущественно в тандеме с исполнительной властью Санкт-Петербурга и федеральными органами власти России, играя роль инструмента вспомогательного влияния.

В качестве дальнейших исследований целесообразно провести сравнительный анализ парламентской дипломатии субгосударственных регионов в контексте различных политических систем для выявления зависимости между специфическими условиями институциональной среды (например, моделью федерализма и формы правления) и ролью парламента в парадипломатической деятельности. Не менее важным направлением для исследований является также анализ перспектив парламентской парадипломатии в новом геополитическом контексте (после февраля 2022 г.), характеризующимся переориентацией международных связей на незападные цивилизации (страны и регионы в них входящие).

²² Таллин заявил о прекращении сотрудничества с Москвой и Петербургом. 17.03.2022 // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/223993> (дата обращения: 18.02.2024).

Ссылки

1. Лебедева М. М. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 7–16. DOI 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16.
2. Stavridis S. Parliamentary Diplomacy: A Review Article // International Journal of Parliamentary Studies. 2021. Vol. 1, No. 2. P. 227–269. DOI 10.1163/26668912-bja10027.
3. Еремина Н. В. Парадипломатия: новый голос регионов в современном дипломатическом концерте? (на примере Шотландии и Уэльса) // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 42–51. DOI 10.20542/0131-2227-2012-6-42-51.
4. Global Diplomacy: An Introduction to Theory and Practice / Ed. by T. Balzacq, F. Charillon, F. Ramel. Cham: Palgrave Macmillan. 2020. 344 p. DOI 10.1007/978-3-030-28786-3.
5. Манукян Г. А. Международная деятельность субъектов федеративных государств в XXI веке. Международный опыт и российская практика: учеб. пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. 214 с. URL: <https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/8272/1/01908.pdf> (дата обращения: 26.01.2025).
6. Свердловская область: эволюция международных связей (1991–2022): монография / А. С. Бурнасов, Т. В. Вербицкая, Ф. Е. Золотарев, В. Д. Камынин и [др.]; под ред. В. Д. Камынина, Е. Б. Михайленко; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. 312 с. EDN WVQJLM.
7. Browne M. Para-Diplomacy by Provincial Legislatures: How Turkey and Caribou Make the Case // Canadian Parliamentary Review. 2021. Vol. 44, No. 1. P. 9–14. URL: https://www.revparlcan.ca/wp-content/uploads/2021/06/44n1e_21whole.pdf (дата обращения: 26.01.2025).
8. Paquin S., Rossi N. Parliamentary paradiplomacy: the case of the Québec National Assembly // Journal of Parliamentary and Political Law. 2023. Vol. 17, No. 3. P. 601–615. URL: https://www.researchgate.net/publication/375002632_Parliamentary_Paradiplomacy_the_Case_of_the_Quebec_National_Assembly (дата обращения: 26.01.2025).
9. Коньков А. Е., Чуков Р. С. Парламентская дипломатия: развитие общественно-государственного взаимодействия на мегаполитическом уровне // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 62–73. DOI 10.17976/jpps/2020.01.05.
10. Середа А. А. Парламентская дипломатия как перспективный инструмент внешнеполитической деятельности // Власть. 2024. Т. 32. № 3. С. 175–181. DOI 10.24412/2071-5358-2024-3-175-181.
11. Савельчев Л. А. Концептуализация парламентской дипломатии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 112–121. DOI 10.22394/2073-2929-2024-03-112-121.
12. Савельчев Л. А. Нормативно-правовые основы международной деятельности субгосударственных парламентов: кейс парламента Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2024. № 2. С. 215–229. DOI 10.22394/1726-1139-2024-2-215-229.
13. Зотова А. В. Международная деятельность Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. СПб.: Остров, 2022. 680 с. EDN GIMPRJ.
14. Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 7 / Под ред. В. С. Ягья. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2014. 520 с.
15. Зотова А. В., Вежбицките В., Туева А. В. Об итогах 25-летней международной деятельности Законодательного Собрания Санкт-Петербурга // История Петербурга. 2019. № 4. С. 48–51. URL: <http://mirpeterburga.ru/upload/iblock/09a/09a9b258dfd473a10d8b39ebd43a67d6.pdf> (дата обращения: 26.01.2025).
16. Nye J. Soft Power the Means to Success in World Politics. New-York: Public Affair, 2004. 209 p.

Political Features Of The Formation Of Public Opinion In The United States Against The Background Of The 2024 Presidential Election

E. S. Shevchenko¹

¹Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-46-57

Research article
Full text in Russian

The development of the US social and political system at the present stage is confronted with some serious objective challenges and threats caused by domestic political problems in the United States and peculiarities of deconstruction of American political and image concepts in the framework of participation in international processes. In this sense, the search and discussion of the most appropriate options for renewing mainly of coordinating procedures and regulative instruments in relation to realization of the US domestic and foreign policy are actualized. It provokes the emergence of respective ideological and communicational collisions at the level of the US political leadership. The acceptance of proposed political projects by American community and the provision of political interaction between society and state in the United States are also problematized. As a result, loss of public confidence in the decisions and actions of the US political elite and disappointment with concrete results of political activity of the current US president are observed. In the end, an understanding is formed that the conduction of the 2024 presidential campaign more obviously and problematically has revealed systemic contradictions and conflicts in the United States that require not only a formulation of compromise models of social and political communication, but also a revision of the methodology of American sociological researches.

Keywords: American society; public opinion; political institutions; the US presidential election; D. Trump; J. Biden

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shevchenko, Ekaterina S. | E-mail: katerina.shevv@yandex.ru
Cand. Sc. (Politics)

For citation: Shevchenko E. S. Political Features Of The Formation Of Public Opinion In The United States Against The Background Of The 2024 Presidential Election // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2025. Vol. 11, No. 1. P. 46-57. (in Russ.)

Политические особенности формирования общественного мнения в США на фоне президентских выборов 2024 года

Е. С. Шевченко¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-46-57
УДК 327

Научная статья
Полный текст на русском языке

Развитие общественно-политической системы США на современном этапе сталкивается с некоторыми серьезными объективными вызовами и угрозами, обусловленными внутриполитическими проблемами в США, а также особенностями деконструкции американских политико-имиджевых концептов в рамках участия в международных процессах. В этом смысле актуализируются поиск и обсуждение наиболее подходящих вариантов обновления преимущественно согласовательных процедур и регуляторных инструментов применительно к реализации внутренней и внешней политики США. Это провоцирует возникновение соответствующих идейных и коммуникационных коллизий на уровне политического руководства США. Также проблематизируются одобрение американской общественностью предлагаемых политических проектов и обеспечение в США политического взаимодействия между обществом и государством. В результате наблюдаются потеря общественного доверия по отношению к решениям и действиям политической элиты США и разочарование конкретными результатами политической деятельности действующего президента США. В конечном итоге формируется понимание относительно того, что проведение президентской кампании 2024 года более очевидно и проблемно выявило системные противоречия и конфликты в США, требующие не только формулирования компромиссных моделей общественно-политической коммуникации, но и пересмотра методологии проводимых американских социологических исследований.

Ключевые слова: американское общество; общественное мнение; политические институты; выборы президента США; Д. Трамп; Дж. Байден

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевченко, Екатерина Сергеевна

E-mail: katerina.shevv@yandex.ru

Кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии и политического управления Института общественных наук

Для цитирования: Шевченко Е. С. Политические особенности формирования общественного мнения в США на фоне президентских выборов 2024 года // Социальные и гуманитарные знания. 2025. Том 11, № 1. С. 46-57.

Введение

Американская общественность на современном этапе политического развития США сталкивается со множеством системных проблем и противоречий, связанных как с кризисом общественного доверия по отношению к политической власти, так и с затяжным межинституциональным конфликтом внутри американской политической системы. В этой связи целесообразно особое внимание обратить на выявление конкретных факторов и условий актуализации в американской общественной среде тех или иных политических настроений, основных причин и триггеров их возникновения и распространения, а также механизмов и моделей осуществления в данном контексте общественно-политической рефлексии.

С этих позиций президентская кампания 2024 года в США анализируется в качестве проецирующей ключевые симптоматичные особенности актуальной общественно-политической обстановки накануне столь показательных и фактически обнаруживающих реальную расстановку политических сил выборов главы государства. Представляется целесообразным системно исследовать идейно-ценностные, деятельностные, структурно-функциональные и иные особенности формируемого в США общественного мнения в контексте определения ключевых оснований взаимоотношенности официальной позиции политического руководства США и системы политических убеждений американского общества.

Характеристика общественной обстановки в преддверии выборов президента США 2024 года

Общественно-политическая вовлеченность граждан исторически занимает высокие отметки в рамках оценки качества публичного управления в США и является одним из ключевых параметров американской демократии в ее классическом понимании [1]. Объективно американские граждане активно участвуют в политической жизни страны, реагируют на принимаемые политической элитой США системные решения, влияют на актуализируемую политическую повестку США и т. д.

Вместе с тем наблюдаемые в течение последнего десятилетия внутри- и внешнеполитические события в США демонстрируют серьезные разбалансировки и пробуксовки как по линии институционального обмена между государством и обществом, так и по линии реализации текущего американского политического курса [2]. Более того, динамика внутренних общественно-политических изменений, наблюдаемых в США на современном этапе, также подвержена серьезным колебаниям и переустройству, которые подчас слабо контролируются и регулируются со стороны государства [3].

Однако было бы неверным толковать имеющиеся тренды и тенденции с позиции неосознанности или политического невежества рядовых американцев [4]. Напротив, происходящее сегодня на политической авансцене США является следствием объективно обусловленных политических процессов, повлиять на которые сегодня крайне затруднительно для представителей политической элиты США, обладающих вместе с тем большим объемом должностных полномочий и политической ответственности [5].

Другими словами, американское общественное мнение в последнее время характеризуется парадоксальностью и даже нелогичностью, что в действительности

является нехарактерным для американской политической культуры, ключевыми особенностями которой принято называть в том числе прагматизм и использование рационального подхода. К примеру, в начале президентства Дж. Байдена его работу одобряло около 60 % американцев (для сравнения одобрение политического курса Д. Трампа выказывало примерно 40 % членов американского общества за аналогичный период), а уже в августе 2020 года, по результатам открытого социологического опроса Pew Research Center, почти треть демократов высказывалась не в пользу 46-го президента США, называя в числе основных негативных позиций его политической деятельности на посту главы государства проблемы, связанные с возрастом и здоровьем [6].

Что касается востребованности личных и профессиональных качеств первых лиц государства для большинства американцев, то в данном отношении также формируется не менее противоречивая картина, связанная главным образом со спецификой используемых политико-деятельностных и политико-коммуникационных моделей. В случае с Д. Трампом актуализировался запрос на развитие управленческих компетенций и навыков и ограничение применимости бизнес-подхода при принятии политических решений, при этом в качестве позитивных мероприятий корректирующего и оптимизирующего свойства в рамках президентства Дж. Байдена назывались акцентуация и развитие таких качеств, как харизматичность, расширение личной самостоятельности, проявление активности при участии в политических дебатах («Mentally Sharp») и др.

Наконец, справедливо упомянуть об имеющейся общественной конфликтности рядовых американцев по политико-партийной линии, в частности, в течение последних нескольких лет наблюдается значительный рост доли республиканцев и демократов, крайне негативно оценивающих работу оппозиционной политической партии (53 % и 55 % опрошенных соответственно) [7]. То же самое можно отметить применительно к оценке политических действий президента США: 93 % сторонников Республиканской партии США имеет неблагоприятное мнение о Дж. Байдене и 92 % сторонников Демократической партии США имеет неблагоприятное мнение о Д. Трампе.

Не менее проблемным аспектом в направлении солидаризированного публичного управления в США является отсутствие эффективных согласовательных практик и обеспечительных инструментов преодоления дефицита общественно-политического компромисса [8]. Преимущественно это связывается с достижением разочарования сложившейся политической ситуацией в стране и формированием неуверенности относительно компетентности и опытности политических руководителей высшего звена со стороны большинства американских граждан [9]. В результате речь идет об исчерпании кредита общественного доверия, формирование которого в США исторически является циклическим и непостоянным (например, в начале 1960-х годов около 80 % американской общественности доверяло главе государства и федеральному правительству, однако последующие неудачи во Вьетнамской войне, Уотергейтский скандал, предельная годовая инфляция в 1982 году и др. обусловили рассогласованность и конфликтность компонентов американской системы публичного управления). Данная позиция весьма активно транслируется влиятельными американскими СМИ, в частности, по мнению аналитиков The Washington Post, американцы считают, что для политической

системы США характерны дисфункциональность и несоответствие общественным интересам («Americans Believe The Political System Is Broken And That It Fails To Represent Them. They Aren't Wrong») [10].

В данных обстоятельствах фактически проявились беспрецедентные по своей сути и крайне затруднительные условия как для «слонов», так и для «ослов» в контексте проведенной в 2024 году предвыборной кампании, а также существенно осложнилась реализация политического выбора американскими избирателями в ситуации политико-идейной хаотизации. В пользу этого свидетельствует хотя бы тот факт, что на фоне выборов президента США 2024 года четверть американцев столкнулась с невозможностью осуществления общественного волеизъявления ввиду имеющегося недовольства политическими действиями главы государства и создавшейся политической безальтернативности – «Double Negatives». В этой связи показательно то, что примерно 62 % сторонников Дж. Байдена заявило о необходимости замены его кандидатуры, при этом включение в предвыборную гонку К. Харрис не повлияло на усиление конструктивности электоральных процедур, поскольку де-факто сохранились предлагаемая ранее политическая программа и аффилиация с американским политическим истеблишментом [11]. Однако в данном контексте необходимо сделать оговорку относительно проявленной логичности и в каком-то смысле ожидаемости результатов прошедших в США президентских выборов 2024 года: как по линии американских граждан (почти 50 % голосов в пользу Д. Трампа против чуть более 48 % голосов в пользу К. Харрис), так и по линии коллегии выборщиков (312 голосов в пользу Д. Трампа против 226 голосов в пользу К. Харрис) большинство голосов закреплялось в поддержку 45-го и сейчас уже 47-го президента США, что подтвердил Конгресс США в ночь с 6 января на 7 января 2025 года.

Особенности формирования общественного мнения в США в современных политических условиях

При анализе состояния современного американского общества в контексте актуальной политической повестки США в последнее время более пристальное внимание обращается на отсутствие четко определенных и относительно релевантных текущему положению дел в стране качественных параметров структурной специфики формируемого в США общественного мнения, обусловленное в том числе усилением гетерогенности и ассимилированности американских общественных структур в целом. При этом в привязке к политико-партийной принадлежности членов американского общества можно выявить некоторые стабилизированные корреляции: структура целевой аудитории Республиканской партии США является однородной по расовому и этнокультурному составу (Non-Hispanic White – 79 % избирателей), при этом среди тех, кто активно поддерживает Демократическую партию США, присутствуют как темнокожие и азиаты, так и представители смешанных рас (не менее интересной также представляется разбивка сторонников обеих американских политических партий по религиозному признаку: с христианской конфессией себя идентифицирует более 80 % республиканцев и лишь 54 % демократов).

В свою очередь, это позволяет сделать вывод о невозможности сегодня предложить в региональном и федеральном срезе более-менее интегрированную оценку общественного мнения в США по единым критериям на основе таких показателей,

как половозрастная специфика, уровень образования, отрасль работы и др. Отчасти это также соотносится с имеющимися проблемами в рамках реализации современной миграционной политики США, для которой одними из наиболее «ощутимых» рисков продолжают оставаться обеспечение контролируемых миграционных потоков и формулирование эффективных механизмов борьбы с нелегальной иммиграцией [12].

В данной связи вполне понятно предельно слабое прогнозирование соответствующих явных и тем более латентных изменений общественно-политической ситуации в стране. Вместе с тем анализ динамики актуализации политического дискурса и формулирования в данной связи доминирующей позиции наиболее активной части американского общества позволяет определить некоторые наиболее характерные особенности формирования общественного мнения в США на современном этапе, в числе которых следующие:

1. Персонифицированное восприятие политической власти с сохранением общего внимания к специфике институционального измерения принятия политических решений в США (в частности, как показывают результаты научных исследований, для большинства американцев важными факторами успешной реализации внутренней и внешней политики США являются, с одной стороны, наличие сильного политического лидера, управляющего государством, с другой стороны, формирование активного федерального правительства и обеспечение независимости судебной системы).

2. Усиление включенности в политическую жизнь страны и осведомленности относительно наиболее значимых общественно-политических событий – более 80 % членов американского общества проявляет высокий интерес к внутривнутриполитической обстановке в США и очередным выборам главы государства (при этом около 60 % взрослых американцев способно в свободном доступе найти любую информацию по интересующему их вопросу, однако только четверть опрошенных определяет медийное освещение политической тематики как высококачественный новостной контент, что явно свидетельствует в пользу их политической грамотности и умения правильно «считывать» предлагаемую информационную продукцию).

3. Актуализация критического фокуса применительно к происходящему в современной политике США на фоне негативных результатов президентства Д. Трампа и Дж. Байдена, на основе чего можно сделать вывод относительно осуществления аналитической рефлексии на тему происходящего в США в политическом плане и формирования некой интегративной оценки принимаемых политических решений (72 % Of Americans Say The U.S. Used To Be A Good Example Of Democracy, But Isn't Anymore).

4. Ситуативное реагирование на актуализируемые общественно-политические события в США в зависимости от субъективных обстоятельств, что весьма фактурно прослеживается на примере роста общественной поддержки Д. Трампа в результате организованного 13 июля 2024 года покушения на 45-го президента США – в соответствии с данными проведенного 15–16 июля 2024 года социологического опроса на базе Колледжа Эмерсона фиксируется процентное увеличение сторонников Д. Трампа в таких «колеблющихся» штатах (Swing States), как Аризона, Висконсин, Джорджия, Невада, Пенсильвания и Северная Каролина (более того, ранее подобные результаты публиковались социологической службой YouGov).

5. Локализация политико-коммуникационного пространства, обусловленная заинтересованностью американских граждан в получении информации об актуальных проблемах местного самоуправления из местных новостных агентств и социальных сетей – Local News Outlets (66 %), Social Media (54 %), вместе с тем примерно одинаково разбиваются доли респондентов, кто предпочитает политические новости федерального (68 %) и регионального (66 %) значения.

6. Использование альтернативных способов связи и взаимодействия с представителями политической власти посредством электронной почты и мессенджеров, негативными последствиями которого являются автоматическая подборка новостного контента без учета общественных потребностей и последующая за этим политико-идеологическая сегрегация.

Соответственно, анализируя устройство и работу общественно-политической системы США, можно произвести фокус на таких обновленных ее характеристиках, как углубление политической поляризации между республиканцами и демократами, актуализация системных различий между «красными» и «синими» штатами, усиление политико-идеологической оппозиционности рядовых американцев и др. В рамках научно-исследовательских дискуссий озвучиваются как минимум следующие регуляторные причины столь стремительно углубляющегося политического кризиса в США в контексте общественных притязаний и запросов, требующие соответствующего осмысления и минимизации негативных последствий: формирование региональных диспропорций ввиду неравномерного распределения политической власти в Палате представителей США, политизация принимаемых Верховным судом США судебных решений, появление сбоев в работе коллегии выборщиков (политические кейсы Дж. Буша-мл. в 2000 году и Д. Трампа в 2016 году с учетом несоответствия относительно результатов голосования в рамках Popular Vote), снижение конкурентоспособности политических кандидатов на уровне отдельных штатов.

Доминирующие общественно-политические ценности американских граждан

Фактически существующие в современной американской системе политического управления ограничения и блокировки серьезно осложняют общественное влияние на реализуемое в США политическое реформирование. Применительно к данной проблематике речь идет также о проявляющемся несоответствии отдельных положений Конституции США фактической общественно-политической специфике.

В соответствии с данными Brookings Institution в начале 2024 года около 77 % американцев крайне негативно оценивало результаты реализуемого внутри- и внешнеполитического курса США в целом, при этом почти 50 % членов американского общества высказывалось в пользу ухудшения качественных показателей американской демократии и культуры [13]. В данной связи актуализируется определение доминирующих сегодня у американских граждан значимых общественно-политических ценностей.

В части артикуляции и агрегирования общественно-политических ценностных представлений и интересов американское общество склонно отдавать предпочтение существующим комплексным проблемам в государственной системе здравоохранения.

ранения и образования (49 %), а также росту преступности (50 %) и потере эффективности демократических прав и свобод человека и гражданина (47 %). Другими словами, наибольшим ценностным потенциалом в ракурсе политического обозрения и регулирования характеризуются обеспечение комфортной общественной среды и предусмотрение гарантированной защиты со стороны государства, которым между тем уступают глобальные климатические изменения и проблемы национальной экономики.

Вместе с тем большинству американских граждан в рамках участия в общественно-политической жизни государства традиционно свойственны такие идейно-ценностные установки, как оперирование формальными процедурами и практиками, обновление действующего федерального законодательства США с точки зрения соответствия критериям транспарентности и гибкости, обеспечение эффективной государственной защиты персональных данных от кибершпионажа и их незаконного использования, а также предусмотрение оптимальных форм и способов налаживания обратной связи. Важным маркером исследования общественного мнения в США является выявление текущих проблем, оперативное решение которых беспокоит большинство членов американского общества: в данном отношении также наблюдается устойчивость общественных ориентаций (в частности, серьезный рост повседневных расходов и рост цен на недвижимость являются критическими для 62 % респондентов).

Несмотря на ослабление политических позиций 46-го президента США и явную девальвацию декларируемых в концептуальных и программных документах целей и задач политического развития американского общества, примерно для 59 % рядовых американцев сохраняется необходимость соблюдать действующие политические нормы и правила (при этом около 40 % опрошенных заявляет о необходимости инициирования масштабных кадровых изменений в контексте низкой оценки работы высшего политического руководства страны). В действительности примерно в равных пропорциях распределяются голоса тех респондентов, кто хочет радикальных изменений и новых лиц на американской политической авансцене (например, предлагаются введение возрастных ограничений для сотрудников правительственных структур и установление временных рамок в части исполнения членами Конгресса США своих должностных полномочий), и тех респондентов, кто высоко ценит личную безопасность, которая может быть нарушена в результате прихода новой политической команды и, соответственно, резкой смены политического курса страны.

При этом для большинства американских граждан крайне важно усиление политической и экономической конкурентоспособности США на международной арене, что измеряется в достаточности и оптимальности государственных мероприятий в сфере цифрового развития и обеспечения кибербезопасности, а также в сфере геополитического планирования и активизации внешнеполитических действий. В частности, в соответствии с имеющейся статистической информацией лета 2024 года больше половины американцев испытывало гордость за свою страну и высказывало уважение по отношению к официальной символике США, при этом 41 % респондентов при конкретизации ответа использовало формулировку «Extremely Proud» [14].

В целом при изучении общественного мнения в США в оптике идеократического и ценностного измерений необходимо учитывать наиболее проблематизируемые и вместе с тем устойчивые особенности современного американского общества, к которым относятся, в частности, расширение смысловых пределов мультикультурализма и углубление идентификационного кризиса. В качестве одной из основных причин подобных трансформационных изменений в США необходимо определить усиление этнического, культурного, религиозного и иного многообразия общественной структуры, обуславливающее, соответственно, появление различных статусно-ролевых и функциональных позиций, – по данной проблематике специализируются в основном консервативные общественно-политические организации и аналитические институты США, такие как American Principles Project, Niskanen Center, R Street Institute и др.

Более того, как показывают результаты работы американских социологических служб и сервисов, сохраняется зависимость формируемого общественного мнения в США, во-первых, от предлагаемой республиканцами и демократами политико-партийной повестки и, во-вторых, от транслируемой наиболее авторитетными в США медийными источниками оценки происходящих политических событий, которые описываются американскими социологами и политологами с использованием таких терминов, как «Filter Bubbles» и «Echo Chambers». При этом наиболее очевидным недостатком получаемых результатов в научно-исследовательском плане является ограниченность используемых панельных данных: в действительности анализируются далеко не все политические ценности, имеющиеся в американском обществе, к чему также суммируются сугубо технические погрешности и неточности (например, количество ответов не более 100 и точечная распристраненность менее 5 %).

Некоторые перспективы развития качественного политического потенциала американского общества

Применительно к оценке имеющегося политического потенциала современного американского общества можно сформулировать как минимум две основные наиболее явные концептуальные позиции. Во-первых, логично предположить, что просчеты и ошибки, наблюдаемые сегодня на уровне представителей политического истеблишмента США, имеют некий кумулятивный эффект и могут привести к соответствующим общественно-политическим переустройствам и даже трансформациям определенного характера и масштаба.

Во-вторых, нельзя исключать также и вполне вероятное бесконфликтное политическое развитие США с учетом наличия несоответствия и рассогласования по линии общественной поддержки. В действительности уровень протестной активности в американском обществе находится на относительно невысоких отметках, в частности, как следует из аналитических материалов Международного центра некоммерческого права, в течение 2020–2023 годов в США принято только 26 законопроектов, ограничивающих протестную деятельность американских граждан преимущественно по вопросам расовой принадлежности и антиабортной деятельности (US Protest Law Tracker).

В рамках данной проблемной плоскости актуализируется ограниченность и по сути несоотносимость имеющегося прогностического функционала приме-

нительно к составлению каких-либо показателей изменения общественного мнения в США в краткосрочной перспективе. Примечательно, что это весьма активно популяризируется американскими медиаизданиями: в соответствующих статьях *The New York Times* и *The Wall Street Journal* можно найти мнения относительно «нанесения удара по опросам общественного мнения» и «допущения ошибок со стороны социологов» [15; 16].

Применительно к формированию и реализации политических позиций наиболее активной частью американской общественности в рамках очередных выборов процедур также можно оперировать двумя основными особенностями. Прежде всего речь идет об использовании при конструировании политического выбора аналитических данных и информации из открытых источников в качестве тех, которым можно доверять, в результате чего возможно попадание в своего рода политико-коммуникационную ловушку, поскольку представленное в интернет-пространстве далеко не всегда характеризуется верифицируемостью и достоверностью. Далее также наблюдается транслирование поддержки политическому кандидату, который лидирует по данным социологических опросов, что является доказательством подверженности действовать в соответствии с мнением большинства и также характеризуется как «эффект подножки» («Bandwagon Effect»). Это накладывает дополнительные ограничения на определение прогнозных показателей соответствующих изменений в структуре общественно-политических отношений США.

Наконец, ставятся под сомнение статистическая точность и в конечном итоге политическая легитимность тех или иных формальных процессов и процедур в официальном общественно-политическом дискурсе США, агрегируемых и операционализируемых соответствующими программами и сервисами (в частности, это подтверждается аналитическими обзорами *FiveThirtyEight* и *American Association For Public Opinion Research – AAPOR*). Высказывается мнение, что таким образом американские избиратели сбиваются с толку и демобилизуются при проведении предвыборной кампании и собственно выборов, а в последующем это преподносится как фальсификация результатов голосования и фабрикация информации.

В любом случае специфике имеющейся сегодня в США общественно-политической ситуации свойственны некие «закольцованность» и перманентность, выражающиеся во взаимозависимости вопросов и проблем, не решенных, с одной стороны, на уровне конструктивного коллегиального обсуждения актуальной политической повестки США исполнительной и законодательной ветвями власти, с другой стороны, на уровне позитивного восприятия членами американского общества формулируемых политической элитой США концептов и нарративов. По этой причине улучшение качественных характеристик участия американских граждан в политической жизни США напрямую коррелирует с такими индикаторами, как личностные особенности главы государства, реальные предложения по выводу США из внутрисистемного политического кризиса, направления восстановления американского политического лидерства в мировом масштабе и др., которые являются отнюдь не в меру статичными и репрезентативными, но одними из приоритетных для исследования и операционализации.

Заключение

Преодоление кризисных проявлений современной общественно-политической системы США и решение имеющихся политических вопросов, скорее всего, займут гораздо больше времени и ресурсов в сравнении с тем, что содержится в предлагаемой документации политического прогнозирования и планирования. Как показывают социологические опросы и измерения американского общественного мнения накануне инаугурации очередного президента США, подавляющей части американской общественности свойственны фрустрированные политические настроения: около 65 % американцев говорит о своей усталости от столь активной и насыщенной политической повестки США, выражая это категориями «Bad», «Chaos», «Corrupt», «Divisive», «Messy» и др. Соответственно, при создавшихся обстоятельствах не только расширяются пространственные возможности для совершения тех или иных стратегических маневров, но и предусматривается оптимальная институциональная среда для политического манипулирования общественным мнением. В данной связи необходимо еще раз особо подчеркнуть важность объединения совместных усилий политической элиты США, представителей научного сообщества и членов гражданского общества.

Более того, применительно к обсуждению наблюдаемых в США общественно-политических изменений необходимы совершенствование имеющейся методологии и более стандартизированное использование эмпирических материалов на уровне американских научно-исследовательских и аналитических центров, выдающих различные результаты при аналогичных измерениях общественного мнения в США. В частности, по данным RealClearPolitics за октябрь–ноябрь 2024 года, по средним значениям Д. Трамп набирал 48,6 % голосов, а К. Харрис – чуть более 48,7 % голосов, при этом, по данным социологического опроса, проведенного И. Маском летом 2024 года в его собственной социальной сети X, Д. Трамп располагал поддержкой 73,2 % избирателей, а К. Харрис – 26,8 % избирателей.

Ссылки

1. Luke T. W. Democracy Under Threat After 2020 National Elections In The USA: «Stop The Steal» Or «Give More To The Grifter-In-Chief?» // Educational Philosophy And Theory. 2023. Vol. 55. Issue 5. P. 551–557.
2. Smith D. C. "The" Key 2024 Election Involving Climate Change And The Energy Transition: Biden Vs Trump 2.0 And The Matter Of Global Trust In The US // Journal Of Energy & Natural Resources Law. 2024. Vol. 42. Issue 2. P. 131–136.
3. Hunter J. D. Democracy And Solidarity: On The Cultural Roots Of America's Political Crisis. Yale University Press, 2024. 504 p.
4. Richardson H. C. Democracy Awakening: Notes On The State Of America. Viking, 2023. 304 p.
5. Guth J. L. Are White Evangelicals Populists? The View From The 2016 American National Election Study // The Review Of Faith & International Affairs. 2019. Vol. 17. Issue 3. P. 20–35.
6. Joe Biden, Public Opinion And His Withdrawal From The 2024 Race // Pew Research Center. 23.07.2024. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2024/07/23/joe-biden-public-opinion-and-his-withdrawal-from-the-2024-race/> (дата обращения: 22.08.2024).

7. 10 Facts About Republicans In The U.S. // Pew Research Center. 12.07.2024. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/07/12/10-facts-about-republicans-in-the-us/> (дата обращения: 22.08.2024).

8. Byers J. S., Carson J. L., Williamson R. D. Policymaking By The Executive: Examining The Fate Of Presidential Agenda Items // Congress & The Presidency. 2020. Vol. 47. Issue 1. P. 1–31.

9. Гарбузов В. Н. Грани американского раскола // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 7. С. 627–632. DOI 10.31857/S0869587321070057.

10. American Democracy Is Cracking. These Forces Help Explain Why // The Washington Post. 18.08.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2023/08/18/american-democracy-political-system-failures/> (дата обращения: 28.08.2024).

11. «Глубокий уровень некомпетентности»: как утверждение Харрис кандидатом в президенты повлияет на предвыборную гонку в США // RT. 22.08.2024. URL: <https://russian.rt.com/world/article/1357571-kamala-harris-dempartiya-kandidat-utverzhdenie/> (дата обращения: 24.08.2024).

12. Бурда М. А., Михайлова Н. В., Гришин О. Е. Инициативы президента Д. Трампа в контексте формирования и реализации иммиграционной политики США // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 6 (144). С. 40–49. EDN RPVWFK.

13. Threats To American Democracy Ahead Of An Unprecedented Presidential Election // PRRI. 25.10.2023. URL: <https://www.pryri.org/research/threats-to-american-democracy-ahead-of-an-unprecedented-presidential-election/> (дата обращения: 28.08.2024).

14. How Proud Are You To Be An American? // Statista. 11.10.2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/261561/proud-to-be-american/> (дата обращения: 24.08.2024).

15. 2016 Dealt A Blow To Polling. Did 2020 Kill It? // The New York Times. 05.11.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/11/05/opinion/election-polls-wrong.html/> (дата обращения: 02.09.2024).

16. Good Grief, The Pollsters Got It Wrong // The Wall Street Journal. 10.10.2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/good-grief-the-pollsters-got-it-wrong-11605049069/> (дата обращения: 02.09.2024).

Cohabitation in the marriage strategies of modern youth

A. A. Gerasina¹

¹ P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-58-73

Research article
Full text in Russian

The article reveals the problem of the spread of cohabitation among young people as part of the modernization changes taking place in the field of family and marriage institutions. The problem is considered in the context of the existence of two opposing points of view, shared by experts in the field of family sociology, regarding the consequences of the spread of informal marital unions for the existence of family and marriage institutions: as a crisis of family values and family structure, or as a natural process that meets the needs of modern society. Based on the analysis of data from the All-Russian population censuses of 2002, 2010 and 2021, social statistics data and the results of the author's sociological research aimed at identifying the attitude of young people to informal marital unions (n=190), it is concluded that youth cohabitation should be considered as a variant of the norm, and not a marker of the crisis of family and marriage. Thus, based on data from the All-Russian population censuses, it was found that informal marital unions are most common among young Russians under the age of 24, while in older age cohorts the proportion of informal marriages has been significantly decreasing over the past 20 years. According to the author's sociological research, about 76 % of respondents consider living together with a potential spouse as a significant condition for further marriage decisions, which 64.2 % of respondents include in their life plans. It is concluded that cohabitation becomes either a tool of marital selection, or a "buffer stage" that allows accumulating the necessary material and social benefits for further entry into official marital relations.

Keywords: cohabitation; institution of marriage; marital behavior; marriage strategies; informal marital unions; youth

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gerasina, Anna A. | E-mail: a.gerasina2010@yandex.ru

For citation: Gerasina A. A. Cohabitation in the marriage strategies of modern youth // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2025. Vol. 11, No. 1. P. 58-73. (in Russ.)

Сожительства в брачных стратегиях современной молодёжи

А. А. Герасина¹

¹Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-58-73
УДК 316.361

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье раскрывается проблема распространения сожительств среди молодёжи как части модернизационных изменений, происходящих в области институтов семьи и брака. Проблема рассматривается в контексте существования двух противоположных точек зрения, разделяемых специалистами в области социологии семьи, относительно последствий распространения неформальных супружеских союзов для существования институтов семьи и брака: как кризис ценности семьи и семейного уклада или как закономерный процесс, отвечающий потребностям современного общества. На основе анализа данных Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2021 годов, данных социальной статистики и результатов авторского социологического исследования, направленного на выявление отношения молодежи к неформальным супружеским союзам ($n=190$), сделан вывод, что молодежные сожительства следует рассматривать как вариант нормы, а не как маркер кризиса семьи и брака. Так, на основе данных Всероссийских переписей населения установлено, что неформальные супружеские союзы в наибольшей степени распространены среди молодых россиян до 24 лет, в то время как в более старших возрастных когортах доля неофициальных браков значительно снижается в течение последних 20 лет. По данным авторского социологического исследования, около 76 % респондентов рассматривают совместное проживание с потенциальным супругом как значимое условие для дальнейшего решения о заключении брака, который 64,2 % опрошенных включают в свои жизненные планы. Сделан вывод, что сожительство становится либо инструментом брачного отбора, либо «буферным этапом», позволяющим накопить необходимые материальные и социальные блага для дальнейшего вступления в официальные брачные отношения.

Ключевые слова: сожительство; институт брака; брачное поведение; брачные стратегии; неформальные супружеские союзы; молодежь

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Герасина, Анна Александровна | E-mail: agerasina2010@yandex.ru
| Ассистент кафедры социологии

Для цитирования: Герасина А. А. Сожительства в брачных стратегиях современной молодёжи // Социальные и гуманитарные знания. 2025. Том 11, № 1. С. 58-73.

Введение

За последние десятилетия в мире наблюдается тренд изменения брачного поведения, который не обошёл стороной и российское общество. Постепенно повышается возраст вступления в первый брак, растёт доля разводов и повторных браков,

© ЯРГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

появляются новые альтернативные формы брачных отношений. Широкое распространение получает совместное проживание без регистрации брака¹.

В сложившихся условиях возникает закономерный вопрос о том, как подобные изменения влияют на состояние института семьи и брака в России. Он приобретает особую значимость, принимая во внимание тот факт, что перечисленные изменения брачного поведения, в том числе неофициальные супружеские союзы и сожительства, распространены среди молодежи.

По данным переписи населения 2021 года, среди населения старше 18 лет в незарегистрированном союзе состоял почти каждый десятый из числа тех, кто указал свой брачный статус (табл. 1). Наибольший вклад в долю незарегистрированных супружеских союзов вносит младшая возрастная когорта молодежи – 25 %. С увеличением возраста доля состоящих в зарегистрированном браке увеличивается, а доля тех, кто живет в незарегистрированном браке, снижается.

Таблица 1

Доли состоящих в зарегистрированном браке и незарегистрированном браке²

Возрастные группы	Состоящие в браке		
	Всего, чел.	В зарегистрированном браке %	В незарегистрированном супружеском союзе %
Все	60 039 224	54 622 565 91,0	5 416 659 9,0
18–24 года	1 538 586	1 151 283 74,8	387 303 25,2
25–34 года	10 245 838	9 014 270 88,0	1 231 568 12,0
35–44 года	14 865 305	13 400 624 90,1	1 464 681 9,9
45–54 года	11 738 350	10 641 191 90,7	1 097 159 9,3
55–64 года	11 852 963	11 065 338 93,4	787 625 6,6
>65 лет	9 798 182	9 349 859 95,4	448 323 4,6

Анализ данных переписей населения, проведенных в 2002 г.³ и 2010 г.⁴, позволяет сделать вывод, что встречаемость нерегистрируемых браков в различных возрастных когортах схожа во всех трёх переписях: доля сожителей тем выше, чем младше возрастная группа населения. Вероятно, следует принять предположение, что со временем большинство молодёжных сожителей превращаются в офи-

¹ Итоги ВПН-2002. Состояние в браке населения, число и состав домохозяйств. Рождаемость // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12> (дата обращения: 09.04.2024). Итоги ВПН-2010 Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 09.04.2024). Итоги ВПН-2020. Том 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_pолоvoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 09.04.2024).

² Источник: Итоги ВПН-2020. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке // Росстат. 31.12.2022. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_pолоvoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 09.04.2024).

³ Итоги ВПН-2002. Состояние в браке населения, число и состав домохозяйств. Рождаемость // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12> (дата обращения: 09.04.2024).

⁴ Итоги ВПН-2010. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 09.04.2024).

циальный брак. При этом важно учитывать, что переписи населения, скорее всего, не в полной мере учитывают реальную распространённость неформальных союзов с совместным проживанием партнеров [1].

В связи с этим представляется актуальным поиск ответов на вопросы о том, почему неофициальные супружеские союзы или сожительства являются распространённой формой партнёрств среди представителей молодёжи, какие смыслы молодые люди вкладывают в них и как совместное проживание до брака включается в цепочку брачных стратегий молодых россиян. Поиск ответов на поставленные вопросы позволит определить, как добрачное сожительство сказывается на состоянии институтов семьи и брака в нашей стране.

В отношении изменений, происходящих с институтом брака, в научных кругах сложилось две противоположные точки зрения. С одной стороны, распространение и нормализация незарегистрированных отношений наравне с ростом разводов, повторных браков и малодетностью – это проблемы, ведущие к упадку (вплоть до полного исчезновения) института брака. С другой стороны, это закономерные тренды, отвечающие трансформациям общественных отношений последних десятилетий, они должны рассматриваться не как проблема, а как модернизация институтов брака и семьи.

К первому лагерю относятся, например, А. Б. Синельников [2], А. И. Антонов, В. А. Борисов [3; 4]. Учёные приводят следующие аргументы в пользу кризиса институтов семьи и брака. «Прогрессивные» формы семьи, к числу которых они относят и сожительство, хуже выполняют основные семейные функции – рождение и воспитание детей, обеспечение психологического комфорта членов семьи (например, союзы в форме сожительства часто остаются бездетными) [2]. Ослабление роли семьи как посредника во взаимодействии личности и общества усиливает внесемейные ценностные ориентации членов семьи на личные достижения, ведёт к перевесу их над ценностью семейного образа жизни и ценностью детей. В результате семья «проигрывает» прочим социальным институтам и подвергается общественной эксплуатации и дискриминации [3].

Вторая точка зрения отстаивается такими исследователями, как С. И. Голод [5], Т. А. Гурко [6, 7], А. Г. Вишневский [8], С. В. Захаров [9]. Они рассматривают модернизационные изменения как закономерный процесс, которого не удастся избежать, если стремиться обернуть трансформацию семьи вспять. Так, С. И. Голод полагает, что невозможно добиться «полного «слияния» в любви и признания эротической автономии для каждого из супругов; долга друг перед другом и свободы расторжения союза; непрерываемого авторитета одного из партнёров и их эгалитарности; взаимного поощрения профессиональных амбиций и готовности к выстраиванию собственных индивидуальных биографий – все это не может функционировать в традиционной моногамии» [5]. Институт брака и семьи сохраняется, но постепенно видоизменяется в соответствии с новыми нормами и ценностями модернизма. Эта точка зрения подкрепляется данными как статистических, так и социологических исследований: официальный брак и семейные ценности не теряют значимости, в том числе среди молодых россиян⁵.

⁵ ВЦИОМ. Разводы в России: мониторинг // ВЦИОМ. 24.10.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 13.12.2024); ВЦИОМ. Традиционные ценности, современные цели // ВЦИОМ. 30.10.2023. URL:

По нашему мнению, можно выдвинуть два взаимоисключающих предположения относительно распространения неофициальных супружеских союзов и сожительства среди молодежи. Первое – современная молодежь характеризуется специфичными по сравнению с предшествующими поколениями ценностными ориентациями, которые находят отражение в ее брачных стратегиях. Второе предположение связано с тем, что со временем большинство молодёжных сожительства превращается в официальный брак. Если рассматривать первую причину, то доля нерегистрируемых браков должна сохраняться при переходе в следующие возрастные когорты в последующих массовых обследованиях. Если принять второе предположение, то наибольший вклад в нерегистрируемые союзы будут вносить только молодёжные когорты.

Рассмотрим, какое из приведенных объяснений подтверждается данными социальной статистики. Для этого проанализируем наиболее важные демографические показатели современного состояния института брака в России.

Демографические показатели современного состояния института брака

Динамика возрастных коэффициентов брачности, рассчитанных на 1000 населения соответствующей половозрастной структуры (рис. 1), позволяет заметить, что количество браков, заключённых в возрасте 18–24 лет, постепенно снижается.

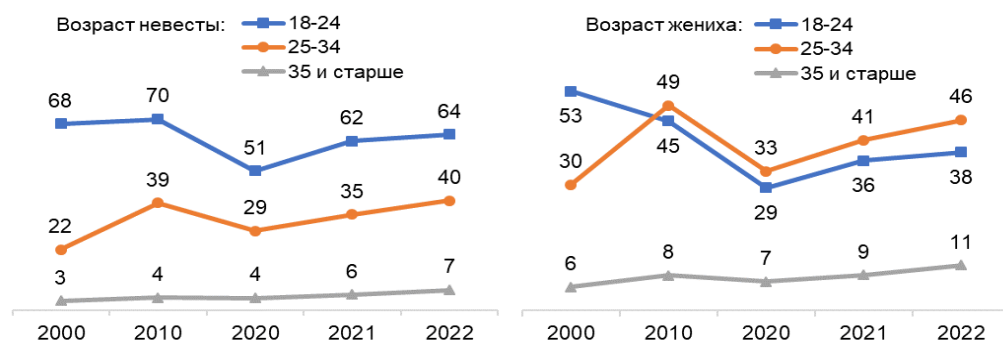

Рисунок 1. Динамика числа заключенных браков (на 1000 населения соответствующего пола и возраста), 2000–2022 гг.⁶

При сравнении с более ранними годами этот тренд становится еще более явным. Если в 1979–1990е гг. коэффициент брачности для данного возраста колебался на уровне 80–100 ‰ для мужчин и 90–120 ‰ для женщин, то начиная с 2000-х годов он снижается до 30–50 ‰ для мужчин и до 50–70 ‰ для женщин [9]. Причём мужчинам больше, чем женщинам, свойственно откладывать брак на более поздний период.

<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi> (дата обращения: 13.12.2024).

⁶ Рассчитано по: Росстат. Российский статистический ежегодник. 2023 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 20.05.2024). Численность и состав населения. Демография // Росстат. 18.06.2019. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.05.2024).

В целом брачность стала заметно «стареть». Возраст вступления в первый брак вырос по сравнению с советским периодом. Более того, пики возрастных коэффициентов не просто сдвинулись, а сгладились. Возраст вступления в первый брак, приходившийся на 18–19 лет для невест и 21–23 года для женихов, перестал быть статистически «концентрированным», и возрастные предпочтения в заключении первого брака дифференцировались.

Средний возраст вступления в первый брак на период 2018–2022 гг. для мужчин составляет 27,6 лет, для женщин – 25,0 лет⁷. Такое смещение связывают с увеличившимся периодом получения профессионального образования и поиском постоянного места работы.

Вероятно, это также связано с ростом популярности альтернативных браку союзов. За последние 4 года процент незарегистрированных браков вырос практически в два раза⁸ (рис. 2). При этом мужчины несколько чаще, чем женщины, указывают, что их брак не зарегистрирован. Здесь проявляется гендерная сторона вопроса: мужчины менее консервативны в отношении обязательности заключения брака, в то время как женщинам более важно, чтобы их брак был зарегистрирован [10; 11].

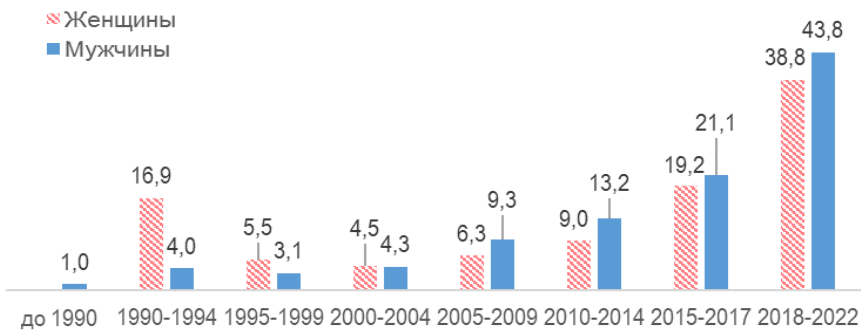

Рисунок 2. Доля незарегистрированных браков по году вступления в брак (% от состоящих в браке, зарегистрированном или нет)⁹

Если рассматривать возрастные аспекты неофициальных супружеских союзов, то можно заметить, что их доля особенно велика в возрастной группе до 25 лет (см. рис. 3). Далее количество неофициальных браков снижается, а официальных – растет.

Вероятно также, что на решение зарегистрировать брак или нет оказывает влияние рождение ребёнка. Согласно данным Росстата, если в незарегистрированном супружеском союзе нет планов, связанных с рождением ребёнка, то сохраняется до-

⁷ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения: 10.06.2024).

⁸ Не исключено, что такой скачок может быть связан с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19, в целом повлиявшей на демографические показатели брачности. Поэтому стоит учесть, что высокие показатели неофициальных браков могут быть аномалией, и рост их популярности может смениться снижением при дальнейших демографических observations.

⁹ Источник: Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения: 10.06.2024).

вольно высокая вероятность того, что брак так и не будет официально оформлен (рис. 4). Однако при условии ожидания рождения ребёнка вырастает доля тех, кто всё же хотел бы зарегистрировать брак до его рождения или после. Вместе с тем не собираются регистрировать брак даже в случае появления ребёнка каждый третий мужчина и каждая четвёртая женщина.

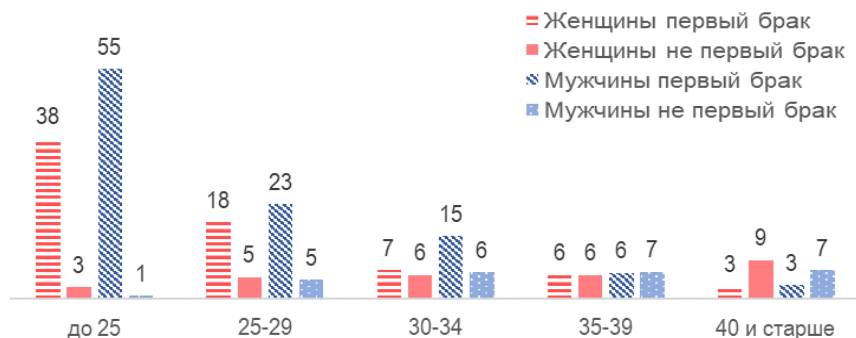

Рисунок 3. Доля состоящих в незарегистрированном браке в зависимости от возраста и очередности брака (% от состоящих в браке, зарегистрированном или нет), 2022г.¹⁰

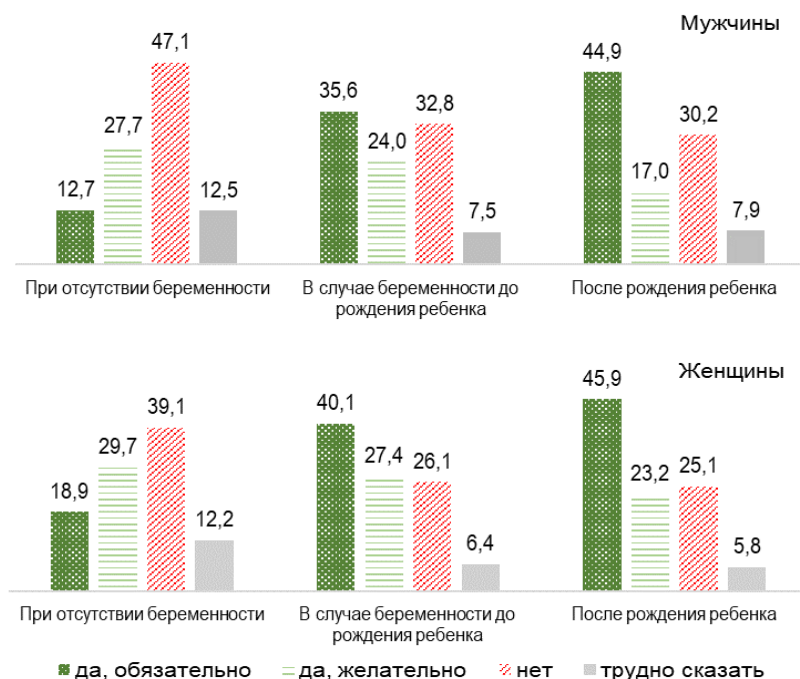

Рисунок 4. Намерение мужчин и женщин, состоящих в незарегистрированном браке, зарегистрировать его (%), 2022 г.¹¹

¹⁰ Источник: там же.

¹¹ Источник: там же.

В целом нельзя сказать, что сам институт брака ослабевает. С начала второго тысячелетия среди бракоспособного населения доля людей, никогда не состоявших в браке, не только не увеличивается, но даже несколько уменьшается (см. табл. 2).

Если перепись 2002 года фиксировала 25,1 % мужчин и 17,5 % женщин старше 16 лет, которые никогда не состояли в брачных отношениях, то в 2021 году эта доля снижается до 19,5 % и 13,1 % соответственно. Важно отметить, что доля тех, кто никогда не состоял в браке, более всего снизилась в возрастной когорте 18–24 лет: с 2010 года на 11,5 п.п. у мужчин и на 4,9 п.п. у женщин. К концу же репродуктивного периода в настоящем времени в браке (официальном или нет) ни разу не состояли 7,5 % мужчин и 6,3 % женщин.

Таблица 2

Доли мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке, 2002, 2010, 2021 гг., (%)¹²

Возрастные группы	2002		2010		2021	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Всего	25,1	17,5	24,4	16,7	19,5	13,1
18–24	80,7	63,0	79,7	62,6	68,2	57,7
25–34	26,2	16,6	30,1	20,0	29,9	18,5
35–44	8,4	5,9	10,4	7,9	12,6	8,8
45–54	4,7	4,4	5,1	4,5	7,5	6,3
55 и старше	2,0	4,2	2,2	3,6	3,6	3,7

Приведённые данные позволяют сделать вывод, что в России институт брака не переживает радикальных трансформаций. Статистически он по-прежнему сохраняет распространённость и остается формой супружеского союза для рождения детей. Вместе с тем стоит признать изменения некоторых социальных норм данного института. В частности, снижается доля ранних браков, и возраст заключения первого брака постепенно сдвигается к 25–27 годам. В целом нормированный возраст вступления в брачные отношения и создания семьи становится более гибким и подвижным. Кроме того, заметна тенденция распространения неформальных брачных союзов среди возрастной группы населения до 24 лет. Следует рассмотреть, с чем связана данная тенденция.

Факторы распространения сожительств

Как правило, распространенным среди населения является мнение, что выбор в пользу неофициального брака – это веяние моды, способ уйти от ответственности, проявление инфантильности и эгоизма. Неформальные супружеские союзы выбирают, потому что такая форма отношений, в отличие от законного брака, не требует

¹² Источники: Итоги ВПН-2002. Состояние в браке населения, число и состав домохозяйств. Рождаемость // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12> (дата обращения: 09.04.2024). Итоги ВПН-2010. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке // Росстат. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 09.04.2024). Итоги ВПН-2020. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 09.04.2024).

обязательств со стороны партнёров, даёт больше индивидуальной свободы и лёгкости в разрыве таких отношений [12; 13].

Существует несколько теорий, объясняющих распространение сожительств. Например, О. Г. Исупова выделяет теорию Второго демографического перехода и концепцию Паттерна неблагоприятных условий (POD, Pattern Of Disadvantage) [14].

Теория Второго демографического перехода связывает причины распространения сожительств с идеологическими изменениями, прежде всего снижением давления обязательности заключения брака и ориентацией на более «свободные», индивидуалистические, гендерно равные партнерские союзы. Согласно этому объяснению, сожительство более присуще людям с высоким уровнем дохода и образования, элите.

В свою очередь, согласно теории Паттерна неблагоприятных условий, в сожительствующие союзы вступают, напротив, люди с низким уровнем дохода и образования, т. е. наименее привлекательные на брачном рынке с точки зрения человеческого капитала. В данном случае сожительство для них играет роль альтернативы одиночеству.

Обе теории частично подтверждаются, но и вступают в противоречия друг с другом. Это можно объяснить многоаспектным характером феномена сожительства. Как пишет Е. В. Вовк: «незарегистрированным союзам действительно нельзя присвоить некий однозначный смысл и статус: очевидно, что сожительство 20-летних юноши и девушки – совсем не то же самое, что сожительство 45-летних мужчины и женщины, а сожительство никогда не состоявших в браке людей – качественно иная ситуация, чем сожительство имеющих опыт брачных отношений» [15].

Сожительства принимают разные формы, в зависимости от того, как рассматриваются самими людьми, находящимися в подобных партнерских союзах. Например, О. Г. Исупова выделяет сожительства как «пробный» брак, как альтернативу браку и как альтернативу одиночеству [14]. Л. Л. Шпаковская, исследуя молодую когорту городского среднего класса, также выделила три типа партнёрских союзов: как аналог брака, как альтернатива браку и как подготовка к нему [16].

Сожительство как аналог брака по смысловому содержанию не отличается для партнёров от официального брака. Зачастую к таким союзам относятся пары с детьми. Совместное проживание начинается именно с рождения ребёнка. Ввиду хлопот по уходу за ребенком и его воспитанию регистрация брака сначала откладывается, а в дальнейшем вовсе не рассматривается партнёрами как нечто способное изменить их статус или дать какие-либо преимущества. Матери могут без препятствий установить отцовство и получать те же пособия и льготы, что и в зарегистрированном браке.

Партнёрство как альтернатива браку больше всего свойственно самой молодой прослойке когорты (21–25 лет), не имеющей длительного опыта совместного проживания (менее двух лет). В этом типе сожительство используется парой как способ создать свое автономное пространство (обустроивая собственное жильё), что даёт им возможность констатировать свою независимость (от родителей) и общность «мы». Представители этого типа партнёрств не рассматривают себя как супружескую пару или даже отрицают брак. Им скорее важно качество отношений, а также

возможность без материальных или моральных издержек прекратить такие отношения в случае неудовлетворённости ими.

Сожительство как подготовка к браку чаще всего практикуется среди более старших представителей молодежи 26–32 лет, проживающих совместно более двух лет. Граница между официальным браком и сожительством в данном случае становится размытой. Партнёры, намеренные заключить брак и использующие сожительство в качестве подготовки к нему, считают, что их отношения не отличаются от отношений супругов и не изменятся после официальной регистрации. Данный тип партнёрств выступает способом «тестирования» потенциального супруга, подготовки к семейным ролям. А стимулом к заключению брака становится рождение ребёнка, так как сожительство рассматривается как непригодное для этого.

Именно последний тип – сожительство как этап подготовки к браку – лёг в основу гипотезы нашего исследования о распространённости нормы добрачного совместного проживания среди младшей группы молодежи. Для того, чтобы проверить гипотезу, важно рассмотреть, какой смысл молодые люди вкладывают в эту форму отношений.

Роль сожительства в брачных стратегиях: взгляд молодёжи

С целью описания распространённых стереотипов поведения молодёжи в области брачных стратегий проведено исследование с использованием метода анкетного опроса среди жителей г. Ярославля в возрасте 18–24 лет. Выбор данной возрастной группы объясняется характерной для неё распространённостью сожительства¹³. Анкетирование проводилось среди респондентов, не состоящих на данный момент в браке (официальном или нет). Таким образом, выборка представлена теми, для кого брачные стратегии еще не реализованы до конца. Под брачными стратегиями понимается последовательность действий, добрачных практик, направленных на конечную цель – заключение брака. Таким образом, выборка является целевой (n=190), отобранной в соответствии с половозрастными квотами (табл. 3).

Таблица 3

Половозрастная структура выборки¹⁴

Показатель	18–19 лет		20–24 года	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
N	5146 чел.	4393 чел.	9342 чел.	7094 чел.
n	38 чел.	31 чел.	68 чел.	52 чел.
Доля	19,8 %	16,9 %	36 %	27,3 %

¹³ Итоги ВПН-2002. Состояние в браке населения, число и состав домохозяйств. Рождаемость // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12> (дата обращения: 09.04.2024). Итоги ВПН-2010. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке // Росстат. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 09.04.2024). Итоги ВПН-2020. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 09.04.2024).

¹⁴ Рассчитано по ВПН-2020 г.: данные по Ярославской области // Ярославльстат. 12.10.2020. URL: <https://76.rosstat.gov.ru/folder/54973> (дата обращения: 04.05.2024).

Исследование направлено на проверку двух основных гипотез:

1. Молодёжь выбирает свободные супружеские союзы не чаще, чем официальный брак, который сохраняет свою ценность.
2. Среди молодёжи закрепилось представление о норме совместного проживания как обязательном этапе добрачного поведения.

Для начала респонденты должны были выразить своё согласие или несогласие с предложенными высказываниями о сожительстве как альтернативной форме брака и о сожительстве как части добрачного поведения. В табл. 4 представлена часть суждений, результаты оценки которых являются наиболее показательными.

Таблица 4

Доли согласных/не согласных с нормативными суждениями¹⁵

Суждение	Согласен	Не согласен
Это нормально, когда неженатая пара живёт вместе, даже если они не планируют пожениться.	60,5	5,3
Не имеет значения, зарегистрирован брак или нет, если люди считают себя семьей.	46,3	18,5
В официальном браке супруги несут больше ответственности друг перед другом, чем те, кто проживает вместе без официальной регистрации.	53,1	21,6
Если люди любят друг друга и строят планы на совместную жизнь, они должны оформить свои отношения в ЗАГСе.	43,7	24,7
Прежде чем заключать брак, необходимо пожить вместе с будущим супругом(ой), чтобы узнать его (её) лучше и испытать отношения на прочность.	76,3	8,9
Съезжаться и жить вместе можно только после регистрации брака.	17,4	62,6

Данные позволяют сделать вывод о том, что респонденты не просто не отрицают норму совместного проживания с потенциальным брачным партнёром, но и считают её обязательным этапом перед заключением брака – 76,3 %. Однако такая форма отношений ещё не рассматривается как полноценный аналог традиционного супружества. Всё же в официальном браке усматривается больше ответственности. Кроме того, он ассоциируется с типичным жизненным сценарием.

Вместе с тем нормативные взгляды молодёжи на сожительства неоднородны. С помощью иерархической кластеризации методом Варда¹⁶ на основании анализа степени согласия с нормативными суждениями о сожительствах удалось выделить как минимум три группы респондентов, демонстрирующие разные установки относительно внебрачного сожительства.

¹⁵ Исключены доли затрудняющихся ответить.

¹⁶ Данные для кластерного анализа были взяты из блока вопросов о нормативных представлениях респондентов о сожительстве. Респонденты должны были выразить свое согласие с каждым предложением, используя следующую шкалу: «полностью согласен»; «согласен»; «и да, и нет»; «не согласен»; «совсем не согласен». Каждому варианту ответа присваивается балл от 1 до 5 в зависимости от направленности предложенных формулировок. За ответ «полностью согласен» с суждениями, сформулированными в пользу сожительства, дается 5 баллов, за ответ «совсем не согласен» – 1 балл. В случае суждений, сформулированных против сожительства, баллы присваиваются наоборот: «полностью согласен» – 1 балл, «совсем не согласен» – 5 баллов.

В первую вошли респонденты с наиболее «прогрессивными» взглядами на семью и брак (22,1 %). Они толерантны к внебрачным сожительствам, готовы отождествлять их с традиционными семейными отношениями, не считают, что романтические отношения обязательно должны приводить к браку, считают свадьбу и регистрацию брака нормами, уходящими в прошлое. Также они являются абсолютными сторонниками добрых сожительств.

Вторая группа – «толерантно-традиционные» (41,6 %). Это те респонденты, которые толерантно относятся к сожительствам, однако предпочтение отдают официальному браку.

Третья группа – респонденты с «амбивалентными» взглядами (36,3 %). Чаще всего они не готовы однозначно принять или отвергнуть норму сожительства. По сравнению с остальными они менее толерантны к внебрачным сожительствам, но не являются слишком «консервативными». Вероятнее всего, склонны менять свою точку зрения в зависимости от конкретной ситуации.

Также участники исследования должны были ответить на ряд вопросов, касающихся их планов относительно создания семьи и заключения брака. Так, на вопрос: «Какой вариант суждений ниже больше всего описывает Ваши планы относительно создания семьи?» – было получено следующее распределение ответов. Подавляющее большинство – 92,6 % – хотели бы создать семью в будущем. Из них 61,6 % предпочли бы отложить этот шаг на более поздний срок и пока редко задумываются об этом, а 31,0 % – планируют создание собственной семьи в ближайшем будущем. Ещё 7,4 % хотели бы остаться свободными от «семейных уз». Сравнительно наибольшая доля не планирующих создание семьи встречается в кластере респондентов с прогрессивными взглядами – 14,3 %. Однако подавляющая часть таких респондентов все же хотела бы иметь собственную семью, но в отдаленной перспективе – 78,6 %.

Тем, кто планирует создание семьи, задан вопрос: «Лично для себя Вы хотели бы, чтобы Ваш брак был официально зарегистрирован или регистрация не имеет для Вас значения?». Большинству опрошенных важно, чтобы их брак был официально зарегистрирован – 64,2 %. Для более четверти опрошенных регистрация брака не имеет значения – 27,3 %. Совсем незначительна доля тех, кто принципиально не собирается регистрировать брак, – 1,7 %. И ещё 6,8 % затруднились с ответом. Ожидается, респонденты из «прогрессивного» кластера сравнительно чаще других указывают на то, что не хотели бы регистрировать брак, – 8,3 %. Однако в большинстве случаев отмечают, что регистрация либо не имеет для них значения – 47,2 %, либо обязательна – 44,4 %. В то время как респонденты из кластера «толерантно-традиционных» и «амбивалентных» взглядов на сожительство более склонны к утверждению о том, что их брак должен быть официальным: 89,6 % и 60,7 % соответственно.

Что касается возраста вступления в брак, то результаты исследования показали, что минимальный приемлемый порог для создания семьи – 21–25 лет. При этом девушки склонны к планированию брака в более раннем возрасте по сравнению с молодыми людьми. Предпочтительный возраст заключения брака для женщин в среднем – 24,7 года, а для мужчин – 27,2 года. В данном случае необходимо различать, что речь идет именно о желаемом возрасте, а не о фактическом. Результаты стоит интерпретировать с точки зрения жизненных планов респондентов, нежели прогнозов каких-либо демографических тенденций.

Можно предположить, что для современной молодёжи важно достичь определённого статуса, социальных ролей или других показателей успеха, прежде чем вступать в брачные отношения. Если в поздней советской модели демографического поведения молодые люди стремились обрести одновременно как можно больше социальных статусов в семейной, образовательной, карьерной сферах за достаточно короткий промежуток времени, то в современной ситуации модель демографического поведения меняется. В прошлом раннее получение брачно-семейного статуса давало определённые привилегии. Однако в современном обществе раннее начало семейной жизни тормозит рост образования, повышение квалификационного уровня и миграционной мобильности, расширяет сферу бедности [1]. По этой причине постепенно возникает тенденция откладывать вступление в брак в пользу получения образования, стабильного дохода, собственного жилья и пр.

Так, в ходе исследования установлено, что молодые люди до заключения брака хотели бы в первую очередь получить работу с хорошим доходом – 75%, иметь собственное жильё – 69,3 % и получить образование – 53,4 %. Чуть менее важно приобрести автомобиль – 38,6 %. И лишь каждый двадцатый не имеет никаких притязаний – 5,1 %. В отношении будущего супруга(и) респондентам хотелось бы, чтобы те также имели работу с хорошим доходом – 77,3 %, завершили образование – 52,3 %, имели собственное жильё – 44,3 % и машину – 29,0 %. Только 7,4 % не важен ни один из перечисленных пунктов.

На наш взгляд, результаты показывают существование противоречий у определенной части респондентов. Несмотря на предпочтение создания семьи в достаточно молодом возрасте, многие предполагают, что сами (или потенциальный партнер) к этому моменту будут обладать достаточным уровнем социальных и материальных благ. Это позволяет судить о высоком уровне ожиданий, связанных с брачными планами. Вероятно, с подобными завышенными ожиданиями и сопряжена популярность мнения о необходимости практики добрачных сожительств. Без возможности вступить в брак за неимением достигнутых условий многие предпочитают совместное проживание в форме «квази-брака», который похож на традиционные брачные отношения, но, по сути, не является таковым. Вероятно также, что именно в процессе добрачных сожительств многими молодыми людьми предполагается достижение тех необходимых благ, которые сделают брак в дальнейшем наиболее соответствующим построенным планам и ожиданиям.

Перейдем непосредственно к вопросу предпочтения сожительств как этапа добрачного поведения. Из тех респондентов, кто планирует вступить в брак в будущем, 74,4 % хотели бы сначала пожить с будущим(ей) супругом(ой) без регистрации брака; 19,9 % рассматривают для себя приемлемым вариантом съехаться и жить вместе только после свадьбы; 5,7 % затруднились ответить. Результаты исследования ещё раз подтверждают тезис об укоренённости в молодёжной среде нормы совместного проживания до брака.

Те, кто предпочел бы совместное проживание до брака, мотивируют своё желание тем, что это позволит им лучше узнать характер, привычки и прочие особенности потенциального(ой) супруга(и) – 87 %, позволит испытать чувства, проверить совместимость с ним – 79,4 % и узнать, как партнер справляется с бытовыми обязанностями – 61,1 %. Наименее важна таким респондентам финансовая выгода – 6,9 %.

В свою очередь, те, кто не хотел бы съезжаться с потенциальным брачным партнером до свадьбы, мотивируют свою позицию тем, что добрачное сожительство не соответствует их религиозным или этическим взглядам – 91,4 %; тем, что такое сожительство может растянуться и так и не закончиться браком, – 60 %; тем, что не хотели бы выполнять роль «мужа/жены» вне официального брака – 17,1 %.

Большинство опрошенных не ожидают, что период добрачного сожительства окажется продолжительным. Так, 28,4 % опрошенных предпочли бы прожить совместно с будущим брачным партнёром, прежде чем принять решение о регистрации брака, «от одного года до двух лет», 15,8 % – «от полугода до года», 11,1 % – «более двух лет», 6,3 % – «менее года» и 7,4 % – затруднились ответить. В среднем желаемая продолжительность добрачного сожительства равна 16,3 месяца, то есть менее полутора лет.

В анкету включен блок вопросов, направленных на выявление и описание уже имеющегося опыта сожительства у респондентов. Установлено, что реальный опыт добрачного сожительства отличается от ожиданий респондентов. Результаты показали, что чуть более чем у половины опрошенных имеется опыт совместного проживания с романтическим партнером – 58 %. Из них 32 % живут вместе в настоящий момент, а 26 % – имели такой опыт ранее. Из тех, кто имеет опыт совместного проживания с романтическим партнёром, 40 % скорее планировали в дальнейшем вступить с ним брак; 41,8 % – не планировали свадьбу в будущем и 18,2 % затруднились дать определенный ответ.

Среди причин, повлиявших на решение о совместном проживании, респонденты отмечали желание проверить отношения – 58,2 %; лучше узнать партнёра – 47,3 %; проводить с ним больше времени – 40 %. Больше трети опрошенных (36,4 %) отметили, что совместное проживание было выгодно с финансовой точки зрения. Только 12,7 % съехались, потому что планировали свадьбу.

Совместное проживание у большинства опрошенных длилось от полугода до года – 54,5 %. Вариант менее полугода отметили 17,3 %, от года до двух лет – 20 % и более двух лет – 8,2 %. В среднем же молодёжные сожительства длятся около 11,7 месяца или чуть менее года. С учётом того, что целевая выборка состояла исключительно из незамужних и неженатых молодых людей, можно судить о том, что в среднем около года совместного проживания паре хватает для того, чтобы принять решение либо о браке, либо о расставании.

Таким образом, представляется возможным сравнить распространенные представления респондентов о добрачном сожительстве с фактическим опытом такого сожительства. Например, совпадают ли предполагаемые и реальные мотивы сожительства, связанные с возможностью ближе узнать партнёра и проверить чувства. Однако финансовая выгода гораздо чаще становится фактическим мотивом, чем предполагают респонденты (36,4 % против 6,9 %).

Кроме того, установлено, что добрачное сожительство приобрело характер нормы в сознании молодежи. При этом, исходя из данных, описывающих реальный опыт совместного проживания респондентов, немногие из них при принятии решения о сожительстве настроены серьезно в отношении совместных с партнёром планов. Так, только 40 % считали, что поженятся в будущем, и только 12,7 % съехались, потому что готовились к свадьбе.

Таким образом, сожительство стоит рассматривать как этап не столько брачного поведения, сколько романтических отношений. Совместное проживание

пары не говорит о высокой вероятности заключения брака в дальнейшем (хотя эта гипотеза требует отдельной проверки). При этом с определённой долей вероятности можно судить о сожительстве как о новом инструменте брачного отбора, поскольку совместное проживание часто рассматривается молодыми людьми как способ проверки чувств, совместимости пары и возможности узнать больше о личности партнёра.

Выводы

Подводя итоги проведенного исследования, можем сделать вывод о подтверждении обеих выдвинутых гипотез.

Во-первых, традиционный институт брака среди молодежи 18–24 лет по-прежнему сохраняет ценность. В связи с этим было бы преждевременно говорить о коренных изменениях в брачном поведении молодежи в пользу альтернативных супружеских союзов. Хотя они не вызывают негативного отношения, большинство респондентов выбирают для себя заключение официального брака.

Во-вторых, в сознании молодёжи укоренилось представление о совместном проживании как обязательном этапе добрачного поведения. Чаще всего сожительство рассматривается как способ проверить чувства и лучше узнать партнёра. При этом немногие из тех, кто проживает совместно с партнером, точно планируют в дальнейшем вступить с ним в брак. В связи с этим сожительство можно трактовать либо как этап романтических отношений, либо как инструмент брачного отбора, нежели альтернативу официальному браку.

В жизненном сценарии респондентов заключение брака связано с высоким уровнем притязаний в области дохода и собственного жилья. Вероятно, по этой причине всё более закрепляется норма добрачного сожительства. Брак откладывается до тех пор, пока не будет достигнут ожидаемый уровень достатка и прочих материальных благ. Более того, молодежь может использовать период добрачного сожительства для достижения материальных и социальных благ, которые сделают брак в дальнейшем наиболее соответствующим построенным планам и ожиданиям. Однако описанная сторона добрачного сожительства требует дальнейшего изучения с использованием качественных методов социологического исследования.

Таким образом, при формировании молодёжной и семейной политики необходимо обращать внимание не столько на пропаганду ценностей традиционной семьи и брака среди молодёжи (т. к. она остается значимой), сколько на разработку методов более обширной помощи молодым семьям – материальной и жилищной. Более того, как полагает генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения В. В. Федоров, «гражданский брак» – это устоявшаяся привычка, запрет которой нецелесообразен. Традиционные ценности важно культивировать, но делать это деликатно, иначе радикальные шаги вызовут недовольство среди населения и «дискредитируют традиционные ценности» [17].

При этом стоит учитывать, что внебрачное сожительство, практикуемое молодыми людьми, не является проявлением кризиса института семьи. Оно становится новой нормой добрачной стратегии, своеобразным этапом ухаживания, а не замещает традиционные брачные отношения. Необходимо работать с ожиданиями молодых людей в отношении их семейных планов, поскольку зачастую планирование брака и семьи тесно связано с достижением определённого уровня мате-

риального положения, профессионального и образовательного статуса, наличием отдельной жилой площади.

Ссылки

1. Захаров С. В., Митрофанова Е. С. Российская молодёжь в брачно-семейном интерьере // Демоскоп Weekly. 2014. № 619–620. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0619/tema01.php#_ftn1 (дата обращения: 25.04.2024).
2. Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. № 1. С. 95–113.
3. Антонов А. И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // Семья и социально-демографические исследования. Научный интернет-журнал. 2014. № 1. URL: <https://web.archive.org/web/20160314040623/http://demographia.net/journal/2014-04/antonov> (дата обращения: 29.03.2024).
4. Антонов А. И., Борисов В. А. Кризис семьи и пути его преодоления: Науч. докл. / Ин-т социологии АН СССР, Сектор социал. пробл. семьи. М.: ИС, 1990. 36 с.
5. Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1 (285). С. 1–24. URL: https://www.isras.ru/socis_2008_1.html. (дата обращения: 01.04.2024).
6. Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. № 1. С. 31–54.
7. Гурко Т. А. Эволюция и трансформация института брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 58–69.
8. Вишневский А. Г. Демографический переход и проблема демографического саморегулирования. Ответ А. Б. Синельникову // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 93–104.
9. Захаров С. В. Куда движется супружество в России // Демоскоп Weekly. 2014. № 545–546. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema02.php> (дата обращения: 22.05.2024).
10. Калачикова О. Н., Груздева М. А. Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (на материалах социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 64–76.
11. Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Князькова Е. А. Образ благополучной семьи глазами жителей российских регионов: социологический анализ // Социальное пространство. 2021. Том 7. № 4. С. 1–16.
12. Баранова Г. В. Парадоксы и противоречия семейных отношений в трансформирующемся обществе // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. С. 86–96.
13. Сукнева С. А., Барашкова А. С. Феномен сожительства в северном регионе: масштабы, причины и демографические последствия // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 97–110.
14. Исупова О. Г. «Мы просто живем вместе» // Демоскоп Weekly. 2013. № 665–666. С. 14–15. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0565/demoscope565.pdf> (дата обращения: 08.04.2024).
15. Вовк Е. В. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? (Часть 2) // Базы данных ФОМ URL: https://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number1_05/gur050205/printable/ (дата обращения: 08.04.2024).
16. Шпаковская Л. Л. Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezaregistririvannye-soyuzy-brachnye-strategii-molodyh-predstaviteley-gorodskogo-srednego-klassa> (дата обращения: 16.06.2023).
17. Что дальше? Прямой разговор // РБК: онлайн. 20.12.2024. Время воспроизведения: 00:12:00–00:13:22. URL: <https://tv.rbc.ru/archive/dalshe/676576cc2ae5966e329010a9> (дата обращения: 21.12.2024).

The experience of preparation for retirement in the modern pensioners' attitudes

I. Y. Kiselev¹, E. V. Mikhailova¹, A. G. Smirnova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-74-87

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of the authors' sociological research aimed at studying the attitudes of pensioners, regarding the preparation for retirement and the factors determining the formation of such attitudes. Primary empirical data were collected using the method of personal formalized interviews using a structured questionnaire (n=340). The respondents were pensioners: women aged 58–92 and men aged 63–87. Five attitudes, regarding the preparation for retirement, were described. It was determined that the relative majority of respondents (34.8 %) shared and implemented in their lives the attitude to preparation for retirement, that is, they were convinced that there was no sense to prepare for retirement in advance and did not take any action in this direction. The opposite attitude, which implied confidence in the expediency of the preparation for retirement and specific actions to prepare for it, was implemented by 25.7 % of the surveyed pensioners. It is concluded that the respondents' choice of attitude towards the preparation for retirement is not directly related to the respondents' socio-demographic characteristics (gender, marital status, presence of children, respondent's household structure, level of education), but depends on the pensioners' ideas about life in retirement. The attitude towards the preparation for retirement is shared predominantly by pensioners who construct a positive lifestyle in retirement. This image is more often formed by pensioners who have satisfactory and good health and an average and high levels of financial situation.

Keywords: preparation for retirement; attitude; lifestyle in retirement; pensioners; health condition; financial situation

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kiselev, Igor Y. | E-mail: igkisselev@mail.ru
ORCID iD: 0000-0003-1152-4558
D. Sc. (Sociology), Professor

Mikhailova, Elena V. | E-mail: nmev649@mail.ru
ORCID iD: 0000-0001-7123-6393
Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor

Smirnova, Anna G. | E-mail: Agsmirnova2001@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-5614-4228
Cand. Sc. (Politics), Associate Professor

For citation: Kiselev I. Y., Mikhailova E. V., Smirnova A. G. The experience of preparation for retirement in the modern pensioners' attitudes // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2025. Vol. 11, No. 1. P. 74-87. (in Russ.)

Опыт подготовки к выходу на пенсию в установках современных пенсионеров

И. Ю. Киселев¹, Е. В. Михайлова¹, А. Г. Смирнова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-74-87
УДК 316.346.32-053.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты авторского социологического исследования, направленного на изучение установок пенсионеров относительно подготовки к выходу на пенсию и факторов, определяющих формирование подобных установок. Сбор первичных эмпирических данных проведен методом личного формализованного интервью по структурированному опроснику (n=340). Респондентами выступили пенсионеры: женщины 58–92 лет и мужчины 63–87 лет. Описано пять установок относительно подготовки к выходу на пенсию. Определено, что примерно треть респондентов (34,8 %) разделяют и реализовали в своей жизни установку на отсутствие подготовки к выходу на пенсию, то есть убеждены, что нет смысла готовиться к пенсии заранее, и не предпринимали никаких действий в этом направлении. Противоположную установку, предполагающую уверенность в целесообразности подготовки к пенсии и конкретные действия по подготовке к ней, реализовали 25,7 % опрошенных пенсионеров. Сделан вывод, что выбор респондентами установки относительно подготовки к выходу на пенсию не связан напрямую с социально-демографическими характеристиками респондентов (пол, брачный статус, наличие детей, структура домохозяйства респондента, уровень образования), но зависит от представлений пенсионеров о жизни на пенсии. Установка на подготовку к выходу на пенсию разделяют преимущественно пенсионеры, конструирующие позитивный образ жизни на пенсии. Такой образ чаще формируется у пенсионеров, имеющих удовлетворительное и хорошее состояние здоровья и средний и высокий уровень материального положения.

Ключевые слова: подготовка к выходу на пенсию; установка; образ жизни на пенсии; пенсионеры; состояние здоровья; материальное положение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселев, Игорь Юрьевич	E-mail: igkisselev@mail.ru ORCID iD: 0000-0003-1152-4558 Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии
Михайлова, Елена Валерьевна	E-mail: nmev649@mail.ru ORCID iD: 0000-0001-7123-6393 Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии
Смирнова, Анна Геннадьевна	E-mail: Agsmirnova2001@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-5614-4228 Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии

Для цитирования: Киселев И. Ю., Михайлова Е. В., Смирнова А. Г. Опыт подготовки к выходу на пенсию в установках современных пенсионеров // Социальные и гуманитарные знания. 2025. Том 11, № 1. С. 74–87.

В стареющем обществе выход на пенсию является ожидаемым событием для многих тысяч граждан. По данным Федеральной службы государственной статистики, в России на 01 января 2024 года общая численность пенсионеров составила 41075 тыс. человек. При этом на тысячу человек населения в нашей стране 281 человек – пенсионеры¹. В Ярославской области наблюдается похожая ситуация: на 01 января 2023 г. в регионе проживало 322,9 тыс. пенсионеров, или 27 % от всего населения региона².

Выход на пенсию в России характеризуется двумя противоположными тенденциями.

С одной стороны, выход на пенсию – нормативное событие [1, с. 127]. Как отмечают Г. С. Никифоров, Н. Е. Водопьянова, О. О. Гофман, «пенсионный возраст устанавливается на основе экономических, профессиональных и демографических факторов, привязывается к календарному возрасту и утверждается законодательством государства» [2, с. 87]. Согласно приведенному определению, каждый человек точно знает, в каком возрасте он станет пенсионером.

С другой стороны, еще советские социологи в 1970–1980-е годы описали целый ряд проблем, с которыми люди старшего возраста сталкиваются во время выхода на пенсию [3]. В этот период человек переживает изменения в жизни, которые носят характер утраты. Пенсионер перестает работать, сокращаются доходы, изменяется круг общения, меняется распорядок дня. Подобные изменения могут сопровождаться подавленным эмоциональным состоянием, депрессиями [2, с. 92], ухудшением здоровья. В советской социологии появился специальный термин, описывающий подобное состояние пенсионеров, – «пенсионная болезнь» [3, с. 75]. Современные ученые полагают, что человек, вышедший на пенсию, всегда в той или иной степени проходит кризисный период, который требует адаптации [4; 5].

Отмеченное противоречие обуславливает существование противоположных рекомендаций относительно подготовки к данному периоду жизни. Рассмотрение выхода на пенсию как нормативного события предполагает, что специальная подготовка к этому этапу жизни не требуется или она может иметь такой же «нормативно-обусловленный характер» [2, с. 86] и предполагать консультирование по вопросам начисления пенсионных выплат, льгот для пенсионеров.

В свою очередь, понимание выхода на пенсию как кризисного периода в жизни человека, который требует адаптации, предполагает прохождение определенной подготовки. Так, К. Будини, анализируя вопросы активного старения, приходит к выводу о важности готовности человека «адаптироваться к возрастным изменениям» [6, с. 72], сопровождающим выход на пенсию. При этом эксперты подчеркивают, что подготовка должна охватывать разные возрастные группы, которые, возможно, еще даже не задумываются о выходе на пенсию [7]. Кроме того, она должна иметь комплексный характер и затрагивать разные стороны жизни пенсионера.

Обзор практик подготовки к выходу на пенсию в разных странах мира позволяет назвать такие направления, как формирование здорового образа жизни, финан-

¹ Общая численность пенсионеров в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. 2024. 11 сентября. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FSP_2.1.xlsx&wdOrigin=ROWSELINK (дата обращения: 31.12.2024).

² Пенсионеры Ярославской области // Ярославльстат. 2023. 29 сентября. URL: <https://76.rosstat.gov.ru/Infographics/document/218999> (дата обращения: 31.12.2024).

совое планирование, подготовка к продолжению трудовой деятельности через повышение квалификации или прохождение профессиональной переподготовки [8]. Подчеркивается важность «приобретать привычку к физической и социокультурной активности» [6, с. 7]. С целью организации досуга после выхода на пенсию важно до наступления пенсионного возраста собрать информацию о возможных досуговых практиках, волонтерской деятельности [там же, с. 72–73]. При этом целям подготовки к выходу на пенсию и адаптации к жизни в этот период должна способствовать герагогика – наука об обучении пожилых людей. Ее практическое применение направлено на «повышение конкурентоспособности работников старшего возраста, подготовку к пенсии, обучение навыкам здорового образа жизни, помощь в осмыслении возраста и формирование творческого подхода к жизни, образование в области новых информационных технологий, межпоколенческое обучение» [9, с. 144].

Можем предположить, что противоречие между нормативным и адаптационным подходом к пониманию выхода на пенсию затрагивает также и понимание процесса подготовки к этому этапу жизни представителями экспертного сообщества и обычными россиянами. В то время как ученые рассматривают подготовку к выходу на пенсию в качестве неотъемлемого этапа пенсионного перехода, то мнения будущих пенсионеров на этот счет разнятся [10; 11; 12; 13].

В связи с этим актуальным представляется анализ мнения респондентов, которые уже достигли пенсионного возраста, относительно необходимости готовиться к выходу на пенсию и основных направлениях подготовки.

Методика исследования

С целью выявления представлений пенсионеров о выходе на пенсию сотрудниками кафедры социологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова в период с 06 по 19 июля 2024 года проведено социологическое исследование методом личного формализованного интервью по структурированному опроснику. В качестве респондентов выступили пенсионеры: 157 женщин в возрасте 58–74 лет, 40 женщин – 75 лет и старше; 103 мужчины в возрасте 58–74 лет и 40 мужчин – 75 лет и старше.

В ходе интервью респондентам заданы вопросы о том, имеет ли смысл готовиться к выходу на пенсию заранее; готовились ли они сами к выходу на пенсию, за сколько лет начали подготовку и что конкретно предприняли. Кроме того, на основе имеющегося жизненного опыта респондентам-пенсионерам предлагалось назвать шаги, которые они предприняли бы сейчас для подготовки к выходу на пенсию. Отдельный блок вопросов направлен на выявление опасений респондентов, связанных с выходом на пенсию, и оценку того, насколько реализовались эти опасения. Заданы вопросы о поле и возрасте респондентов, уровне их образования, брачном статусе, структуре их семьи, в том числе наличии детей, а также о структуре домохозяйства, в котором они проживают. Респондентам предложено выбрать описание, которое соответствует их материальному положению.

Математико-статистическая обработка данных опроса проведена с помощью программы IBM SPSS Statistics 26. Проанализированы одномерные распределения и таблицы сопряженности с применением описательной статистики, критерия непараметрической статистики χ^2 Пирсона.

Установки пенсионеров относительно подготовки к выходу на пенсию

У нынешних пенсионеров нет единой точки зрения относительно того, нужно или нет готовиться к выходу на пенсию.

С целью выявления отношения к подготовке к выходу на пенсию респондентам задан вопрос: «Как Вы считаете, в России сейчас имеет или не имеет смысл готовиться к пенсии заранее?». Получено следующее распределение ответов: 51,2 % опрошенных полагают, что каждый человек должен предпринимать усилия для подготовки к выходу на пенсию; 40,3 % убеждены, что нет никакого смысла готовиться к пенсии заранее; у 8,5 % опрошенных нет определенного мнения по данному вопросу. Различия статистически значимые: $\chi^2_{(df=2)} = 100,171$; $p < 0,001$.

Вместе с тем только 33,0 % опрошенных отметили, что предпринимали какие-либо действия для подготовки к выходу на пенсию, в то время как 67,0 % респондентов ничего для этого не сделали. Различия статистически значимые: $\chi^2_{(df=1)} = 39,012$; $p < 0,001$.

Сочетание ответов на вопросы о необходимости подготовки и реализации действий в этом направлении позволили описать следующие группы респондентов, разделяющие особые установки относительно подготовки к выходу на пенсию. При этом установка относительно подготовки к выходу на пенсию понимается как «предрасположенность субъектов к совершению действий в профессионально-трудовой, финансовой, здоровьесберегающей и других сферах жизни, направленных на создание условий для жизни на пенсии, при предвосхищении данного этапа жизненного пути и конструировании образа жизни на пенсии» [10, с. 27].

В результате анализа всех возможных сочетаний ответов на два вопроса получено шесть установок (табл. 1).

Таблица 1

Классификация установок пенсионеров относительно подготовки к выходу на пенсию

Вопрос анкеты	Как Вы считаете, в России сейчас имеет или не имеет смысл готовиться к пенсии заранее?		
Можете ли Вы сказать о себе, что предпринимали какие-либо действия для подготовки к выходу на пенсию?	Нет никакого смысла готовиться заранее	Каждый человек должен предпринять усилия для подготовки к благополучной старости	Затрудняюсь ответить
Нет, ничего конкретного не предпринимал(а)	Реализованная установка на отсутствие подготовки	Нереализованная установка на подготовку	Латентная установка на отсутствие подготовки
Предпринимал(а) определенные усилия	Латентная установка на подготовку	Реализованная установка на подготовку	Латентная установка на подготовку

В дальнейшем группы укрупнены за счет объединения респондентов, имеющих латентную установку на подготовку к выходу на пенсию.

В результате можем описать пять групп респондентов, разделяющих разные установки относительно подготовки к выходу на пенсию.

Большинство составляют респонденты с *реализованной установкой на отсутствие подготовки к выходу на пенсию* (34,8 %). Они убеждены, что нет никакого смысла готовиться к пенсии заранее, и ничего не предпринимали, чтобы подготовиться к этому периоду жизни.

Вторую группу образуют респонденты с *реализованной установкой на подготовку к выходу на пенсию* (25,7 %). Они полагают, что к выходу на пенсию необходимо готовиться заранее, и предпринимали усилия по подготовке к выходу на пенсию.

В третью группу объединены респонденты с *нереализованной установкой на подготовку к выходу на пенсию* (25,4 %). Они согласны с тем, что подготовка к выходу на пенсию нужна, но ничего не сделали для этого.

К четвертой группе относятся респонденты с *латентной установкой на подготовку к выходу на пенсию* (7,4 %): они готовились к выходу на пенсию вопреки убеждению об отсутствии необходимости в такого рода действиях или на фоне отсутствия определенной точки зрения по этому поводу. В результате можем предположить, что у них имелась скрытая, возможно, даже не осознанная ими, но проявившаяся в поведении убежденность в том, что к выходу на пенсию нужно готовиться.

Пятую группу образуют респонденты с *латентной установкой на отсутствие подготовки к выходу на пенсию* (6,8 %). Пенсионеры не предпринимали усилия по подготовке к выходу на пенсию на фоне отсутствия определенных убеждений о необходимости такой подготовки.

Чем обусловлен выбор установок относительно подготовки к выходу на пенсию?

В ходе исследования сделан вывод об отсутствии статистически значимых различий в частоте выбора той или иной установки в зависимости от социально-демографических характеристик респондента, таких как пол, брачный статус, наличие детей и структура домохозяйства респондента, материальное положение.

Вместе с тем установки относительно подготовки к выходу на пенсию отличаются у респондентов разных возрастов: $\chi^2_{(df=12)} = 20,601$; $p = 0,057$ (табл. 2).

Сравнивая ответы женщин 58–74 лет и старше 75 лет, можем заметить, что для более молодых женщин в большей степени, чем для старших, характерна реализованная установка на подготовку к пенсии (28,2 и 17,5 % соответственно). Однако при этом первые чаще следуют и осознанному убеждению, что нет смысла готовиться к выходу на пенсию и не делают этого (41,0 и 27,5 %). В свою очередь, пенсионерки старше 75 лет почти в два раза чаще демонстрируют нерезализованную установку на подготовку к выходу на пенсию (35,0 и 19,9 % соответственно). Можем предположить, что женщины старшего возраста острее ощущают негативные последствия отсутствия подготовки к выходу на пенсию.

У пенсионеров-мужчин 63–74 лет чаще всего встречается нерезализованная установка относительно подготовки к выходу на пенсию (29,1 %). Далее по частоте появления следуют: реализованная установка на отсутствие подготовки (27,2 %) и реализованная установка на подготовку к выходу на пенсию (24,3 %). У мужчин старше 75 лет также доминируют три перечисленные установки. Однако у респондентов старшего возраста преобладает реализованная установка на отсутствие подготовки к выходу на пенсию (37,5 %).

**Распределение установок относительно подготовки к выходу на пенсию
у пенсионеров-мужчин и женщин разных возрастов, в %**

Установка	Пол			
	Женщины		Мужчины	
	58–74 года	75 лет и старше	63–74 года	75 лет и старше
Реализованная установка на подготовку	28,2	17,5	24,3	27,5
Реализованная установка на отсутствие подготовки	41,0	27,5	27,2	37,5
Нереализованная установка на подготовку	19,9	35,0	29,1	27,5
Латентная установка на подготовку	7,1	10,0	6,8	7,5
Латентная установка на отсутствие подготовки	3,8	10,0	12,6	0,0

Независимо от возраста доминирующей является реализованная установка на отказ от подготовки к пенсии. Она указывает на то, что выход на пенсию продолжает восприниматься как нормативное событие. На пенсию «выходят», и для осуществления этого события не требуются какие-то особые усилия. Вместе с тем важно обратить внимание, что у ряда групп на первый план выходит нереализованная установка на подготовку к выходу на пенсию, то есть респонденты убеждены, что подготовка нужна, но сами никаких действий не предпринимали. Наличие подобной установки может означать, что на фоне осознания необходимости подготовки к выходу на пенсию не всегда понятно, какие именно шаги нужно предпринять. В связи с этим особое значение приобретает фактор информированности о жизни на пенсии и подготовке к данному периоду. Об информированности косвенно можно судить по уровню образования респондентов.

Выявленные различия не дают основания рассматривать уровень образования респондентов в качестве значимого фактора, объясняющего выбор установки пенсионеров относительно подготовки к выходу на пенсию: $\chi^2_{(df=4)} = 8,325$; $p = 0,08$ (табл. 3).

Вместе с тем пенсионеры без высшего образования чаще, чем респонденты с высшим образованием, реализовали установку на отсутствие подготовки к выходу на пенсию (39,7 %). Для сравнения: 27,5 % респондентов с высшим образованием были склонны следовать подобной установке. В свою очередь, реализованная установка на подготовку чаще встречается у респондентов с высшим образованием (30,0 и 23,4 %). Сказанное справедливо и в отношении нереализованной установки на подготовку: она чаще присутствует у респондентов с высшим образованием (30,0 и 22,5 %), и латентной установки на подготовку (8,3 и 6,5 % соответственно).

Распределение установок относительно подготовки к выходу на пенсию у респондентов с разным уровнем образования, в %

Установка	Уровень образования	
	Без высшего образования	С высшим образованием
Реализованная установка на подготовку	23,4	30,0
Реализованная установка на отсутствие подготовки	39,7	27,5
Нереализованная установка на подготовку	22,5	30,0
Латентная установка на подготовку	6,5	8,3
Латентная установка на отсутствие подготовки	7,9	4,2

Таким образом, пенсионеры с высшим образованием чаще предпринимают конкретные действия по подготовке к выходу на пенсию. Вместе с тем они зачастую только декларируют необходимость подготовки. Можем предположить, что пенсионеры с высшим образованием формируют запрос на подготовку к выходу на пенсию, который не могли в полной мере удовлетворить, когда сами готовились к выходу на пенсию. Кроме того, подобный запрос мог сложиться на основе рефлексии опыта жизни на пенсии и осознания того, что подобная подготовка была необходима и, если бы им пришлось выходить на пенсию сейчас, они бы ее провели.

Определение установки относительно подготовки к выходу на пенсию как предрасположенности субъектов к деятельности, направленной на создании условий для жизни на пенсии, на основе представлений об этом периоде жизненного пути обуславливает важность рассмотрения выбора пенсионерами установок на подготовку в зависимости от того, какой они видят свою жизнь на пенсии.

Образ жизни на пенсии как фактор выбора установки относительно подготовки к выходу на пенсию

У нынешних пенсионеров сложился скорее положительный образ жизни на пенсии. С точки зрения большинства респондентов, жизнь современных российских пенсионеров можно охарактеризовать как вполне сносную, хотя и сопряженную с определенными проблемами (44,3 %). Как вполне благополучную жизнь пенсионеров оценивают 17,2 % опрошенных; как тяжелую и безрадостную – 19,9 %. При этом у 18,7 % нет однозначной оценки жизни на пенсии: они полагают, что жизнь в этот период у всех протекает по-разному. Различия статистики значимые: $\chi^2_{(df=3)} = 66,289$; $p < 0,001$.

Основные трудности, с которыми столкнулись респонденты в период жизни на пенсии, связаны со снижением доходов (66,2 %), ухудшением здоровья (40,4 %), сокращением круга общения (35,9 %), нарушением ритма жизни, распорядка дня

(34,5 %)³. Перечисленные трудности позволяют предположить, что оценки жизни на пенсии будут зависеть от субъективно оцениваемого материального положения респондентов, состояния здоровья, а также их положения на рынке труда.

Установлено, что оценки респондентами жизни на пенсии зависят от их субъективно оцениваемого *материального положения*⁴ (табл. 4). Различия статистически значимые: $\chi^2_{(df=6)} = 43,787$; $p < 0,001$.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «На ваш взгляд, как в целом можно оценить жизнь современных российских пенсионеров?» в зависимости от самооценки материального положения, в %

Оценки жизни на пенсии	Материальное положение		
	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Есть определенные проблемы, но в целом жизнь вполне сносная	32,7	48,1	36,8
Жизнь у пенсионеров вполне благополучная	5,5	18,7	21,1
Жизнь у пенсионеров тяжелая и безрадостная	50,9	14,9	10,5
Трудно сказать, у всех людей по-разному	10,9	18,3	31,6

Респонденты с низким уровнем материального положения чаще всего характеризуют жизнь пенсионеров как тяжелую и безрадостную (50,9 %). У респондентов со средним уровнем материального положения преобладают оценки жизни пенсионеров как вполне сносной, но подчас сопряженной с определенными проблемами (48,1 %). При этом они в четыре раза реже, чем респонденты с низким уровнем материального положения, описывают жизнь на пенсии как тяжелую и безрадостную (14,9 %). Респонденты с высоким уровнем материального положения еще реже описывают жизнь пенсионеров подобным образом (10,5 %). Они чаще, чем представители двух других групп, описывают жизнь пенсионеров как вполне благополучную (21,1 %). Однако в целом образ жизни на пенсии у респондентов с высоким уровнем материального положения может быть охарактеризован как амбивалентный: 36,8 % полагают, что в жизни пенсионеров есть определенные проблемы, но в це-

³ Респондентам задан полузакрытый вопрос «Что для Вас стало самым трудным после выхода на пенсию и прекращения работы?». Респонденты могли выбрать все подходящие варианты ответа, в связи с чем суммарно доли ответов превышают 100 %.

⁴ Респондентов просили оценить свое материальное положение, выбрав одно из следующих утверждений: 1. «Денег не хватает даже на питание». 2. «На питание денег хватает, но не хватает на одежду и обувь». 3. «На одежду и обувь хватает, но не хватает на крупную бытовую технику». 4. «На крупную бытовую технику хватает, но не можем купить новую машину». 5. «На новую машину денег хватает, но не можем купить квартиру или дом». 6. «Материальных затруднений не испытываем». Для дальнейшего анализа ответы были обобщены в три группы: респонденты, выбравшие утверждения 1 и 2, категоризированы как имеющие низкий уровень материального положения; 3 и 4 – средний уровень; 5 и 6 – высокий уровень материального положения.

лом вполне сносная, в то время как 31,6 % убеждены, что у всех людей жизнь на пенсии разная.

Оценка жизни на пенсии зависит от субъективно оцениваемого состояния здоровья⁵ пенсионеров. Различия статистически значимы: $\chi^2_{(df=6)} = 59,380$; $p < 0,001$ (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «На ваш взгляд, как в целом можно оценить жизнь современных российских пенсионеров?» в зависимости от субъективно оцениваемого состояния здоровья, в %

Оценки жизни на пенсии	Состояние здоровья		
	Плохое	Удовлетворительное	Хорошее
Есть определенные проблемы, но в целом жизнь вполне сносная	33,3	49,0	36,1
Жизнь у пенсионеров вполне благополучная	8,3	13,3	34,7
Жизнь у пенсионеров тяжелая и безрадостная	54,2	15,2	12,5
Трудно сказать, у всех людей по-разному	4,2	22,4	16,7

Большинство опрошенных пенсионеров оценивает состояние своего здоровья как удовлетворительное – 63,7 %; как плохое и очень плохое – 14,5 % опрошенных; хорошее и очень хорошее – 21,8 %.

Респонденты, которые оценивают состояние своего здоровья как очень плохое и плохое, чаще всего полагают, что жизнь у пенсионеров тяжелая и безрадостная (54,2 %). Вместе с тем 33,3 % рассматривают жизнь пенсионеров как вполне сносную, хотя и связанную с определенными проблемами. Респонденты, имеющие хорошее и очень хорошее здоровье, чаще всего оценивают жизнь пенсионеров как вполне сносную (36,1 %) и вполне благополучную (34,7 %). Лишь 12,5 % расценивают жизнь пенсионеров как тяжелую и безрадостную. У респондентов с удовлетворительным состоянием здоровья складывается амбивалентный образ жизни на пенсии: 49,0 % считают, что у пенсионеров есть определенные проблемы, но в целом жизнь вполне сносная; 22,4 % – жизнь у всех пенсионеров разная.

Оценки жизни на пенсии значимо не связаны со статусом занятости. Как работающие, так и не работающие на момент опроса пенсионеры полагают, что жизнь пенсионеров в целом сносная, несмотря на встречающиеся трудности (43,9 и 44,1 %).

⁵ Респондентам задан вопрос «Как бы Вы оценили состояние Вашего здоровья?» и предложены варианты ответа: 1. Очень плохое. 2. Плохое. 3. Удовлетворительное. 4. Хорошее. 5. Очень хорошее. Для анализа данных использовались укрупненные категории: варианты ответа 1 и 2 объединены в категорию «Плохое здоровье»; 4 и 5 – «Хорошее здоровье».

Однако при этом неработающие пенсионеры чаще, чем работающие, убеждены в том, что жизнь у пенсионеров вполне благополучная (19,4 и 12,5 % соответственно). В свою очередь, работающие пенсионеры чаще, чем неработающие, не дают однозначных оценок жизни на пенсии и полагают, что у всех людей этот период жизни складывается по-разному (24,1 и 15,8 %). Примерно каждый пятый респондент в обеих группах рассматривает жизнь на пенсии как тяжелую и безрадостную. Различия не достигают статистической значимости: $\chi^2_{(df=3)} = 4,894$; $p = 0,180$.

Описанное распределение ответов воспроизводится и среди респондентов, которые работали на пенсии, но не работают сейчас. Различия не достигают статистической значимости: $\chi^2_{(df=3)} = 0,395$; $p = 0,941$.

Таким образом, восприятие жизни на пенсии респондентами пенсионного возраста зависит от уровня материального положения и состояния здоровья. При этом оценки жизни на пенсии не отличаются у респондентов разного пола, возраста и семейного положения. Кроме того, оценки жизни на пенсии не зависят от того, с кем вместе они проживают (с супругом, с детьми или живут одни), а также от положения в сфере занятости.

Фактически оценки жизни на пенсии обусловлены тем, оправдались или нет те трудности, с которыми ожидали столкнуться будущие пенсионеры на новом этапе жизни и которые они надеялись преодолеть посредством соответствующей подготовки.

Так, среди респондентов, полагающих что жизнь у пенсионеров вполне благополучная, чаще всего встречается реализованная установка на подготовку к выходу на пенсию (42,1 %), то есть они полагают, что к выходу на пенсию стоит готовиться и сами проводили подобную подготовку (табл. 6). При этом в меньшей степени по сравнению с подгруппами с другими оценками для них характерна реализованная установка на отсутствие подготовки к пенсии (21,1 %).

В свою очередь, те, кто полагает, что жизнь пенсионеров тяжелая и безрадостная, чаще реализовали установку на отказ от подготовки к выходу на пенсию (44,1 %) и реже других групп – установку на подготовку к выходу на пенсию (19,1 %). Различия статистически значимые: $\chi^2_{(df=12)} = 21,041$; $p = 0,050$.

Описанные закономерности позволяют уточнить выводы о факторах выбора пенсионерами установки относительно подготовки к выходу на пенсию. Как было показано ранее, склонность следовать определенной установке не зависит от социально-демографических характеристик, в том числе материального положения пенсионера, а обусловлена образом жизни на пенсии, который конструирует респондент. При этом содержание самого образа определяется среди прочих факторов тем, как пенсионер оценивает свое материальное положение. Следовательно, влияние материального положения на выбор установки относительно подготовки к выходу на пенсию опосредовано влиянием другого фактора, а именно: представлениями о том, какова жизнь человека после выхода на заслуженный отдых.

Распределение установок относительно подготовки к выходу на пенсию у респондентов с разными оценками жизни на пенсии, в %

Установка	Оценки жизни на пенсии			
	Есть определенные проблемы, но жизнь вполне сносная	Жизнь вполне благополучная	Жизнь тяжелая и безрадостная	Трудно сказать, у всех людей по-разному
Реализованная установка на подготовку	19,0	42,1	19,1	35,5
Реализованная установка на отсутствие подготовки	34,0	26,3	44,1	33,9
Нереализованная установка на подготовку	31,3	21,1	23,5	16,1
Латентная установка на подготовку	8,8	3,5	7,4	8,1
Латентная установка на отсутствие подготовки	6,8	7,0	5,9	6,5

Страхи и ожидаемые трудности, связанные с выходом на пенсию, определяют основные направления подготовки к этому периоду жизни. В рамках подготовки к выходу на пенсию пенсионеры в основном сосредоточены на обеспечении финансового благополучия⁶ – делали сбережения (72,5 %). Кроме того, они стремились предотвратить появление больших расходов, когда доход сократится. В частности, среди направлений подготовки пенсионеры чаще всего называли: ремонт квартиры, дачи (45,0 %), закрытие кредитов (27,5 %), обновление дорогостоящих вещей в квартире, мебели, бытовой техники (27,5 %). Акцент на материальной стороне подготовки объясним: основной страх, который связан у пенсионеров с выходом на пенсию, – ухудшение материального положения.

Еще один страх, ассоциирующийся с выходом на пенсию, – потеря здоровья. Однако подготовку, позволяющую минимизировать негативные последствия в этой сфере, провели только 23,9 % опрошенных. В связи с этим, с учетом опыта жизни на пенсии⁷, респонденты полагают, что для подготовки к выходу на пенсию следует больше внимания уделять своему здоровью (53,3 %). Вторым по частоте упоминания следует намерение отложить больше средств для жизни на пенсии (46,7 %). Далее по частоте упоминания следуют: прохождение медицинского обследования, планового лечения (22,8 %), приобретение источника пассивного дохода (21,3 %).

⁶ Респондентам задан вопрос: «Что конкретно Вы предприняли для подготовки к выходу на пенсию?». Респонденты могли выбрать все подходящие варианты ответа или предложить свой.

⁷ Респондентам задан вопрос: «Если бы у Вас была возможность использовать свой нынешний жизненный опыт для заблаговременной подготовки к пенсии, что конкретно Вы бы предприняли?». Респонденты могли выбрать все подходящие варианты ответа или предложить свой.

Вместе с тем отметим, что с учетом жизненного опыта на пенсии, 11,8 % не стали бы ничего предпринимать для подготовки к данному периоду жизни.

Выводы

Подготовка к выходу на пенсию не является распространенной практикой среди нынешних пенсионеров. Вместе с тем респондентов, которые убеждены в необходимости готовиться к выходу на пенсию, почти в 1,5 раза больше, чем тех, кто предпринимал шаги по подготовке к этому периоду жизни.

Подобный «разрыв» можно объяснить тем, что пенсионеры делают вывод о необходимости готовиться к выходу на пенсию уже на основе имеющегося опыта пребывания на пенсии, когда предпринимать какие бы то ни было шаги уже поздно. Различия в распределении ответов могут быть связаны также с тем, что на фоне осознания необходимости подготовки к выходу на пенсию люди не знают, что можно (и нужно) было бы предпринять.

Оба объяснения указывают на значимость целенаправленной организованной работы по подготовке к выходу на пенсию. Основная задача подобной работы – продемонстрировать будущим пенсионерам направления подготовки к выходу на пенсию, снабдить их подробными инструкциями, например, в области финансового планирования будущей пенсии, проинформировать о возможностях для пожилых людей в области заботы о здоровье, организации досуга, продолжения образования.

Более выраженную установку на подготовку к выходу на пенсию разделяют пенсионеры, которые конструируют позитивный образ жизни на пенсии. Следует подчеркнуть, что положительная установка на подготовку к пенсии не является следствием того, что в период жизни на пенсии оправдались негативные ожидания и страхи, которые конструировали будущие пенсионеры. Скорее, имеет место обратная связь: положительные ожидания от жизни на пенсии мотивируют будущих пенсионеров осуществлять подготовку. Таким образом, подготовка к выходу на пенсию воспринимается не как средство избежать тех «потерь», которые могут возникнуть в связи со снижением доходов после прекращения трудовой деятельности, сокращения круга общения, изменения привычного образа жизни, а как способ перехода к новому этапу жизненного пути, который связан с новыми целями и возможностями.

Ссылки

1. Лемиш В. В. Подготовка к выходу на пенсию как элемент геронтокультуры // Омский научный вестник. 2015. № 4. С. 126-128. EDN UKTXSJ..

2. Никифоров Г. С., Водопьянова Н. Е., Гофман О. О. Постановка проблемы психологического обеспечения завершения профессионального пути: теоретический обзор // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 3. С. 86–103. EDN YMCQOT.

3. Здравомыслова Е. А. Позднесоветская социология о старости и гендере: были открыты // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 65–91. DOI 10.19181/inter.2021.13.3.3.

4. Краснова О. В. Выход на пенсию и идентичность женщин // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 35. DOI 10.54359/ps.v7i35.621.

5. Ахильгова М. Т. Выход на пенсию как проблема психологической рефлексии // Высшее образование сегодня. 2018. № 6. С. 61–63. DOI 10.25586/RNU.NET.18.06.P.61.

6. Евсеева Я. В. Будини К. «активное старение»: от пустой риторики к эффективному инструменту социальной политики. (реферат) // Успешное старение: Социологические и социогеронтологические концепции : Сборник научных трудов / Отв. редакторы Я.В. Евсеева, М.А. Ядова. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. С. 68-75. EDN NNAZAO.

7. Старшее поколение – ресурс будущего. Комплексный подход к активному долголетию: Экспертный доклад // Национальные проекты России: сайт. URL: https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/upload/starshee-pokolenie/doklad_starshee_pokolenie_new-3.pdf (дата обращения: 31.12.2024).

8. Евсеева Я. В. Международные перспективы в сфере образования пожилых людей / под ред. Б. Финдсена, М. Формозы. (реферат) // Успешное старение: Социологические и социогеронтологические концепции : Сборник научных трудов / Отв. редакторы Я.В. Евсеева, М.А. Ядова. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. С. 158-181. EDN CPSDNR.

9. Евсеева Я. В. Современные тенденции в образовании пожилых людей: образование взрослых как фактор активного старения. (обзор журнала *Erwachsenenbildung*, 2011, № 13) / Я. В. Евсеева // Успешное старение: Социологические и социогеронтологические концепции : Сборник научных трудов / Отв. редакторы Я.В. Евсеева, М.А. Ядова. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. С. 128-147. DOI 10.31249/ustar/2020.00.05.

10. Киселев И. Ю., Михайлова Е. В., Смирнова А. Г. Установки россиян на подготовку к выходу на пенсию: содержание и факторы формирования // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 24–35. DOI 10.31857/S0132162524010031.

11. Альтернативы государственной пенсии как варианты повышения уровня пенсионного обеспечения в России / Ю. В. Грызенкова, А. Г. Семенюк, А. А. Цыганов, А. Д. Языков // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 12. С. 52-59. EDN EXCJZM.

12. Аликперова Н. В., Марков Д. И. Как обеспечить будущую старость? Установки и стратегии молодежи // Социально-трудовые исследования. 2022. № 1. С. 154–163. DOI 10.34022/2658-3712-2022-46-1-154-163.

13. Карева Д. Е., Кузина О. Е. Динамика пенсионных стратегий и пенсионного поведения россиян в 2005–2020 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 139–164. DOI 10.14515/monitoring.2021.4.766.

The role of paremia in literary texts of different historical periods

E. I. Beglova¹

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-88-101

Research article
Full text in Russian

The object of the study was phraseological material consisting of proverbs and sayings used in works of art of various types and genres by writers and poets who wrote in different periods of the development of Russian society. The subject of the study were proverbs and sayings referred to by the term «paremia». By the method of continuous sampling, proverbs and sayings from the works of fiction of Russian writers and poets of the XIX–XX centuries, in particular from the poetic texts of A. A. Akhmatova, were selected. In the process of studying the paroemias, their semantic, contextual and functional analysis was carried out, during which the main functions were identified: characterological, emotional, axiological, euphemistic, the function of stylizing the character's speech. It is established that paroemias are used mainly in the speech of characters in both conventional and modified forms, demonstrating the social type of the hero, his temperament, attitude to life. Being used in the speech of the heroes, the paroemias testify to their wisdom, life experience, as well as the difficulties of peasant life and their overcoming by man, which is the traditional role of paroemias in artistic and colloquial speech. It is demonstrated that parodies in the texts of different writers often receive a contextual meaning, which shows the innovation of writers in the use of parodies, which, in turn, is characteristic of literary texts when solving certain tasks by the author.

Keywords: paremia; proverb; saying; semantics; prose text; poetic text; connotation; context; function

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Beglova, Elena I.	E-mail: beglova-elena@yandex.ru
	ORCID iD: 0000-0002-3208-0549
	D. Sc. (Philology), Professor

For citation: Beglova E. I. The role of paremia in literary texts of different historical periods // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2025. Vol. 11, No. 1. P. 88-101. (in Russ.)

Роль паремии в художественных текстах разных исторических периодов

Е. И. Беглова¹

¹Нижегородская академия МВД Российской Федерации, Нижний Новгород, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-88-101
УДК 81.37

Научная статья
Полный текст на русском языке

Объектом исследования послужил фразеологический материал, состоящий из пословиц и поговорок, использованных в художественных произведениях разных видов и жанров писателями и поэтами, которые писали в разные периоды развития российского общества. Предметом изучения явились пословицы и поговорки, именуемые термином «паремии». Методом сплошной выборки были отобраны пословицы и поговорки из художественных произведений русских писателей и поэтов XIX–XX веков, в частности из поэтических текстов А. А. Ахматовой. В процессе изучения паремий был проведён их семантический, контекстуальный и функциональный анализ, в ходе которого были выявлены основные функции паремий: характерологическая, эмоциональная, аксиологическая, эвфемистическая, функция стилизации речи персонажа. Установлено, что паремии используются главным образом в речи персонажей, как в узуальной, так и в изменённой формах, демонстрируя социальный тип героя, его темперамент, отношение к жизни. Употребляясь в речи героев, паремии свидетельствуют об их мудрости, жизненном опыте, а также о трудностях крестьянской жизни и их преодолении человеком, что является традиционной ролью паремий в художественной и разговорной речи. Продемонстрировано, что паремии в текстах разных писателей часто получают контекстуальный смысл, в чём проявляется новаторство писателей в употреблении паремий, что, в свою очередь, свойственно художественным текстам при решении автором определённых задач.

Ключевые слова: паремия; пословица; поговорка; семантика; прозаический текст; стихотворный текст; коннотация; контекст; функция

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беглова, Елена Ивановна

E-mail: beglova-elena@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0002-3208-0549

Доктор филологических наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи

Для цитирования: Беглова Е. И. Роль паремии в художественных текстах разных исторических периодов // Социальные и гуманитарные знания. 2025. Том 11, № 1. С. 88-101.

Введение

Прежде всего необходимо определить понятие «паремия». В современной лингвистике термином *паремия* большая часть исследователей фразеологических средств языка в узком смысле называет пословицы и поговорки как народные изречения (афоризмы). Именно пословицы и поговорки содержат нравоучительный смысл, базируясь на народном опыте и мудрости, накопленных народной культурой на протяжении эпох.

В работе Н. Н. Семененко дано следующее определение *паремии*: это афоризмы народного происхождения, имеющие краткую форму, обладающие воспроизводимостью значения [1, с. 240]. Справедливо отмечено, что в основе паремии лежат законченные по смыслу и структуре суждения, они обычно имеют форму предложения, поэтому обладают синтаксической членимостью [Там же. С. 242]. Они не нуждаются в доказательстве, включаются в речь как целостные смысловые и структурные единицы. Именно такого определения мы будем придерживаться в понимании *паремии*.

Следует уточнить наше понимание *пословицы* и *поговорки*, составляющих понятие *паремии*. В словарях лингвистических терминов *пословица* определяется как устойчивое законченное по смыслу и структуре изречение, воспроизводимое по памяти, отражающее мировоззренческие или нравственные представления русского народа, его опыт [2, с. 88]; *пословица* – это законченное изречение, имеющее назидательный смысл, характеризующееся особым ритмо-интонационным и фонетическим оформлением [3, с. 341; 4, с. 222]. *Поговорка* – это устойчивое воспроизводимое изречение, уточняющее характеристику какого-либо явления; конкретный смысл она приобретает в контексте [2, с. 84]; образное иносказательное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление, лаконичное по форме, в отличие от пословицы, поговорка не имеет прямого поучительного смысла, с чем связана её синтаксическая незаконченность [3, с. 328; 4, с. 211]. Итак, определив терминологически и семантически основные понятия, обратимся непосредственно к их функционированию в художественных текстах разных видов, жанров в определенные исторические периоды.

Методы исследования

При выявлении семантики и функций паремии в художественных текстах разных периодов, а также в современных публицистических текстах нами использовались следующие методы: семантический, описательный, метод синонимической аналогии (при компонентном анализе языковой формы паремии), компонентного анализа, а также лексический, стилистический и коммуникативно-прагматический анализ паремий.

Результаты исследования

Отобрав ряд паремий (пословиц и поговорок) из прозаических и частично поэтических художественных произведений разных исторических периодов, мы обратились к изучению их контекстуального смысла в сравнении с визуальным, а также к определению их функций во фрагментах текста, то есть в конкретном контексте.

Следует отметить тот факт, что пословицы и поговорки являлись предметом изучения в ряде научных статей с разных точек зрения, например, Н. Л. Лумповой и Н. В. Рыжовой при выявлении национально-культурной доминанты в произведениях Н. С. Лескова [5, с. 57–59].

По нашему мнению, функциональный и семантический анализ паремий в художественных текстах даёт возможность проследить статику и динамику в употреблении языковых единиц, входящих в речевое ядро русской народной культуры, демонстрируя самобытность русского языка с позиций фольклора, содержащего народный опыт и мудрость русского народа. Обратимся к поэтическим стихотворным текстам.

Наш текстовый и языковой материал показал, что в поэтическом тексте паремии встречаются редко. Так, в стихотворениях и поэмах русской поэтессы первой половины XX века А. А. Ахматовой [6] методом сплошной выборки мы обнаружили всего две паремии.

1. Тишь да гладь, Божья благодать:

*Я с тобой не стану пить вино,
Оттого, что ты мальчишка озорной.
Знаю я – у вас заведено
С кем попало целоваться под луной.*

**А у нас – тишь да гладь,
Божья благодать.**

*А у нас – светлых глаз
Нет приказу подымать* (кн. «Чётки», 1913) [6, с. 90].

В данном контексте паремия, данная в узуальной форме (языковой), участвует в создании семантической оппозиции «у вас» (сторона лирического героя) – «у нас» (сторона лирической героини), усиливая превосходство покоя и благополучия, нравственности на стороне героини в семантическом поле «у нас».

2. Время сеять... Эта паремия используется в трансформированном и усечённом виде, что позволяет адресату самому домыслить, ассоциируя ключевое словосочетание из поговорки с известными пословицами и поговорками, включающими эти же лексические компоненты, порождая при этом новый смысл:

*Песня о песне
<...> И злomu сердцу станет жаль
Чего-то. Грустно будет.
Но эту лёгкую печаль
Оно не позабудет.*

Я только сею. Собирать

Придут другие. Что же!

И жниц ликующую рать

Благослови, о боже! <...> (кн. «Белая стая», 1916) [6, с. 104].

В контексте угадывается поговорка **сеять добро**, по смыслу противопоставляемая злу, и это добро увидят позже другие – *жниц ликующая рать*. В словарях русских пословиц и поговорок можно найти синонимичные пословицы: 1. *Добро сеять – добро пожинать*. 2. *Что посеешь, то и пожнёшь*. 3. *Кто в пору сеет, семена*

не теряет. 4. Своё добро сею, вею, чужое – жну, пожинаю [7, с. 625]. 5. Сеять доброе, вечное... Все они на основе общих фоновых знаний адресанта и адресата ассоциируются с добром или злом, но в любом случае эти константы культуры, составляющие семантическую оппозицию **добро – зло**, характерны для жизни человека, которому придётся либо столкнуться со злом и противодействовать ему, либо увидеть добро и порадоваться ему.

Как показывают наши наблюдения над фразеологией художественных текстов разных видов и жанров (стихотворений, рассказов, повестей), в большей мере паремии используются в прозаических произведениях, в которых отражается жизнь народа в разные периоды развития российского общества. Проследим функционирование паремий в повестях русского писателя XIX века П. И. Мельникова (Печерский А., 1818–1883), в своё время подробно описавшего в своих произведениях быт и особенности жизни старообрядцев. В его повестях, рассказах и очерках наряду с устаревшей лексикой и фразеологией часто используются также паремии. Как правило, они наблюдаются в речи персонажей. Проанализируем ряд контекстов с целью установления смысла и роли паремий.

– Хорошая икра. Чтобы тебе, Маркелыч, такую держать? – сказал Антон Михайлыч стоявшему у притолки городскому голове. <...>

– *Неисходно будет, ваше высокородие. Сами изволите знать, какой здесь расход.*

– *Мы бы стали брать, вот Степан Васильич, Алексей Петрович, Иван Семеныч, все...*

– *Нет уж, увольте, ваше высокородие. Ей богу, неисходно.*

Прав был голова: неисходно было ему хорошую вещь в лавке держать. Икра за прилавком не залежалась бы, в день либо в два расхватили б её «благородные» – на книжку. А это значит: «Пиши долг на двери, а получка в Твери» («Именинный пирог») [8, с. 208].

Пословица **Пиши долг на двери, а получка в Твери** в контексте употребляется в значении «покупать что-либо в долг, сразу не оплачивая, а записывая этот долг в специальную тетрадь», а когда сможет расплатиться покупатель, этого продавец не знает. Пословица эфемизирует поведение «благородных» чиновников, которые, пользуясь своим социальным превосходством, не желают сразу оплачивать покупку, а оплату откладывают на неопределённый срок, поэтому персонаж, исходя из собственного опыта, иносказательно озвучивает своё мнение, используя известное всем изречение.

Или паремии и фразеологизмы отражают накопленный житейский опыт, мудрость героя. Например, ими наделена речь старца Анисима Прокофьяча, прожившего долгую трудную жизнь, много повидавшего и по-своему оценивающего современные ему события, лица.

«<...> Мужики ли, бывало, у кого разбегутся, деревню ль у кого судом оттягают, пропьётся ли кто из помещиков, промотается ли, всяк бывало, в Заборье на княжьи харчи. Опять барыни-приживалки, барышни: этих тоже штук по тридцати водилось. Уж именно дом был как **полная чаша**. А сам от-князь какой был барин! Такой, сударь, важности, что теперь **весь свет исходи, днём с огнём не сыщешь...** И всё-то прошло, всё-то миновалось!.. Да, сударь, стары годы были годы золотые, были

они, сударь, да и прошли, [8, с. 21], прошли и не воротятся. **Красно лето два раза в году не живёт.**

А куда какво давно тому времени, как в Заборье-то было житье-бытье раздольное да привольное! Мне теперь десятый десяток идёт, а в ту пору и тридцати годков не было, как **батюшки-то нашего, князя Алексея Юрьича** не стало. А скончаться изволил лет семидесяти без малого... Да я уж что за жизнь застал? Тогда уж князь-от в немилости был, в опале, то есть, а вот как, бывало, родитель мой – **дай ему бог царство небесное, а вам добро здоровье** – порасскажет про те годы, как князь-от Алексей Юрьич в настоящей своей поре был и в Питере «во-времени» находился, а в Заборье бывал только наездами, так вот тогда точно что жизнь была золотая. И умирать не надо было!» («Старые годы. Прокофьич») [8, с. 21–22].

Пословица **Весь свет исходи, днём с огнём не сыщешь** передаёт высокую, мелиоративную оценку старцем князя Алексея Юрьевича, которому служил ещё его отец. Пословица **Красно лето два раза в году не живёт** имеет поучительный смысл: то, что было хорошим в прошлом, уже не возвратится, надо было его ценить; время невозможно вернуть, поэтому не повторится и то, что было *благополучным, радостным*; именно эти коннотации содержит словосочетание *красно лето*. Поговорка **Дай ему бог царство небесное, а вам добро здоровье** свидетельствует о речевом этикете прошлой поры, являясь речевой формулой-пожеланием усопшим и живым, в целом об этикете общения.

Следует заметить, что в речи персонажей в произведениях П. И. Мельникова паремии нередко выполняют аксиологическую функцию. Например, создают пейоративную оценку: **Человек как гусь: летает высоко, а садиться не умеет:**

<...> – То-то и есть, – скажет тут князь, – ты как гусь: **летаешь высоко, а садиться не умеешь, вот и дождался** <...> (князь наказывал побоями своих подопечных, которые, помимо его воли, обращались в суды – Е. Б.) («Старые годы. На Яромонке») [8, с. 30]. В рассказе «Именинный пирог» (1858) в речи персонажа Ивана Семёновича – именинника – используется несколько паремий:

<...> – **Вон все пошли!** – крикнул я.

Остался один перед «Утром», разглядывать стал... *Бес и ну смущать... Глаза масляные, с поволокой, зубы белые, сама дородная; смугла, зато грудиста, а волосы смоль, как есть смоль чёрные. Гляжу-гляжу, а сам чувствую, как грех-от на душу лезет. Мурашки по спине...<...>* «Греховодник ты, греховодник, Карл Иваныч! Вот оно, **в тихом-то болоте черти живут**. Тихоня, скромник, бывало, на курносую, рябую стряпку взглянет, так весь зардеет, а вот чем занимается!..» [8, с. 214–215].

Речь идёт о картине, которую для уездного стряпчего Ивана Семёновича Хоринского нарисовал немец Карл Иванович под названием «Итальянское утро», изобразив дородную даму, а персонаж, Иван Семёнович, оценивает немца-художника с позиций его отношения к женщинам, называя его «греховодником».

В приведённом контексте пословица **В тихом-то болоте черти живут** представляет собой трансформированную узуальную пословицу *В тихом омуте черти водятся*, зафиксированную в словаре ходячих и метких слов М. И. Михельсона [9, с. 60]. В контексте представлен синонимический вариант, построенный на замене лексических компонентов. Далее в этом же рассказе:

Жену кой-как усовестил, резоны ей представлял всякие: даровому-де коню, матушка, в зубы не смотрят, а тебе, говорю, опасаться нечего, девка не живая» [8, с. 215].

Узуальная (языковая) пословица **Даровому (дарёному) коню в зубы не смотрят** отражена в словаре пословиц и поговорок В. П. Жукова в значении «не выражают недовольства подаренной или доставшейся даром вещью» [10, с. 408]; аналогичная семантика пословицы наблюдается в данном контексте. Таким образом, в художественных произведениях П. И. Мельникова-Печерского пословицы наблюдаются в речи персонажей, которые представляют разные социальные слои: чиновники, старцы, крестьяне. Паремии в речи отражают мудрость персонажа или эффемизируют общение с учётом социального статуса.

В повестях и рассказах другого русского писателя, публициста, литературного критика XIX века Н. С. Лескова (1831–1895) также частотны пословицы и поговорки, которые, как правило, включены в речь персонажей, имеющих большой жизненный опыт. Приведём пример из повести «Грабёж» (1887). В речи дяди Ивана Леонтьевича, приехавшего из Ельца в Орёл за певчим дьяконом, которого надо было ещё найти и уговорить поехать в Елец, пословицы и поговорки являются средством характеристики его энергичного живого темперамента, как человека-балагура, а также демонстрации его удали, жизненного опыта.

– Эх, вы, – говорит, – вороны-сударыни, купчихи орловские! У вас и город-то не то город, не то пожарище – ни на что не похож, и сами то вы в нём все, как копчужки в коробке, заглохли! Нет, далеко вам до нашего Ельца, даром что вы губернские. Наш Елец хоть уезд-городок, да Москвы уголок, а у вас что и есть хорошего, так вы и то ценить не можете. Вот мы это самое у вас и отберём [11, с. 389]. Выделенная в контексте пословица содержит высокую оценку персонажем его небольшого города, который по своим достопримечательностям, достоинствам рассматривается им как часть столицы. Изречение имеет интонационно-ритмическую форму, а в речи героя она приобретает эмоциональную коннотацию гордости, от того, что он живёт в Ельце, а не в Орле, куда он был вынужден приехать по надобности: найти лучшего певчего дьякона и переманить его в Елец.

Или, обращаясь за помощью к мальчику Мише, своему племяннику, он также использует в речи пословицу с целью подтолкнуть племянника к совершению поступка – двинуться в путь вместе с ним (дядей) на поиски певчего дьякона, несмотря на запрет матери уходить из дома:

– Маменька не позволяет.

– Вот так дело! А как ты думаешь: родной дядя всегда может во всём племянником руководствовать али нет? Разумеется, может. Одевайся же сейчас и пойдём во все следы, пока дойдём до беды [11, с. 389]. Поговорка используется как ускоритель действий для мальчика, а также характеризует речевой тип дяди, человека, речь которого насыщена поговорками, пословицами и фразеологизмами, свидетельствующими о том, что он человек, умудрённый опытом, владеющий слово так, что может убедить своего собеседника в том, в чём заинтересован.

Следующий фрагмент этой же повести содержит пословицу, употребленную в речи матери. Ситуация такова: дядя подарил племяннику Мише серебряные часы с жёлтым корпусом, по поводу чего критично высказалась его тетя, которой не по-

нравились часы, потому что они серебряные, а ободок жёлтый, а, по её мнению, часы должны быть полностью либо серебряными, либо золотыми. «Маменька» же по-другому отнеслась к этим часам. *Но маменька помирили, что даровому коню в зубы не смотрят, и опять сказали: «Поди в свою комнату и повесь над кроватью»* [Там же. С. 392]. Пословица, встречающаяся в рассказе П. И. Мельникова «Именинный пирог», употребляется в повести Н. С. Лескова «Грабёж» в значении «всякому подарку радоваться надо, а не упрекать дарителя за то, что не то подарил». Таким образом, в речи матери паремия используется для эвфемизации общения, для предупреждения возникновения спора между тётей и племянником Мишей по поводу часов, подаренных ему дядей из Ельца.

После неприятного происшествия, случившегося ночью с дядюшкой и племянником, которые отобрали часы у случайных прохожих в произошедшей в темноте и неразберихе драке, приняв их за грабителей и думая, что это их часы, тётушка и матушка не могли простить им этого, назвав их «грабителями»: *Дядюшка обиделся, но матушка оставила его без внимания, и опять ко мне: «Берегла сынка столько лет в страхе божием, а он вот к чему уготовился: тать не тать, а на ту же стать... Теперь за тебя после этого во всём Орле ни одна путная девушка и замуж не пойдёт, потому что теперь все, все узнают, что ты сам подлёт»* [Там же. С. 404].

В словарях русских пословиц мы не находим аналогичную паремию, но в словаре пословиц В. И. Даля фиксируется поговорка (скороговорка) с устаревшим словом *тать* – вор: *Татем у татя перекрадены утята* [12, с. 319]. В приведённом выше контексте поговорка используется в значении «не вор, но повёл себя так, как вор» с эмоциями упрека и раздражения. Таким образом, в рассказах и повестях Н. С. Лескова паремии выражают эмоции персонажей, служат средством их характеристики (характерологическая функция), а также смягчают поведение персонажей в общении по какому-либо поводу (эвфемистическая функция).

Приведём примеры употребления паремий в прозаических художественных текстах первой половины XX века, обратившись к творчеству русского советского писателя С. Н. Сергеева-Ценского (1875–1958). Прежде всего мы обнаружили редкие пословицы, которые не зафиксированы в словарях русских пословиц, хотя в соответствии с определениями пословиц и поговорок они являются таковыми. Например, в прозаической поэме «Лесная топь» (1905):

– *Это я к тебе вышла, жалко стало, – объяснила Антонина.*

Зайцев подумал, поверил и опешил.

– *Ко мне? Чего ко мне?.. Жалко стало... Угу... Жалел волк кобылу, оставил хвост да гриву... Ко мне!* [13, с. 75.] В данном контексте с помощью пословицы герой предупреждает женщину об опасности, которая может исходить от него, одновременно устанавливая с ней контакт и смягчая свою угрозу. В словаре пословиц мы находим лишь синонимичную пословицу с ключевыми лексическими компонентами *волк* и *конь* (*лошадь, кобыла*): *Волк коню не товарищ* [10, с. 70].

Или в его прозаической поэме «Движения» (1909–1910):

– *В турецкую кампанию маркитантом пошёл, – сено в кавалерию поставлял, – Семнадцать тысяч заработал, как сказать, в Бессарабской губернии пять тысяч десятин земли в аренду взял... мальчишка, **клянусь вам богом**, двадцать четыре года было... А-ах, обчистили же меня, во-от **общипали**, как сказать, – как...*

как гуся орёл! До единственного пёрышка все – голенький в один год, верите ли!.. [13, с. 259]. Поговорка **Общипать как гуся орёл** употребляется в данном контексте в значении «забрать незаконно или путём обмана всё имущество у кого-либо, всё, что он имел». Заметим, что в словаре русских пословиц и поговорок паремия не отражена.

Ещё один пример из этой же поэмы:

– *За солому, – говорил прокурор, – если бы сгорела она вся, как и предполагал подсудимый, он должен был бы получить страховых денег тысячу шестьсот рублей. Деньги для него, пожалуй, и небольшие, но ... «курочка по зёрнышку собирает, и то сыта бывает»* [Там же. С. 319].

Пословица **Курочка по зёрнышку собирает, и то сыта бывает** используется в узуальной форме и значении, зафиксированном в словаре русских пословиц в значении «довольствоваться чем-либо в малом количестве или малым, которое приведёт к большому» [10, с. 433].

Наши наблюдения за паремиями в художественных текстах показали, что наиболее часто паремии встречаются в произведениях второй половины XX века, которые относятся к «деревенской прозе», так как они отражают крестьянской жизненный уклад, опыт, речь и характеры персонажей. Паремии служат не только средством речевой характеристики персонажей, но и средством создания эмоционального тона в общении друг с другом. Следует заметить, что отмечается большое количество паремий в текстах писателей деревенской прозы XX века В. П. Астафьева и Ф. А. Абрамова. Продемонстрируем сказанное примерами и проанализируем паремии в конкретных контекстах из произведений названных писателей. В повести В. П. Астафьева «Последний поклон» (1968–1993) (повесть состоит из трёх книг, в каждой из которых несколько глав, представляющих собой отдельные рассказы и короткие повести, о чём писал сам В. П. Астафьев [14, с. 461–462]) паремии часто встречаются в речи персонажей, которые являются сельскими жителями. Приведём пример из рассказа названной повести «Зорькина песня»:

– *Зорька поёт! Зорька поёт! – закричал и запрыгал я.*

– **Зорька поёт, значит, утро идёт!** – пропела благостным голосом бабушка, и мы поспешили навстречу утру и солнцу, медленно поднимающемуся из-за увалов [Там же. С. 25]. В речи пожилой женщины («бабушки») используется пословица, запечатлевшая народное наблюдение за птицами и их соотношением со временем суток. Для «бабушки» (героини) важно это раннее время, когда целый день впереди и можно многое успеть сделать того, что необходимо.

Наблюдается паремия и в речи другого героя – большого мальчика, переживающего за то, что кошка нашла в гнезде и съела птенцов маленькой птички-мухоловки, той самой птички, которая воспринималась большим мальчиком такой же одинокой и несчастной, как он сам наедине со своей болезнью, спрятавшийся в заросшем травой уголке в конце огорода.

Я засыпал под тихий, неслышный дождь и думал о том, что хорошо бы посадить на «моей земле» дерево. Выросло бы оно большое-пребольшое, и птичка свила бы на нём гнездо. Я закопал бы плоды шипицы под деревом – шипица – дерево ханское – платье на нём шаманское, цветы ангельски, когти дьявольски – попробуй

сунься, кошка! («Деревья растут для всех») [Там же. С. 27]. Пословица в речи мальчика передаёт его эмоции: радость от того, что кошка не сможет достать гнезда и съесть птенцов, так как дерево, несмотря на свою притягивающую красоту, может уколоть иголками и защитить птенцов. Это ритмико-мелодическое, метафорическое изречение, представляющее собой игру со словом: *цветы ангельски, когти дьявольски* – в одном дереве слились противоположные явления, дерево красиво и одновременно опасно. Дерево – загадка, важное в жизни дерево – это мечта мальчика. Мальчик всё же осуществил свою мечту, посадив «росточек с коричневым стебельком и двумя блестящими листками», решив, что это «боярка», и начал за ним ухаживать. Но это растение оказалось, по словам бабушки, «дикой гречкой», что разочаровало мальчика. Однако, чтобы успокоить внука, бабушка принесла из леса маленький саженец лиственницы: *«Деревце было с цыплёнка величиной, охваченное жёлтым куржаком хвои»* («Деревья растут для всех») [Там же. С. 29].

– Баб, а оно большое вырастет?

– Кто?

– Да дерево-то моё?

– А-а, дерево-то? А как же?! Непременно большое. Лиственницы маленькие не растут. Только деревья, батюшко, растут для всех, **всякая сосна в бору красна, всякая своему бору и шумит** («Деревья растут для всех») [Там же]. В данном контексте пословица очень значима по смыслу: она знакомит мальчика с тем, что одно дерево не вырастет и не будет красивым, нужным, ему необходимо, чтобы рядом были другие деревья, как и человеку трудно быть одному, ему нужны другие люди, чтобы жить благополучно. И это знание бабушка передаёт как лично свой и как народный опыт, свойственный общению людей; это относится и к лесу, который предназначен не для кого-то одного, а для всех. В речи бабушки паремии используются часто, демонстрируя её мудрость, личный и народный опыт, связанный как с трудностями крестьянской жизни, так и с взаимодействием людей:

– Нет, робята, – вмешалась в разговор бабушка, **деньгами коня не купишь, токо удачей...**

На этом и утешились, про коней говорить перестали, на сено перешли. Кольча-младший сказал:

– Сена лесные едкие, хватило бы до весны. А ну, как прикупать придётся?

– **Купило притупило!** – снова вмешалась в разговор бабушка. – *Соломы с заимки подвезём и обойдёмся* («Запах сена») [Там же. С. 47]. Поговорка **Купило притупило** в контексте означает «невозможность купить сено, так как на это нет денег». Пословица и поговорка запечатлели крестьянские трудности, связанные с приобретением коня, который является главной опорой человека при выполнении тяжёлой крестьянской работы в деревне.

Как уже отмечалось, в художественных произведениях, посвящённых жизни деревни, наиболее часто писатели включают паремии в речь персонажей, где они имеют не только узуальный, но и нередко приобретают контекстуальный смысл или разного рода коннотации (смысловую, эмоциональную, оценочную). Обратимся к произведениям еще одного русского писателя XX века – Ф. А. Абрамова

(1920–1983), в частности к его произведениям второй половины XX века: повестям «Деревянные кони» (1969), «Пелагея» (1967–1969), «Алька» (1971).

Следует заметить, что в повестях и рассказах Ф. А. Абрамова отражаются проблемы, которые волнуют героев, они живут ими здесь и сейчас. Известно, что к малым эпическим жанрам – повести и рассказу – писатель обращался часто, так как они позволяли ему использовать исповедь героя, включая и размышления автора. Как правило, его герои – это жители северной деревни, труженики, много повидавшие и испытавшие в своей жизни [15, с. 5–16]. При этом речь героев характеризуется живым народным словом, она включает просторечную, диалектную лексику, фразеологизмы и паремии. Приведём фрагменты текстов из рассказа «Деревянные кони» (1969):

– *А где же гости? <...>*

– *А гости **были да сплыли**, – весёлой скороговоркой ответила Евгения («Деревянные кони»)* [16, с. 22]. Поговорка *Было да сплыло* в аналогичном значении «в данный момент нет кого-то/ чего-то» наблюдается в словаре М. И. Михельсона [17, с. 84].

Героиня рассказа Евгения рассказывает о жителях деревушки из семи домов – Пижмы, – которые суровы нравом и не имеют представления о культуре общения и поведения, давая характеристику «с какой-нибудь придурью да забавой» каждому мужику.

– *Все у них тут такие. **По каждому кутузка плачет** («Деревянные кони»)* [16, с. 27].

Поговорка фиксируется во фразеологических словарях русского языка с вариантностью лексического компонента *острог*: **Тюрьма (острог) плачет по ком** – кто-либо заслуживает наказания, тюремного заключения [18, с. 484]; в поговорке наблюдается узуальный смысл, но используется просторечный синоним *кутузка* для усиления отрицательной оценки, которую даёт героиня мужикам деревни.

– *<...> Верно она говорит: не было у меня молодости. И по-нонешнему сказать, не любила я своего мужа...* (речь старухи Василисы Милендьевны – Е. Б.)

– *Ну вот, – не без злорадного торжества воскликнула Евгения, – призналась! А я рта не раскрой. Всё не так, всё не ладно.*

– *Да ведь **когда по живому-то месту пилят, и старое дерево скрипит**, – ещё примирительней сказала Милендьевна («Деревянные кони»)* [Там же. С. 28].

Пословица в речи пожилой женщины-страдалицы Василисы Милендьевны **Когда по живому месту пилят, и старое дерево скрипит** имеет назидательный смысл: «когда долго напоминать кому-либо о тяжёлом прошлом, ему второй раз с болью приходится пережить это прошлое».

Некоторые паремии имеют узуальную форму и семантику, например, в речи героини Евгении:

– *В пижме все носят одну фамилию – Урваевы. И Мирон Оникович, мой свёкор-батьюшко, тоже урвай. Да ещё урвай-то какой. Другой бы на его месте после такой истории знашь как повёл себя? **Тише воды, ниже травы**. А это такая поперечина – за всё взыск («Деревянные кони»)* [Там же. С. 30].

Поговорка **Тише воды, ниже травы** в аналогичных смысле и форме отражена в словаре образных выражений М. И. Михельсона [19, с. 372].

– *Ох мама, мама... Хотела как лучше, а принесла беду. Ведь их покулачили, когда зачались колхозы...*

Я не охнул и не ахнул при этих словах. Кого в наше время удивишь этой старой-престарой сказкой про щепки, которые летят, когда лес рубят! («Деревянные кони») [16, с. 37].

В данном контексте трансформирована форма пословицы: изменена синтаксическая структура при сохранении узуального смысла: **Лес рубят, щепки летят** – не бывает дела без ошибок, жертв [10, с. 159].

Приведём ещё примеры употребления паремий в повести «Пелагея» (1967–1969).

– *Не защищай! Сама виновата. По заслугам и почёт...* («Пелагея») [16, с. 53].

Используется часть узуальной пословицы **По заслугам и почёт** – кто что заслужил, то и получает: **По привету ответ, по заслуге почёт** [12, с. 443], которая в словаре М. И. Михельсона зафиксирована в сокращённой форме [19, с. 68].

Или: – *А пушай, что хошь, то и говорят, – ответила Пелагея. – Умный человек не осудит, а на глупого я век не рассчитываю* («Пелагея») [16, с. 53].

Пословица **Умный человек не осудит, а на глупого век не рассчитываю** содержит поучение: рассчитывай на понимание умных и мудрых людей, а не на завистников, равнодушных и глупых.

Как показал наш текстовый материал, в произведениях Ф. А. Абрамова паремии используются в основном в речи персонажей, сохраняя узуальный смысл, реже в – изменённой форме. При этом паремии соответствуют стилю речи конкретного персонажа, который употребляет изречения, запечатлевшие в своём содержании народную мудрость, жизненный и крестьянский опыт. Паремии являются средством речевой стилизации.

Обсуждение: выводы и рекомендации

Подводя итоги нашего исследования паремий в художественных произведениях разных исторических периодов и видов, можно утверждать следующее.

В стихотворных поэтических текстах паремии встречаются редко и выполняют при этом авторские художественные задачи: стилизация речи лирического героя, придание разговорности тексту, усиление его диалогичности, редко – создание семантических оппозиций для охвата пространства, времени или самих героев.

В прозаических поэмах, рассказах, повестях паремии употребляются главным образом в речи персонажей, выполняя характерологическую функцию, то есть демонстрируют народный характер речи (речь в разговорном стиле), темперамент героя, его социальный тип (старец, балагур, опытный в чём-либо человек и пр.), склад характера.

Часть паремий выполняет в текстах аксиологическую функцию, а именно: с помощью паремии создаётся мелиоративная или пейоративная оценка кого-либо или чего-либо (о чём /о ком говорят персонажи).

В речи персонажей паремии по-особенному выполняют эмоциональную функцию, способствуя выражению их эмоций в конкретных ситуациях, в которых оказываются герои.

Редко паремии выполняют эвфемистическую функцию, в частности, когда персонаж старается соблюсти нравственную и социальную дистанцию в споре, конфликте и деликатно уходит в сторону от разговора, желая его прекратить. Такое свойство пословицы, как назидательность, поучение, также используется для эвфемизации взаимодействия персонажей.

Перечисленные функции паремии выполняют у разных писателей разных эпох, в чём мы видим соблюдение традиций (статика) в употреблении паремий.

Если говорить о традициях и новаторстве в использовании паремий писателями разных эпох, то мы выявили, что паремии используются как в узуальной, так и в изменённой формах при сохранении смысла (традиция) и его контекстуальном обновлении (динамика, новшество). Часто в контексте паремии приобретают смысловые и эмоциональные коннотации, связанные с ситуациями, в которых оказываются герои произведений.

Часть изученных нами паремий не фиксируется в современных словарях русских пословиц и поговорок, фразеологизмов, они редко встречались в современной разговорной речи, в основном они актуальны в художественных произведениях конкретного времени (XIX в., начало XX в.), словари же в большей мере ориентированы на речевой материал разговорной речи.

Можно говорить о необходимости более активного изучения паремии в рамках идиостилей писателей и поэтов, что уже наблюдается в современной идиостилистике.

Ссылки

1. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология. М.: Флинта, Наука, 2009. 344 с.
2. Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М. Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 1995. 175 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
4. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
5. Лумпова Н. Л., Рыжова Н. В. Лексические и лексико-фразеологические средства создания национально-культурной доминанты в прозе Н.С. Лескова (малые формы 1870-1880 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. № 4. С. 52–60. EDN REVWWN.
6. Ахматова А. А. Не тайны и не печали: Стихотворения. Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Гафура Гуляма, 1988. 464 с.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник в 3-х томах. Т. 2. М.: Русская книга, 1993. 704 с.

8. Мельников П. И. (Печерский А.) Старые годы. Рассказы и очерки / Сост. и примеч. А. А. Макарова. М.: Московский рабочий, 1986. 544 с.
9. Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М.: ТЕРРА, 1997. 624 с.
10. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 5-е изд-е., стер. М.: Русский язык, 1993. 537 с.
11. Лесков Н. С. Рассказы и повести. М.: Художественная литература, 1982. 496 с.
12. Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник в 3-х томах. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. 640 с.
13. Сергеев-Ценский С. Н. Повести и рассказы. В двух томах. Т. 1. (1902–1912). М.: Художественная литература, 1975. 528 с.
14. Астафьев В. П. Собрание сочинений в шести томах. Т. 3. Последний поклон. Кн. 1–2. М.: Молодая гвардия, 1992. 462 с.
15. Галимов Ш. Дума о народе. Вступ. ст. // Абрамов Ф. А. Повести и рассказы. Серия «Русский Север». Архангельск: Вологда: Сев-зап. кн. изд-во Вологодское отделение, 1985. С. 5–16.
16. Абрамов Ф. А. Повести и рассказы. Сер. «Русский Север». Архангельск: Вологда: Сев-зап. кн. изд-во Вологодское отделение, 1985. 380 с.
17. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В двух томах. Том I. М.: ТЕРРА, 1997. 800 с.
18. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
19. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В двух томах. Том II. М.: ТЕРРА, 1997. 832 с.

Analysis of the Cognitive Potential of Idiomatic Expressions

E. A. Petrova¹

¹Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-102-112

Research article
Full text in Russian

The research in the field of cognitive sciences shows that language is the basis of human interaction and development. Language is the main instrument of the formation of thinking and cognitive consciousness, and is a means of intercultural communication. This article attempts to study the cognition and pragmatics of idiomatic units, which in the theory of linguistics are considered as units of mental representation. Idiomatic expressions reflect the culture of people, the level of a social life and the development of the society. The methodological basis of the study is theoretical works touching upon the issues of cognitive and linguacultural assessment of idiomatic expressions. It is noted that the study of idiomatic expressions is appropriate from the point of view of their axiological and pragmatic potential, since language is reflected in the content and structure of idioms. Attention is drawn to the fact that idioms are most vividly verbalized in a literary text, which is a special means of expressing and transmitting information and is distinguished by its structure, expressiveness and the use of lexical and stylistic means. It is emphasized that the use of idioms in literature plays an important role, allowing authors to convey the emotional state of characters and reflect the cultural features of the language. It is concluded that idioms perform a communicative and expressive-emotional function in artistic texts.

Keywords: idiom; idiomaticity; axiological aspect; pragmatic aspect; cognition; text; discourse

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Petrova, Elena A. | E-mail: eleina.froloff@yandex.ru
D. Sc. (Philology), Associate Professor

For citation: Petrova E. A. Analysis of the Cognitive Potential of Idiomatic Expressions // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2025. Vol. 11, No. 1. P. 102-112. (in Russ.)

Анализ когнитивного потенциала идиоматических выражений

Е. А. Петрова¹

¹Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-102-112
УДК 811.111

Научная статья
Полный текст на русском языке

Исследования в области когнитивных наук показывают, что язык является основой человеческого взаимодействия и развития. Язык играет ключевую роль в формировании мышления и когнитивного сознания, а также является средством межкультурной коммуникации. В настоящей статье предпринята попытка исследовать когницию и прагматику идиоматических единиц, которые в теории лингвистики рассматриваются как единицы ментальной репрезентации. В идиоматических выражениях находит отражение культура народа, уровень социальной жизни и развитости общества. Методологической основой исследования являются теоретические работы, затрагивающие вопросы когнитивной и лингвокультурной оценки идиоматических выражений. Отмечается, что изучение идиоматических выражений целесообразно с точки зрения их аксиологического и прагматического потенциала, поскольку язык отражается в содержании и структуре идиом. Идиомы наиболее ярко вербализируются в художественном тексте, который является особым средством выражения и передачи информации и отличается своей структурой, выразительностью и использованием лексических и стилистических средств. Подчеркивается, что использование идиоматических выражений в художественных текстах играет важную роль, позволяя авторам передавать эмоциональное состояние персонажей и отражать культурные особенности языка. Высказывается предположение, что идиоматические выражения выполняют в художественных текстах коммуникативную и экспрессивно-эмоциональную функцию.

Ключевые слова: идиома; идиоматичность; аксиологический аспект; прагматический аспект; когниция; текст; дискурс

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Петрова, Елена Александровна | E-mail: eleina.froloff@yandex.ru
Доктор филологических наук, доцент, заведующий
кафедрой иностранных и русского языков

Для цитирования: Петрова Е. А. Анализ когнитивного потенциала идиоматических выражений // Социальные и гуманитарные знания. 2025. Том 11, № 1. С. 102-112.

Введение

Исследования в области когнитологии и лингвокультурологии показывают, что язык служит фундаментом для изучения человеческого поведения и взаимосвязан с различными сферами деятельности человека. В лингвистике язык позиционируют не только как средство общения в социуме, но и как ключ к пониманию

© ЯРГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

познавательных функций человеческого мышления. В целом «все наши мысли выражаются посредством языка и языковых единиц» [1], следовательно, язык выполняет не только коммуникативную, но и информативную функцию. Когнитивные процессы, занимающиеся анализом и хранением информации, могут также описываться терминами *интеллектуальные* или *умственные* действия. Эти процессы, известные как когниция, представляют собой основу для понимания того, как люди воспринимают, обрабатывают и используют информацию для решения задач и принятия решений.

Общеизвестно, что язык постоянно развивается, впитывая в себя новые словосочетания и фразы, что делает его более выразительным и разнообразным. С течением времени определенные фразы выходят из употребления, теряя свою актуальность, другие же, напротив, вплетаются в ткань культуры и языка, становясь его неотъемлемой частью. Изучение словесного наследия разнообразных культур открывает нам окно в их историю и традиции. Лексика, которую мы применяем в повседневной жизни, имеет корни, уходящие в разные временные промежутки: некоторые слова и выражения живут уже веками, в то время как иные возникли совсем недавно. Этот процесс способствует созданию уникальных и метких выражений, известных как идиомы и фразеологизмы.

Исследовательская гипотеза работы исходит из лингвокультурных и когнитивно-прагматических характеристик идиоматических выражений. Обращение к лингвокультурологической и когнитивной моделям заявленных языковых единиц объясняется их значимостью в языковой картине мира в новом формирующемся контексте. Кроме того, использование идиом является одним из языковых приемов, который придает текстам глубокую эмоциональную окраску и делает их более выразительными. Часто идиомы служат для передачи культурологических и исторических аспектов современного общества, поэтому важность точного перевода идиом неоспорима.

В области российской лингвистики термины *идиома* и *фразеология*, согласно Н. Ф. Алефиренко, имеют двойное значение: они указывают как на специализированное направление исследований, так и на сами выражения, встроенные в языковую систему [2, с. 36]. Интересно, что идиомы демонстрируют уникальную способность быть одновременно простыми и сложными. С первого взгляда они могут казаться обычным набором слов, но на деле они функционируют почти как единые слова, выполняя специфическую роль в языке и общении, несмотря на то, что внешне они выглядят как обычные фразы.

В то время как отдельные слова имеют свое уникальное и специфичное значение, объединение их в фразы создает более комплексные структуры, которые не всегда ясно передают первоначальный смысл каждого из слов, входящих в их состав. Это связано с тем, что фразы могут служить тем же целям, что и слова, но без той же ясности и однозначности. Как указывается в исследовании Е. Ф. Арсентьевой [3, с. 10], именно сочетание значений слов во фразе делает ее смысл более сложным. Идиоматические выражения отличаются своей номинативной функцией и уникальной комбинацией слов, отличающими их от простых фраз.

Методы

Методологической базой исследования когнитивного, лингвокультурологического и прагматического потенциала идиоматических выражений послужили следующие общенаучные методы: теоретический анализ, дедуктивный метод, описательный метод, метод интерпретации, контекстуальный анализ.

В сфере лингвистических исследований сегодня особое внимание уделяется изучению идиом, которые рассматриваются как ключевой элемент взаимодействия между человеком и обществом, подчеркивая их значимость в контексте природы языка. А. Н. Баранов подчеркивает, что ландшафт языка постоянно эволюционирует и обогащается новыми социально-культурными различиями, что приводит к обновлению значений многих традиционных лексических элементов, используемых народами на протяжении веков [4, с. 456]. В этом контексте особую роль играют фразеологизмы и идиоматические выражения, которые не только отражают уникальное мировоззрение и культурные особенности народов, но и являются неотъемлемой частью их языковой системы.

Исследование лингвистической природы идиом оправдано с точки зрения изучения механизмов, посредством которых осуществляется обработка поступающей информации, включая разбор методов, с помощью которых анализируются данные, полученные из эмпирического материала. При этом немаловажным представляется индивидуальное восприятие реальности. Речь идет об осмыслении и трактовке языковых образцов, которые непрерывно складываются внутри определенных социальных коллективов. Исследовательское поле также охватывает изучение когниции с точки зрения процессов познания, а также способности к восприятию и интерпретации речи.

Важно отметить, что культурологический анализ идиом играет ключевую роль, поскольку «восприятие мира активно конструируется с помощью языковых шаблонов, характерных для каждой социальной группы» [5, с. 17].

Наконец, при переводе идиоматических выражений важно передать смысл подобных языковых явлений, принимая во внимание их образность, выполняемую стилистическую функцию, обусловленные определенным контекстом.

Результаты

Идиомы – уникальные языковые конструкции, состоящие из двух и более компонентов, выступающие не просто как наборы слов, а как неделимые единицы, обладающие собственным значением. Их особая роль в структуре языка заключается в том, что они несут в себе особенности, выделяющие их на фоне прочих слов и выражений, позволяя трактовать их как самостоятельные элементы лексики. Однако в современной лингвистике нет четких правил, которые бы определяли, что именно относится к идиомам, поэтому представляется целесообразным остановиться на точках зрения разных ученых.

Так, Н. Ф. Алефиренко предлагает назвать идиомами все устойчивые сочетания, включая поговорки, пословицы, а также сочетания в виде слова и предлога (например, *to shout at*) [2, с. 39]. Другой известный ученый В. В. Виноградов под идиомами или идиоматизмами понимал «устойчивые сочетания, значение которых частично или полностью отличается от значения слов, из которых они состоят» [6, с. 72].

А. И. Смирницкий отмечает, что особенностью идиом является их «эмоциональность, и они не относятся к нейтральному стилю» [7, с. 57]. Т. Г. Добросклонская говорит о том, что значение идиомы «очень часто невозможно понять из значения слов-компонентов» [8, с. 47].

Несмотря на огромное множество определений понятия *идиома*, в них есть некоторые общие характеристики. Все перечисленные авторы едины в том, что идиомы являются устойчивыми словосочетаниями, у которых происходит перенос значения (именно это вызывает трудности с пониманием значения идиом). При этом А. И. Смирницкий отмечает также эмоциональную окрашенность идиом и говорит о том, что в их основе лежит метафора.

В обсуждении процесса формирования идиом интересную точку зрения предлагает Т. З. Черданцева. В ее работах утверждается, что идиомы являются результатом длительного эволюционного процесса. Изначально определенные словосочетания закрепляются в языке, затем они обогащаются метафорическими значениями, превращаясь в неподвижные структуры. Тем не менее Т. З. Черданцева подчеркивает, что идиомы не остаются неизменными; они подвергаются изменениям, что она называет «деформацией». Этот процесс включает в себя разделение идиом на отдельные слова, которые начинают функционировать как независимые единицы значения, что ведет к разрушению их первоначальной фразеологической связности [9, с. 43].

Обратимся к классификации идиом, предложенной зарубежными лингвистами Ч. Фернандо и Р. Флавеллом и основанной на уровне очевидности значения словосочетаний, подкрепив примерами из русского языка. Итак, они предлагают четыре категории [10, с. 18].

1. Словосочетания, значение которых является непосредственным и легко уловимым. Например: *выносить мозг* – навязчиво критиковать, донимать нотациями, изменять сознание и поражать.

2. Конструкции, чье значение скрыто за метафорой, но все же частично угадывается. Например: *все в шоколаде* – по высшему разряду.

3. Фразы, в которых значение не следует логически из значений составляющих их слов. Например: *знатъ пургу* – обманывать.

4. Идиомы, значение которых полностью отделено от буквальных значений слов, входящих в их состав. Например: *капитан очевидность* – человек, который постоянно говорит банальности.

Одновременно лексиколог М. Маккарти разделяет различные типы идиоматических выражений на категории в зависимости от их лексической гибкости и способности сохранять значение при замене элементов. Во-первых, это так называемые полные идиомы, представляющие собой уникальные сочетания слов, значение которых не может быть выведено путем анализа отдельных слов. Замена любого элемента в таких сочетаниях приведет к потере исходного смысла. Во-вторых, частичные идиомы, обладающие как буквальным, так и переносным значением, но их особенностью является ограниченная возможность замены слов без потери уникального значения. Далее коллокации – группы слов, которые часто используются вместе, образуя стандартные сочетания. В отличие от идиом, элементы в коллокациях можно заменять, не меняя общего значения выражения. И, наконец, *opaque idioms* – идиоматические выражения, чье значение невозможно определить, исходя

из значений составляющих их слов. Эта классификация помогает точнее усвоить устройство языка и механизмы формирования его выражений [11, с. 42].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что идиомы – это стабильные выражения, которые условно можно разделить на две категории. К первой категории относятся идиомы, чье значение можно интерпретировать из составляющих конститuentов, то есть смысл которых не требует дополнительного контекста. Например, *teacher's pet* – любимчик учителя. Ко второй категории относятся идиомы, значение которых не так очевидно и требует дополнительного объяснения или контекста для понимания. Например, идиома *let your hair down* переводится не как *потерять волос*, а как *расслабиться*, чей смысл можно понять из следующего контекста: *Don't worry about your work. Let your hair down and enjoy the party.*

В дискуссии о языковых образах особого внимания заслуживают метафоры. Они уникальны тем, что позволяют представить одну концепцию через призму другой, сопоставляя различные объекты. В отличие от метафор, идиомы не всегда основываются на сравнении, хотя их корни часто уходят к метафорическому сравнению.

Рассматривая пословицы и идиомы, стоит подчеркнуть, что пословицы более насыщены культурным смыслом и мудростью. Они могут быть использованы в разговоре частично, при этом сохраняя свою смысловую полноту. Например, упоминание фразы *It was the last straw* немедленно вызывает у слушателя понимание полного контекста, даже без необходимости проговаривать всю пословицу целиком – *It was the last straw that broke the camel's back* [12, с. 70].

Мы также считаем, что в классификацию можно добавить идиомы-форенизмы, которые особенно распространены в молодежном сленге. Например, *словить хайп* – привлекать к себе внимание, раскручивая какое-то скандальное событие; *айл би бэк* – я вернусь!

Исследование когнитивной нагрузки идиом невозможно без изучения их аксиологического и прагматического потенциала. Аксиологический потенциал идиом связан с их ценностной нагрузкой и выражением авторской оценки. Так, они могут нести в себе определенные нравственные, культурные или эстетические ценности, отражая авторский подход к теме или явлению. Использование определенных идиоматических выражений может создавать атмосферу эмоциональной окраски, усиливать выразительность высказывания, помогая тем самым передать определенные эмоциональные оттенки.

В соответствии с вышеизложенными размышлениями можно сделать вывод о том, что идиомы являются уникальными языковыми конструкциями, обладающими рядом специфических черт. Концепция идиоматичности была изучена многими исследователями. Так, Л. Блумфильд выделяет их выраженную идиоматичность, стабильность и наличие разнообразных коннотаций, формирующих их образное значение [13, с. 39].

Другие ученые, такие как М. М. Копыленко и З. Д. Попова, постулируют идею о том, что значение идиомы нельзя интерпретировать простым суммированием значений ее конститuentов [14]. Примечательно, что практически все ученые, в чье исследовательское поле попало изучение идиом, отмечают, что особенность идиоматических единиц заключается в их уникальности, из-за которой невозможно вывести значение отдельных слов в их составе. Они также указывают на то, что использование идиом в определенных ситуациях придает дополнительные ню-

ансы смысла, такие как оценочные суждения, модальные значения и эмоциональная окраска, благодаря чему обогащается первоначальное значение. Этот процесс, получивший название коннотации, предполагает возникновение дополнительных ассоциаций и значений в контексте использования идиомы, что помогает преодолеть ее смысловую ограниченность. Исходя из анализа взаимосвязей между языком, его культурным и историческим контекстом, можно выделить значимую роль коннотаций.

В лингвистике также ведутся дискуссии относительно состава идиоматического корпуса. Так, Л. П. Смит, В. П. Жуков и Н. М. Шанский настаивают на включении в него всех форм стойких выражений. Вместе с тем другие исследователи, такие как Н. Н. Амосова, А. И. Смирницкий, предпочитают ограничивать фразеологию только специфическими категориями. В этом контексте В. В. Виноградов выделяется своим мнением о том, что пословицы и поговорки не следует относить к фразеологизмам, аргументируя это их предположно-структурной особенностью и отсутствием прямой семантической связи со словами [6, с. 243]. Напротив, Н. М. Шанский утверждает, что пословицы и поговорки представляют собой уникальные категории, отличающиеся своеобразной структурой и семантической насыщенностью, поскольку они представлены конститuentами с так называемым гибким значением, присущим идиомам [15].

Несомненно, что анализ идиом невозможен без изучения их функций, а именно: коммуникативной, номинативной, познавательной, прагматической и других. Особый интерес представляет исследование прагматического потенциала идиом, поскольку они, как правило, используются в дискурсе с целевой установкой установления контакта, передачи конкретной информации, убеждения собеседника, создания определенной атмосферы или эмоционального настроения. Кроме того, употребление идиом улучшает понимание и восприятие сообщения, делает дискурс более экспрессивным.

Изучение прагматического потенциала идиом, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть на примерах их функционирования в художественном дискурсе, представляющем собой когнитивный процесс. Отличие текста художественного произведения в сравнении с другими типами текста, по мнению В. П. Белянина, состоит в том, что он «представляет собой личностную интерпретацию действительности. Писатель описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком; развивает такие соображения, которые ему близки и понятны; использует языковые элементы и метафоры, которые наполнены для него личностным смыслом» [16, с. 55].

Схожую идею высказывает В. А. Пищальникова: «Художественный текст можно определить как коммуникативно-направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявленной в процессе его восприятия» [17, с. 3].

Мы полагаем, что художественный текст – это своего рода слепок с реальной жизни, но слепок не объективный, а отражающий индивидуально-авторскую картину мира и его интенцию. В процессе прочтения и осмысления текста авторская картина мира пересекается с картиной мира читателя, и в этом причудливом переплетении и происходит постижение и переосмысление авторской интенции.

По нашему мнению, художественный дискурс представляется оптимальным средством вербализации идиоматических выражений, поскольку, как утверждает

В. В. Бабайцева, в произведениях названного характера «активизируются те языковые конструкции и единицы, которые участвуют в формировании конкретики предметного мира, приобретающего статус не просто пространственной рамки событий, а этапа художественного познания» [18, с. 146–148].

Идиомы, в силу своей эмоциональной экспрессивности, не только придают дискурсу колорит, но и выступают своеобразным скрепом между автором и читателем, позволяя последнему глубже погрузиться в атмосферу произведения и лучше понять внутренний мир персонажей.

Несомненно, в художественных произведениях посредством идиом отражаются личные взгляды автора и его персонажей, а также культурно-специфический фон того или иного общества. Таким образом, идиомы манифестируют уникальность каждого литературного произведения, делая его не только средством передачи заложенной в него темы и ремы, но и инструментом взаимодействия с миром читателя.

Использование идиоматичных выражений писателями часто направлено на достижение нескольких целей: они не только выражают эмоции и отношение персонажей к событиям, но и отражают языковые реалии и социокультурные особенности. Как утверждает М. А. Махмудова, они «играют ключевую роль в представлении культурного контекста, делая его более доступным и понятным для читателя, тем самым углубляя его погружение в текст и раскрывая его многослойность через оригинальные словесные конструкции» [19, с. 12].

Проанализировав эмпирический материал, мы пришли к выводу, что художественные дискурсы часто содержат скрытый смысл, который авторы вкладывают в свои работы, обходясь без прямого использования языковых структур. Они изобилуют метафорами и символами, которые пронизывают текст на различных уровнях. Авторы, обращаясь к идиомам, стремятся обогатить свои произведения, внося в них уникальные элементы и раскрывая персонажей под необычными углами, зачастую неожиданными для читателей. Таким образом, идиомы служат для того, чтобы придать тексту выразительность за счет ассоциативных образов, что приводит к формированию его эстетической целостности. Более того, так как идиоматические выражения имеют сжатую структуру, то возможно вложить в текст сложные идеи, используя минимум слов.

На наш взгляд, художественный текст отличается довольно пестрой содержательно-фактуальной информацией, а следовательно, и коммуникативной интенцией, представленной в виде психолингвистической (вербальной и невербальной) реакции на ситуацию. В связи с этим автор художественного произведения отбирает и организует языковые средства, исходя из того, чтобы они не только передавали его смысл, но и, что более важно, вызывали у адресата эмоциональную реакцию на него и настоящее эстетическое наслаждение, что самым непосредственным образом связано с прагматической функцией художественного текста, которая определяется как приобщение читателя к мыслям и системе эстетических оценок адресанта.

Использование идиом становится ключевым в достижении этой цели, обогащая текст и внося в него определенное своеобразие. Это объясняется тем, что идиомы обладают способностью не только называть и описывать, но и передавать более «глубокие аспекты и контексты, добавляя произведению многослойность

и текстурность, что делает его запоминающимся и значимым» [20, с. 33]. Отсюда возникает интерес к изучению вербализации идиом в художественном дискурсе, поскольку они позволяют раскрыть индивидуальность писателя, его эмоциональный мир и взгляды на описываемые события.

Однако неправильное использование идиом может привести к искажению фактуальной информации и интерпретации описываемых событий. Идиоматические обороты часто служат не просто для отображения действительности, но и для выражения личных взглядов или чувственных нюансов. Они могут содержать нотки сарказма, осуждения или насмешки, обогащая язык уникальной эмоциональной глубиной. Например, идиома *чернильная душа* намекает на бюрократическую натуру с ноткой пренебрежения, в то время как *шишка на ровном месте* отсылает к человеку, который не выделяется и не имеет большого значения.

Использование стилистически насыщенных идиоматических выражений может значительно усилить их выразительность. Применение фигуративного языка, включая метафоры и аналогии, способствует углублению эмоционального содержания сообщений. Например, идиома *отставной козы барабанщик* имеет отрицательную коннотацию и используется часто для создания иронии в отношении героев произведения. Как в классической, так и современной литературе ее используют когда говорят о людях, которые не любят трудиться и готовы выполнять даже самую никчемную работу. Так, Максим Горький в пьесе «На дне» упоминает героя Алешку, которого автор представляет как *«ваше превосходительство, отставной козы барабанщик»*. Или, например, Виктор Грошев в своей книге «Продавец газет» пишет о командире в отставке, которого захотели снова привлечь к службе. Но тот сказал, что *лучше найти другого командира, так как он теперь – продавец газет, отставной козы барабанщик*.

Или пример из произведения Василия Сахарова «Большой погром»: *А этим летом он обязан вновь рыскать вдоль европейских и английских берегов, выжигать рыбацкие деревни, захватывать пленных, брать на бордаж корабли и всячески кошмарить католиков*.

Используемая метафора *кошмарить*, чья семантика означает *беспокоить*, придает оценочному суждению автора еще «большую глубину и насыщенность» [21, с. 98]. Следовательно, идиоматические обороты могут играть роль эвфемизмов, обеспечивая возможность для более тонкого и скрытого выражения мыслей и информации.

Использование идиоматических выражений часто обусловлено стремлением соответствовать культурным нормам, этическим кодексам или религиозным убеждениям, где они выступают как метафоры, поскольку включают в себя метафорические образы. Например, выражение *как сквозь землю провалился* является ярким примером такого метафорического образа, поскольку его в силу своей эмоциональной окраски довольно часто можно встретить в художественных текстах. Кроме того, идиомы могут использоваться для создания контрастных образов в тексте.

Проанализируем еще отрывок из произведения Сомерсета Моэма «Театр».

Бедный ягненок, – подумала Джулия, – верно, сегодня самый знаменательный день в его жизни. Будет на седьмом небе от счастья, когда начнет рассказывать об этом. Он станет героем в своей конторе, и все от зависти лопнут.

В приведенном отрывке автор использовал сразу несколько идиом. Первая идиома (*бедный ягненок*) выполняет роль задания темы, реализуя функцию проспективного коррелята, связывающего воедино все предложения отрывка. Следующая идиома (*Будет на седьмом небе от счастья*) располагается в середине, осуществляя при этом когезивную функцию развития темы, и способствует ее раскрытию от зачина до конца. И, наконец, последняя идиома (*все от зависти лопнут*) содержит вывод из того, о чем шла речь на всем протяжении отрывка.

Следовательно, происходит ступенчатое развертывание темы всего повествования. С семантической точки зрения все идиоматические выражения скреплены между собой проспективно-ретроспективными связями. Таким образом, на основании вышеизложенного мы полагаем, что идиоматические выражения исполняют роль средств организации не только дискурса, но и мысли, ибо с их помощью удастся выделить главное и привлечь к этой информации внимание читателя. Изложенные гипотезы позволяют нам предположить, что идиоматические выражения отражают определенные ментальные категории. Отсюда следует, что их уместно интерпретировать как логико-речевые образования, которые представляют собой формы мыслительного процесса и являются формами речевой коммуникации.

Выводы

Подводя общий итог исследования, можно сделать ряд выводов. Итак, язык имеет антропологическое влияние, поскольку он служит средством для обмена информацией с учетом разнообразия его форм и методов, многочисленных жанров и стилей, а также эмоционального воздействия на реципиента. Таким образом, прагматическая функция языка опосредуется через его взаимосвязь с социальной составляющей. В процессе эволюции языка появляются новые фразы и выражения, в частности и идиоматические выражения, обогащающие язык и делающие его более экспрессивным. Некоторые идиоматические выражения становятся анахронизмами, а другие – неологизмами. Использование идиом в художественном дискурсе позволяет передавать чувства и мысли персонажей, создавать своеобразную тему-рематическую аранжировку текста и отражать культурные особенности языка. Кроме того, освоение лексического пласта на примере идиоматических выражений различных языков позволяет лучше изучить их лингвокультурологический фон.

Ссылки

1. Петрова Е. А. Структурно-семантические особенности варваризмов (на примере профессиональной речи сотрудников органов внутренних дел) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 172–181. EDN GPUNQU.
2. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм М.: Эллипс, 2008. 271 с.
3. Арсентьева Е. Ф. Лекции по фразеологии английского языка. М.: Наука, 2004. 44 с.
4. Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
5. Вендина Т. И. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 2001. 288 с.
6. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука, 1977. 312 с.

7. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: МГУ, 1998. 260 с.
8. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов М.: УРСС, 2005. 288 с.
9. Черданцева Т. З. Язык и его образы: Очерки по итальянской фразеологии. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 168 с.
10. Fernando C., Flavell R. On Idiom: Critical Views and Perspectives // Exeter Linguistic Studies. 1981. Vol. 5. P. 18–48.
11. McCarthy M. Vocabulary. Oxford: Oxford University Press, 1990. 173 p.
12. Эльжуркаева М. Я. Проблемы перевода фразеологических единиц // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II Междунар. науч. конф. СПб.: Реноме, 2013. С. 106–109.
13. Блумфильд Л. Дескриптивная лингвистика. М.: ЭЛПИС, 2008. 272 с.
14. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. Фразеосочетания в системе языка. Изд. 2. М.: URSS, Либроком, 2010. 192 с.
15. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1969. 232 с.
16. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 1988. 121 с.
17. Пищальникова В. А. Проблемы лингвоэстетического анализа художественного текста. Барнаул: АГУ, 1984. 59 с.
18. Бабайцева В. В. Избранное. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. 399 с.
19. Юсупова М. А., Махмудова М. А. Стилистика фразеологических единиц в английском и русских языках // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 101–104. EDN WGCBKD.
20. Петрова В. А. Перевод окказиональных фразеологизмов в общественно-политических текстах электронных английских СМИ // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2016. № 1. С. 7. EDN VSFFJV.
21. Seidl J. English idioms. Oxford: Oxford University Press, 1988. 267 с.